МИНИСТЕРСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ

Гасанова С.Н., Каидов З.Г.

Современный агульский язык

Махачкала – 2017

УДК 811.351.31:8'
ББК 81.2 (2Рос–лез) –3

Ответственный редактор: доктор филол. наук, профессор М.А. Гасанова
Рецензенты: доктор филол. наук, профессор С.Р. Мерданова,
доктор филол. наук, профессор Ш.А. Мазанаев

Настоящая работа представляет собой первую часть синхронного описания основных единиц современного агульского языка, литературная форма которой только начинает складываться вокруг говоров собстенно-агульского диалекта. Книга может быть полезна всем, кто интересуется агульским языком, преподавателям, студентам и аспирантам высших учебных заведений, а также учащимся, учителям общеобразовательных школ и техникумов.

Социолингвистический портрет агульского языка[1]

Агульский язык – один из языков лезгинской группы иберийско-кавказской семьи языков. Носители языка исконно проживали на территории двух районов Дагестана: Агульского и Курахского. Уточнена и определена диалектная дифференциация агульского языка. Традиционно выделяют 4 диалекта: *собственно-агульский* (селения, расположенные по Агул-дере), *керенский* (селения, расположенные по Керен-дере), *кошанский* (селения, расположенные по Кошан-дере) и *гекхунский*, представленный одним аулом.

Агульский язык относится к новописьменныйм языкам. Письменность на основе кириллицы создана в 1991 г.

До 1957 года преподавание в школах Агульского района велось на лезгинском языке. С 1957 года по настоящее время – на русском.

С 1992 года агульский язык введен как предмет изучения в школах Агульского и Курахского районов, а также в местах компактного проживания агулов (Каякентский и Дербентский районы, Кизляр, Каспийск).

Изданы букварь агульского языка (1992), учебник агульского языка для 2 класса (1995). С тех пор ничего по агульскому языку для школы не выпускалось. Хотя есть подготовленные учебники, учебные пособия, но отсутствие финансирования у соответствующих государственных структур не позволяет их издать.

Специалистов по агульскому языку готовят на филологическом факультете Дагестанского государственного университета и на факультете дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета.

Научное исследование агульского языка началось с работ Р. Эркерта, А. Дирра. К материалу агульского языка обращались и такие выдающиеся лингвисты как Н.Трубецкой, Р.Шаумян, Е. Бокарев, А.Магометов.[2]

В 80-90-е годы XX века изучением агульского языка занялись ученые, для которых этот язык стал родным. Защищены кандидатские и докторские диссертации по агульскому языку, написаны монографии, посвященные языку, истории и культуре агулов [Тарланов 1994], агульскому фольклору и литературе [Мазанаев 2007, Мазанаев, Базиева 2014].

Следовательно, *форма функционирования* агульского языка письменная и устная.

Форма контактирования с другим языком (языками) двусторонняя и односторонняя. Определение *индекса контактирования* для агульского языка представляет определенные трудности в связи с тем, что агулы проживают в разных административно-территориальных районах. В соседстве с разными народами и роль агульского языка на разных территориях нетождественна.

На территории Агульского района в селениях Чираг и Амух компактно проживают и даргинцы, но на сегодняшний день их осталось мало. Жители данных

---

[1] Мерданова С.Р., Гасанова С.Н. Социолингвистический портрет агульского языка // Языкознание в Дагестане. 1997.– С.124-128.

[2] Мерданова С.Р., Гасанова С.Н. Социолингвистический портрет агульского языка // Языкознание в Дагестане. 1997.– С.124-128.

сел активно владеют даргинским языком. В качестве языка межнационального общения используется русский язык, несмотря на пассивное владение ими агульским языком. Сами агулы даргинским языком не владеют.

Долгое время (а для старшего поколения агулов и сейчас) языком общения с представителями других народностей служил лезгинский язык. Гранича на севере с лакцами, на северо-востоке с кайтагцами, на востоке с табасаранцами, агулы не вступают в непосредственные языковые контакты с представителями этих народов, т.к. отделены от них горами. Однако, многие носители *кошанского* диалекта агульского языка владеют табасаранским языком. Возможно, это обусловлено большей близостью диалекта к табасаранскому языку и географической близостью селений Буршаг, Худиг, Арсуг с Табасаранским районом.

В 70-е годы XX века несколько агульских аулов были переселены на равнину, в Дербентский район и в настоящее время проживают смешанно с лезгинами, табасаранцами и другими национальностями. Представители отмеченных народностей владеют пассивно двумя другими языками, но в практике повседневного общения предпочитают говорить по-русски.

В Курахском районе исконно агулы проживали в пяти селах: Хпюк, Усуг, Укуз, Квардал, Хвередж. Жители селения Укуз уже переселены в Дербентский район. Стремительно идет сокращение населения и в остальных селах, в связи с переселением, миграцией.

«Несмотря на компактное проживание в агульских селах, близкое соседство с лезгинами, административно-территориальную общность, межнациональные браки привели к общему активному владению агулами лезгинским языком. Обучение в школах ведется на русском языке, хотя уровень владения русским языком не так высок, как в Агульском районе» [Мерданова, Гасанова 1997:126].

Следующая константа, на что следует обратить внимание при социолингвистической характеристике языка, – это *защищенность/незащищенность* языка официальной политикой.

Статья 11. Конституции Республики Дагестан утверждает, «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана.

В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [Конституция РД 2003].

Таким образом, агульский язык, наряду с другими языками, имеет право на существование и развитие, его защищенность обеспечивается официальной политикой. В связи с тем, что языком обучения в школах и вузах, языком, на котором преимущественно ведутся передачи на радио и телевидении, языком государственных учреждений является русский язык, носители агульского языка не сразу восприняли и оценили введение агульского языка в качестве языка обучения. Однако представители старшего поколения ревностно следят за тем, чтобы младшие (в селе и в городе) свободно владели разговорным агульским языком и говорили дома на родном. Но молодое поколение, которое растет в городах, в большинстве, к сожалению, своем не говорят на агульском языке.

В январе 2017 года в ДГПУ прошел круглый стол, посвященный проблемам сохранения и развития агульского языка, высветивший многие проблемы агульского языка, связанные с миграцией населения, отсутствием школьных учебников и др. Такие негативные факторы, влияющие на полноценное функционирование языка, провоцируют серьезный спад интереса к изучению языка в школах, абитуриенты не идут в вузы, где готовят специалистов по родному языку.

Жители Агульского района, говоря о своей национальной принадлежности, подчеркивают свою обособленность от лезгин, считают себя отдельной этнической единицей, хотя старшее поколение свободно владеет и лезгинским языком. Среднее и младшее поколение, только частично понимают лезгинский язык и не владеют им активно.

Агулы, проживающие в некоторых из сел Курахского района, называют себя по названию села, например, хпюкцы, противопоставляя себя как лезгинам, которых они называют «ярккар», так и агулам – «агъулар». В то же время и агулы, и лезгины, по их мнению, составляют одну народность – «лезгияр».

Таким образом, *отношение носителей к родному языку* можно оценить как положительно с некоторыми оговорками.

Следующая константа показывает *роль одного языка по отношению к другому* и служит средством общения для носителей другого языка или используется только носителями агульского языка. Константа, безусловно, определяется как «средство для общения между носителями агульского языка», так как на агульском языке говорят только агулы, он не служит средством межнационального общения.

Форма распространения языка: компактная или дисперсная составляет содержание последней, шестой константы.

На сегодняшний день, компактно, на исконной территории проживают менее 50% населения, смешанно проживают агулы в Дербентском районе, достаточно много агульских семей проживает в Дербенте, Махачкале, Каспийске. Поэтому, говорить о форме распространения можно сказать с оговорками – *компактная.*

ФОНЕТИКА

Если мы вслушаемся в звучащую речь, то услышим множество различных звуков. Общение между людьми происходит в первую очередь именно через звуковую сторону. Благодаря ней происходит передача языка от поколения к поколению и усвоение языка детьми, которые учатся говорить, владеть членораздельной звуковой речью.

Фонетика изучает такие средства языка, которые, хотя и значимы функционально, но лишены самостоятельного смыслового значения. Фонемы (термин, который разграничивает понятия звука как единицы языка) выполняют дифференцирующую роль, различая морфемы, слова: *кар* «работа» – *дар* «лес», *тар* «музыкальный инструмент», *чар* «ростки зерновых», *пар* «кочерыжка». В приведенных примерах смыслоразличительную функцию выполняют начальные

согласные, а в словах: *тIуб* «палец», *тIаб* «пень» – такую же функцию выполняют гласные. Фонемы могут разграничивать и аффиксы или морфемы: *к-икIас* (*кIучI, гIуяр*) «пришить, посадить (пуговицу, картошку), *х-икIас (ракк, сеIет*) «запереть, надеть» (дверь, часы на руке) – значение слова разграничивают превербы.

Фонетика является наиболее изученной областью агульского языка. К вопросам исследования звукового состава агульского языка обращались почти все исследователи агульского языка [Дирр 1907, Шаумян 1941, Бокарев 1961; 1965; 1981, Старостин 1975; 1975, Магометов 1964,1965,1966, 1970, 1974, Мерданова 1985, 1997, Гигинейшвили 1977, Талибов 1972, 1976, 1977, 1980, С.В.Кодзасов 1976,1990, Сулейманов 1991] и др.

В специальных исследованиях, посвященных отдельным диалектам, говорам агульского языка, описана также и фонетика соответствующего говора диалекта [Гаджиев Н.Г. «Фонетико-морфологические особенности керенского диалекта агульского языка» (2006); Велиева Э.А. «Кошанский диалект агульского языка», (2007); Исрафилов Н.Р. «Фитинский говор агульского язык» (2007)]. Но исследователи не пришли к единому мнению относительно инвентаря фонем и дифференциальных признаков агульских звуков.

Особо место среди работ, посвященных фонетике агульского языка, занимает диссертационная работа С.Р. Мердановой «Фонетическая интерференцияи при взаимодействии языков с контрастными фонологическими системами» (1986). В ней впервые при помощи экспериментальных методов дается акустико-артикуляционная характеристика фонемного состава агульского языка, описывается работа произносительных органов, участвующих в образовании каждого звука агульского языка, приводятся палатограммы и фотоснимки артикуляции звуков.

Система фонем

Все звуки речи подразделяются на гласные и согласные. Это деление звуков на группы основано как на артикуляционных, так и на акустических признаках.

В основе образования гласных лежат равномерные, периодические колебания голосовых связок, в результате которых образуется тон, поэтому гласные называются еще тональными звуками. В основе образования согласных лежат непериодические, аритмические колебания, создающие шум. При образовании согласных струя воздуха встречает преграды на своем пути в виде смыкания произносительных органов или щели, образуемой ими, поэтому для их произношения нужна сильная струя воздуха. При произнесении гласных струя воздуха выходится свободно, не встречая препятствий.

Вокализм

Система гласных агульского языка, как и других дагестанских языков, не образует сложной системы и не характеризуется большим их количеством. В собственно-агульском диалекте, который лежит в основе складывающегося литературного языка выделяется пять гласных фонем: **а, и, у, уь, э**. Кроме исконно

агульских гласных, встречаются также гласные /**о/** и /**ы/**, которые включены и в алфавит агульского языка для правильной передачи на письме заимствованных слов. В отдельных исконных словах отмечается также наличие долгого гласного /**о/:** в указательных местоимениях, а также возгласах или командах, подаваемых животным**:** *го-гьате* «вон тот», *готич* «вон туда», *вогьа* «команда быкам остановиться».

В ранних русских заимствованиях в устной речи /**о/** в заменялся на /у/ или /а/: *ппамадур* «помидор», *ккаридур* «коридор», *тилифан* «телефон», *телевизур* «телевизор», а /ы/ заменяется звуком /и/, например, в словах *цирк*. Это связано также и с отсутствием противопоставленности по твердости/мягкости согласных в агульском языке: *ппасилка* «посылка» и т.д.

В алфавит агульского языка включены также буквы **е, ё, ю, я**, которые не обозначают отдельных фонем, они выполняют двоякую функцию: в начале слова, после гласных и положении между согласными обозначают два звука: ярх /йарх/ «селевые потоки»/, *ерид* /йэрид/ «семь», *юруш* /йуруш/ «походка», *ёлка* /йолка/ «елка», *ая* /айа/ «есть», *гъуянас* /гъуйанас/ «брать», *гъуюне/гъуйуне*/ «взял», в положении между согласными – один звук: *дехъес* «остыть», *мех1* «сыворотка», *Бях1ей* «собственное имя мужское» и т.д.

Гласные агульского языка характеризуются по *ряду, подъему и участию губ*.

По ряду гласные агульского языка распределяются на две группы: переднего и заднего ряда, в отличие, например, от русского языка, где выделяются гласные и среднего ряда. Например, гласный **/а/** является звуком менее широкого раствора рта и заднего ряда. К гласным переднего ряда относятся **/и/, /э/, /уь/**, заднего ряда – **а, у.** По степени подъема языка гласные агульского языка подразделяются на три типа: гласные верхнего подъема – **/и, у, уь/**, среднего подъема –**/э/** и нижнего **– /а/.**

По степени участия губ, гласные подразделяются на лабиализованные (огубленные) – /**у, уь/** и нелабиализованные (неогубленные) – /**а, и, э/.** В *керенском* диалекте, *гекхунском* (*буркиханском*) говоре выделяют также фарингализованные гласные.

Артикуляционная характеристика гласных

Таблица 1.

ряд / подъем	**Передний**		**Задний**	
	лабиализованные	**нелабиализованные**	**лабиализованные**	**нелабиали–зованные**
верхний	**уь**	**и**	**у**	
средний		**э**		
нижний				**а**

Гласный **/и/** – переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованная фонема, в отличие от /**а**/ является узкой. Язык поднимается высоко, кончик язык упирается в

края нижних зубов, встречается как в начале слова, так и в середине и в конце: *нирх* «крупа пшеничная», *иъ* «кровь», *ттуьлли* «ровно, гладко», *хIуни* «корова».

Гласный **/у/ –** лабиализованный верхнего подъема, заднего ряда, встречается во всех позициях: *ул* «глаз», *урч* «теленок», *тур* «сабля», *кьур* «зерно», *Iулу* (эрг.падеж) «мышка».

Гласный /**уь/** – переднего ряда верхнего подъема, лабиализованный звук: *уьтт* «мед», *Iуьр* «озеро», *зуьлез* «селезенка», *туьтуь* «слюна».

Гласный **/э/** – звук переднего ряда среднего подъема нелабиализованный. Как было отмечено выше, данный звук передается на письме также и буквой **«е»** после согласных или между согласными: *эхъ* «тень», *цIегь* «коза», *лепе* «волна».

Гласный **/а/** произносится при широком растворе рта (хотя не при таком широком, как при произнесении /а/ в русском языке), челюсть опускается вниз не резко и не в такой степени, как в русском, встречается как в начале слова, так в середине или в абсолютном исходе слова: *арх* «овраг», *сад* «один», *таб* «вена», *тарта* «пес».

Консонантизм

Агульский язык отличается богатством состава согласных фонем. Система согласных фонем агульского языка образуется на противопоставлении их по нескольким признакам. Среди дифференциальных признаков согласных, на которые следует обратить внимание, С.Р.Мерданова указывает: билабиальность, придыхательность/непридыхательность, наличие/отсутствие голоса, место образования, способ образования, наличие/отсутствие дополнительной гортанной артикуляции. Всего в агульском языке выделяется 61 согласная фонема [Мерданова 1986: 6-7].

По месту образования в агульском языке выделяют следующие группы согласных:

1) **ГУБНЫЕ**, которые подразделяются на :

а) ***губно-губные*: /б, в, м, п, пп, пI/.**

/б/ – *губно-губной смычно-взрывной звонкий*, такой же, как в русском языке, встречается во всех позициях: *абаб* «тетя», *баб* «мать», *ибгIаф* «теплый», *булбул* «соловей», *гъаб* «охапка», *къаб* «посуда»**,** *бадбад* «гребешок»

/в/ – буква «**в»** в агульском языке передает звук, отличный от звука русского языка, обозначаемого этой буквой. В агульском языке – это билабиальный звук, щелевой, сонорный, произносится при вытянутых вперед и округленных губах, наподобие английского звука, обозначаемого буквой **w**, встречается в различных позициях: *вун* «ты», *варв* «пчела», *верш* «сто», *вев* «крик, зов», *савда* «торговое соглашение»; вартт «вверх», ваз «луна», *гIав* «вымя»;

/м/ – губно-губной сонорный носовой встречается в начале, конце, середине слов: *мав* «нутряной жир», *лам* «сырость», *маймун* «обезьяна», *машмаш* «абрикос», *мум* «воск», *гьемишанди* «всегда», *идеми* «мужчина»;

/п/ – губно-губной смычно-взрывной всегда неинтенсивный (придыхательный, аспират), встречается во всех позициях: *пул* «деньги», *парI* «лопух», *пурар* «седло», *лап* «очень», *пустталай* «гриб», *къапубур* «ворота», *пап* «коровяк»;

В заимствованиях из русского языка в дидактических целях в некоторых словах, активно используемых в агульском языке, рекомендуется сохранить правописание русского языка (*пол*, *парта*, *пачка*), но буква **п**, передает интенсивный звук, который в агульском языке губно-губной обозначается диграфом ***пп;***

/пп/ – губно-губной, интенсивный звук, чаще встречается в начале слова и в середине, редко – в конце: *куппар* «кизяки», *хIуппар* «овцы», *ппара* «много», *ппапп* (*акьас*) «просигналить»;

/пI/ – губно-губной смычный абруптивный, произносимый с напряжением губ: *пIер* «выделения из глаз»; *пIипI* «козырек фуражки»;

б) губно-зубные: /ф/ соответствует звуку русского языка, функционирует в различных позициях: *фурдакI* «корзина для навоза», *фаттархьас* «упасть», *хъуттурфас* «смотреть», *хIефтта* «неделя», *ирефф* «красный»;

2) ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ: **/д, дж, ж, т, тI, тт, з, с, р, л, н, ч, чч, ччв, чI, ш, шв, ц, цв, цI/.**

Все они образуются при активной работе передней части языка, которая образует смычку или щель, дотрагиваясь до зубов или десен.

Артикуляция звуков **/д, з, с, р, л, н, ж/** совпадает с соответствующими звуками русского языка, встречаются в различных позициях: *дар* «лес», *дард* «печаль», *бадра* «бедро»; *зерфел* «сито», *заз* «колючка», *зибз* «муравей», *азманф* «огромный»; *сум* «соломинка», *лус* «конский щавель», *сасра* «другой»; *руб* «иголка», *мудур* «козленок», *варв* «пчела»; *луф* «голубь», *сул* «лиса», *гъилив* «рукав»; *нис* «сыр», *гитан* «кошка», *унихьас* «слышать». Звук **/ж/** встречается, в основном, только в *керенском* диалекте, а также в заимствованных словах: *аждагь*а «дракон», *жалла* «все» (кер.д.), *жираф*, жумарт «щедрый»

/жв/ – переднеязычный щелевой лабиализованный, обладает ограниченной употребляемостью: *жвартIв акьас* «шлепнуться» (звукоподражательное).

/дж/ – переднеязычныйя аффриката звонкий встречается во всех позициях: *джакьв* «воробей», *радж* «ряд», *джуьнна* «марля», *муджур* «борода»;

/джв/ – лабиализованный переднеязычный, аффриката, встречается в ограниченном количестве слов: *мерджв* «овод»;

/св/ – переднеязычный щелевой лабиализованный, встречается в ограниченном количестве в *кошанском* диалекте: *исв* «место».

/т/ – переднеязычный придыхательный звук смычно-взрывной, встречается в словах во всех позициях: *тук* «цветок», *тут* «тутовник», *тарт* «выступающая полочка в стене»;

/тт/ – переднеязычный взрывной, геминированный (подобный звуку [т] русского языка в сильной позиции), встречается во всех позициях: *ттур* «ложка», *ттаккра* «лук для стрельбы», *ратт* «гумно», ттуттас «трясти»;

/тI/ – переднеязычный, смычный, произносимый с напряжением в гортани (абруптивный) звук: *тIул* «прут», *тIуб* «палец», *тIамтIам* «пятно», *кIетI* «колос».

/тIв/ – переднеязычный, смычный, лабиализованный абруптив: *кIентIв* «губа»

(кош.);

/ч/ – переднеязычная глухая аффриката, не является такой мягкой, как **/ч/** русского языка, встречается в начале, середине и конце слов: *чапп* «тряпка», *куч* «коса», *Iачинф* «глиняный»;

/чв/ – переднеязычный, аффриката, встречается в ограниченных позициях: *чвас* «вам» (дат. п. от *чун* «вы»), *чварт* «звукоподражание выливающейся воде»

/чч/ – переднеязычный, аффриката, геминированный звук: *ччам* «масло», *ччиччай* «тетя»,

/ччв/ – переднеязычный, аффриката, лабиализованный: *ччварччв* «свисающие складки кожи, при резком похудении» (ср.: *чарч* «решетка, изгородь»);

/чI/ – переднеязычный, аффриката абруптивный, шипящий: *чIар* «волос», *чIил* «ремень», *чIал* «язык», *ручI* «изморозь», *учIас* «влезть»;

/чIв/ – лабиализованный, переденеязычный, аффриката: *алайчIвас* «слезть», *айчIвас* «выйти, вылезть»;

/ш/ – переднеязычный, щелевой, глухой, не такой твердый как в русском языке, полумягкий, встречается во всех позициях: *шар* «дождевой червь», *аш* «каша», *IешрикI* «плакса»;

/шв/ – переднеязычный, лабиализованный, щелевой, глухой звук, встречается в ограниченном количестве слов: *хIешв* «тмин» (ср. *хIеш* «туалет»);

/ц/ – переднеязычный звук, глухой, придыхательный, аффриката: *цац* «в прошлом году», *фацас* «схватить»; *церхь* «отвес», *цимцел* «деревянная шумовка»;

/цц/ – переднеязычный, геминированный звук, встречается в органиченном количестве слов: *къвацц* «копыто»;

/цв/ – переднеязычный, глухой, лабиализованный: *аларцвай* «кружась» (ср. *аларцас* «ударить»), *ацварар* «весы» (бурш.);

/цI/ – переднеязычный, абруптивный, аффриката: *цIа* «огонь», *цIантук* «мак», *кьацI* «укус/кусок»;

/цIв/ – переднеязычный, абруптивный, произносимый с вытянутыми губами, т.е. лабиализованный, встречается, как правило, в абсолютном конце слова: *нецIв* «река».

3) СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЙ щелевой /**й**/: *уйи* «был», *хуппай* «потом», *йи* «молотьба».

4) ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ: /г, гв, к, кв, кк, ккв, кI, кIв/:

/г/ – заднеязычный, смысно-взрывной, звонкий, встречается во всех позициях: *гуни* «хлеб», *гур* «миска», *дабраг* «пастушья сумка», *гилегв* «ключ»;

/гв/ – заднеязычный, лабиализованный, звонкий, встречается во всех позициях: *гвар* «кувшин», *гилегв* «ключ», *гвадж* «затылок, хохолок», *агвас* «видеть», *Iегв* «зеркало»;

/**к**/ **–** заднеязычный, глухой, придыхательный, встречается во всех позициях: *куб* «кизяк», *кумак* «помощь», *китик* «мушмула», *кирк* «ноготь», куку «яичница»;

/кв/ – заднеязычный, лабиализованный встречается в ограниченных позициях: *Iекв* «свет»; *киквас* «скопиться, собраться на вертикальной поверхности»;

/кк/ – заднеязычный интенсивный звук: *ккул* «тулуп», *ккекку* «кукушка», *ракк* «дверь», *вакк* «кабан»;

/ккв/ – заднеязычный, геминированный, лабиализованный, встречается во всех

позициях: *ккварр* «межа», *шиниккв* «ребенок», *мерккв* «лед»;

/кI/– заднеязычный, неинтенсивный смычно-гортанный звук: *кIил* «голова», *кIедж* «бумага», *уьркIеф* «глубокий», *кIаш* «ярлыга», *лекI* «печень», *кIукI* «верхушка, макушка»;

/кIв/ – заднеязычный, неинтенсивный звук, произносимый вытянутыми округлыми губами (лабиализованный), встречается в начале, середине и в конце слов: *кIватт* «короб», *кIекIв* «остриё», *йиркIв* «сердце», *кIакIар хьас* «дрожать»;

хь – заднеязычный, щелевой, глухой (соответствует звуку /х/ русского языка в сильной позиции, например, в слове *хлеб*): *хьед* «вода», *хьид* «весна», *хьирхь* «слюна», *хьухьал* «рукавица», *хьурхьур* «волдырь».

УВУЛЯРНЫЕ / гъ, гъв, х, хв, къ, къв, хъ, хъв/:

/гъ/ – увулярный звук, близкий к арабскому *айну*, как картавый «р» в русском, звук, похожий на «р» во французском, встречается во всех позициях: *гъад* «молоток», *гъурд* «кулак», *гъурагъал* «яйцо», *агъ «*бедро», «бязь», *рагъ* «солнце»;

/гъв/ – увулярный, звонкий,произносимый округленными вытянутыми губами (лабиализованный): *гъвад* потолок», *гъварар* «плачи», *гъван* «камень», *негъв* «слеза»;

/къ/ – увулярный/язычковый, неинтенсивный звук: *къад* «двадцать», *къум* «песок», *къаз* «гусь», *вакъ* «миска», *къакъ* «ноша», *бекъелекъ* «булочка треугольной формы»;

/къв/ – язычковый, неинтенсивный звук, произносимый вытянутыми округленными губами: *къвал* «бок», *къваркъв* «лукошко», *маскъв* «мозг»;

/х/ – увулярный, глухой, хрипящий,фрикативный, встречается во всех позициях: *хал* «дом», *арх* «овраг», *хибхел* «град», *хинзазай* «паук»;

/хв/ – увулярный звук, произносимый с вытянутыми округленными губами: *хвар* «кобыла», *ахв* «желоб», *сехв* «коренной зуб»;

/хъ/ – увулярный придыхательный звук: *хъерт* «крючок», *хъел* «обида», *хъурухъ* «лопаточка для переворачивания хлеба в национальной печи»;

/хъв/ – увулярный неинтенсивный звук, произносимый с вытянутыми округленными губами: *хъвехъв* «нос», *хъветт* «ворона», *мерхъв* «толстая корневая часть некоторых растений»;

/кь/ – гортанный звук, произносимый с напряжением: *кьел* «соль», *кьуш* «половник», *кьуркь* «горло», *ракь* «суп», *рукь* «железо».

/кьв/ – огубленный смычно-гортанный звук: *кьвакьв* «колено», *некьв* «могила».

ФАРИНГАЛЬНЫЕ (ГОРТАННЫЕ) / хI, гI, I, ъ/:

/хl/ – фарингальный, щелевой звук: *хlур* «село», *хIуни* «корова», *руьхI* «душа»;

/гI/ – гортанный (фарингальный) глубокий, произносимый сужением гортани: *гlур* «заяц», *гIуд* «куропатка», *рагI* «мельница», *гIав* «вымя», *агIай* «улитка»;

/гIв/ – такой же, как гI, только лабиализованный: *гIвас* «пойти» (миссинск., хпюкск.);

/I/ – фарингальный смычно-гортанный звук: *Iуьр* «боль», *Iул* «мышь», *IурI* (часть платка, которая при традиционном способе его завязывания прикрывает грудь);

/ъ/ – гортанный, смычный звук: *ваъ* «нет», *ниъ* «запах», *иъ* «кровь».

ЛАРИНГАЛЬНЫЕ /гь/:

/гь/ – ларингальный, близкий к английскому *h*: *гьел* «скалка», *гьеч* «яблоко»,

гьебеяр «переметная сумка» (встречается в говорах русского языка вместо литературного звука *г,* например, [һаварит] вместо лит. [гаварит]).

2. По способу образования согласные агульского языка подразделяются на **СМЫЧНЫЕ,** которые классифицируются на:

а) придыхательные **/т, к, п/;**

б) геминированные **/тт, кк, пп/;**

в) абруптивные **/тI, кI, пI/;**

г) проходные-носовые **/н,м/** и боковой, плавный **/л/**;

д) аффрикаты **/дж, ц, цц, чч, ч, чI/;**

ЛАБИАЛИЗОВАННЫЕ /гв, гъв, гIв, жв, кв, ккв, кIв, кьв, къв, св, тIв, хв, хъв, чв, ччв, чIв, цIв, шв/;

ФАРИНГАЛИЗОВАННЫЕ (в *керенском* диалекте, в *фитинском* говоре) **/хъ', къ', кь', гъ', х'/;**

ЩЕЛЕВЫЕ /в, ж, з, с, ф, х, хь, х, гъ, хI, гI, гь, ш/.

3**. По соотношению голоса и шума** согласные агульского языка подразделяются на шумные и сонорные.

Шумные подразделяются на **звонкие /б, г, гв, гъ, д,гI,ж,з/** и **глухие /гь, п, пп, пI, пп, с,ф, ш, х, хь,хъ, хъв, хI,т, тт, тI, к,кв, кк, кI,кIв, къ, къв, ъ,I/**.

Сонорные /в (w), р, л, н, м, й/.

Способ Обр. / Место Обр.	Сонорные		Шумные								
			Смычные				Аффрикаты			Спиранты	
				глухие							
	смычные	щелевые	Звонкие	Аспираты,лаб	Геминаты,, лаб	Абруптивы,лаб	Аспираты, лаб	Геминаты, лаб	Абруптивы,лаб	Звонкие,лаб	Глухие, лаб
губно губные	**м**	**в**	**б**	**п**	**пп**	**пI**					
губно–зубные											**ф**
передне–язычные	**н, л, р**	**Ж, жв**	**д**	**т**	**тт**	**тI, тIв**	**ч, чв, ц**	**чч, ччв, цц**	**чI, чIв цI, цIв**	**з, ж. жв**	**с, св, ш, шв**
Средне-язычные		**й**									
заднее-язычные			**г, гв,**	**к, кв**	**кк, ккв**	**кI, кIв**					

увулярные							**хъ**	**къ, къв**	**Кь, кьв**	**гъ, гъв**	**х, хв**
фарингальные						**I**				**гI, гIв, гIв**	**хI**
ларин-гальные						**ъ**					**гь**

*В таблицу не вошли фарингализованные звуки.

Звуковые изменения согласных

В системе согласных агульского языка наблюдаются такие фонетические изменения, как *ассимилияция, оглушение, редукция, апокопа, эпентеза, эпитеза, диереза и др.*

Ассимиляция – комбинаторный процесс, при котором происходит полное или частичное уподобление двух звуков. По направлению воздействия ассимиляция может быть, как прогрессивной, так и регрессивной: *д>н: къад* «двадцать» *– къанна сад* «двадцать один». При образовании данного составного числительного, конечный звонкий смысчный /**д**/ уподобляется начальному сонорному /**н**/ последующего союза (составные числительные в агульском языке образуются по схеме «название круглого десятка или сотни + союз (**на**), который пишется слитно с ним и + простое количественное числительное). Такой же процесс демонстрирует и следующий пример*: хьимунна* (сагелай) ← *хьимуд +на* (сагелай) «сколько раз»; р>л: гъилла– вместо гъилра«и рука».

Оглушение: д > т; *дикван* (тип.) – *тукан* (курагск.) «магазин»; *ттаккра* (тп.) – *даккра* (рич.) «лук (со стрелами)»; *ттаргъун* (тп.) – *даргъун* (рич.) «надгробный камень»; *хIуьттез* (тп.) *хIуьдез* (рич.) «ножницы»;

д>тт: звонкий согласный /**д**/ в исходе слова при образовании мн.ч. и в эргативе может оглушиться и перейти в /**тт/:** *хьед >хьеттар* (мн.ч.), *хьетти* (эрг.ф.); *фадатас* (тп.) – *фаттатас* (бурк.) «отпустить», *хъадихьас* (тп.) – *хъаттихьас* (хутх.) «перегнать».

Подобного рода оглушению в аналогичной позиции подвергается в собственно-агульском диалекте и звонкий /**б**/, переходя в /**пп/:** *хIуб – хIуппар* (мн.ч.) – *хуппар* (эрг.п.); *кьабахъ* (тп.) *– хуппахъ* (усуг.) «сзади».

Прогрессивной ассимиляции по глухости подвергается начальный согласный /**д**/ в отрицательной частице *дава*: *акьасттава* ← *акьас* + *дава* «не сделаю», *верефттава* «не получится». Ср. *аркьайдава* «не делает».

д >з : *дивас* (тп.) *– зивас* (фит.) «тянуть»

д > р: *идеми* (собств.-аг.) – *эреми* (бурк.) «мужчина»; *адес* (собств.-аг.) – *арес* (бурк.) «прийти»; *кьудакь* (собств.-аг.) – *кьирикь* (кош.) «шкура»; *кьвадилкьван* (собств.-аг.) – *кьиримкьал* (бурких.) «ковер».

Редукция губной смычки: *Iаб* (тп.) – *Iав* (бурк., хутх. и др.) «колыбелька»: *зибз* (тп.) – *зивз* (бурк.) «муравей», *тIубул* (тп.) – *тIувул* (бурк.) «кольцо», *тIибитI– тIивитI (бурк.)* «виноград».

Утрата конечных согласных (***апокопа***): *тIуб (тп.) – тIу (бурк.) «палец»; руб* (тп.) – *ру* (бурк.) «иголка», исторически наличие согласного в конце слова подверждается формой мн.ч. *рувар;* усеченной формой является в современном агульском языке и форма им.п. слова *чу* «брат», мн.ч. *чуппар*, в *буршагском* говоре сохранился конечный сонорный согласный – *чуй*, который выпадает во мн.ч.: *чувур* «братья». Результат падения сильного согласного имеем и в слове *чи* «сестра». Ср.: *чийар* «сестры» – *ччиччи* «сестрой».

Процесс усечения конечных губных смыкается с фонетическим законом ослабления губой смычки;

Диэреза – выкидка звука в середине слова*: къвацц* (тп.) – *къванц* (усуг.) *«горсть», абанкьул* (тп.) – *абакьул* (рич., бурк.) «лоб»; *чинра – чира* (разг.) «и мы» (тп.).

В системе согласных наблюдается также и такой процесс как **деаффрикатизация**. Звонкая шипящая аффриката /**дж**/ (присутствующая в собственно-агулькой диалекте) переходит в щелевой, звонкий /**ж**/ в некоторых говорах (усуг., рич.): *рудж – руж* «хвост», *муджур – мужур* «борода», *джил – жил* «земля», *валджагъ – валжагъ* «черкеска», *джан – жан* «тело», *джалла – жалла* «все» и т.д. Исключение из этого ряда составляет вопросительное местоимение *фуш* «кто», в фитинском говоре, в данном местоимении в исходе имеем /**ж**/, а в дуруштульском – */**дж**/ (фудж).*

В агульском языке наблюдается также процесс *делабиализации*: *исв* (усуг, бурш.) – *ус* (тп., бурк., цирх.) «место», *иттв* (цирх.) – *уьтт* (тп.) «мед», *нецIв* (тп.) – *ницI* (фит.) «река», *хъехъв (тп.) – хъахъ* (фит.) «нос», *яхв* (тп.) – *йах* (бурк.) «дышло», *кIекIв* (тп.) – *кIакI* (бурш.) «острие».

В кошанском диалекте наблюдается также процесс **палатализации** перед гласными преднего ряда:

к>ч: *куьй* (фит.) – *чуй* (кураг.) «брат», *куьн* (фит.) – *чун* (в ост.д.) «вы», *куьллед* (фит.) – *чуллеф* «голубой»;

кI>чI: *еркIуьд* (фит.) – *ерчIуд* «девять», *кIвел* (фит.) – *чIул* «ива»;

ш>хь: *хьин – шин* (бурш.) «мы» (инклюзив), *хьирхь – ширш* (бурш.) «слюна».

Наращение согласных в агульском языке происходит и в начале слова (протеза), в середине (эпентеза) в конце (эпитеза).

Отмечаемое в литературе по агульскому языку наращение в начале слова, на наш взгляд, является соответствием согласных по диалектам агульского языка. Рассмотрим примеры:

гI: I

гIур (усуг.) – *Iуьр* (тп.) «озеро», *гIирджан* (бурк.) – *Iуьрджан* (тп.) «точильный брусок», *гIуькI* (рич.) – *IуькI* (собств.-аг.) «трава»;

хI:I

*хIасид*а (рич.) – *Iесида* (тп.) «мучная халва».

Эпентеза – вставка согласного в середину слова: *урнетI* (бурш., арс.) – *унетI* (тп.) «бровь», *хурдул* (кош.) – *гъудул* (тп.) «легкие», *цIакурф* (бурш.) – *цIакуф* (тп.) «кривой», *ичас* (тп.) – *ирчас* (кер.) «брызнуть».

Эпитеза – наращение согласного в конце слова: *асхъай* (тп.) – *асхъа* (ус.) «нарыв».

Наиболее ярко процессы протезы и эпентезы наблюдаются при заимствовании слов из русского языка: *усттул* – стул, *исттикан* – стакан, *ккарават* – кровать, Маскав – Москва, *ппиристтатIил* – председатель.

Особенности строения слога агульского языка таковы, что не допускаются в абсолютном начале слова стечения согласных. Сочетания согласных в конце слова тоже органичены: невозможны сочетания двух сонорных согласных, сочетания двух шумных смычных согласных и сочетания двух шумных звонких согласных. Нехарактерно также для агульского языка сочетания трех согласных. Сочетания звонких и глухих шумных согласных в пределах одгого слога допускается [Мерданова I986: 7].

Метатеза – перестановка звуков местами: *багниш* (тп.) – *багIагиш* (кер.) «медведь», *ишкил* – *шикил* (фит.) «фотография», *шалвар* – *шавлар* (фит.) «брюки», *биргадир* – бригадир.

Звуковые изменения гласных

В современном агульском языке в системе гласных звуков наблюдаются такие фонетические изменения, как *редукция гласных, ассимиляция гласных (сингармонизм), чередование гласных*.

Редукция гласных имеет разную картину в различных диалектах и говорах агульского языка. В меньшей степени этот процесс наблюдается в собственно-агульском диалекте, в наибольшей степени этот процесс характерен *керенскому* диалекту, особенно сильно в *хпюкском* говоре. Редукции гласных может происходить в различных позициях, как в инициале слова, так и в середине и исходе слова. Редуцироваться может целый слог, что приводит к долготе гласного и к омонимии: *ке'тIа*с «проснуться» – *кетIас* «свернуться (о молоке)», *хъатIас* «расплатиться (по долгам)» – *хъатIас* «достигнуть чего-то, упереться во что-то»

В **начале** слова выпадает чаще всего гласная ***/а/:*** *алурцас* (кер.) – *лурцас* «вертеть, крутить», *алихьас* «класть, накрывать» (кер). – *лихьас*; *алирхIас* (кер.) – *лархIас* «кинуть со злостью»; *аккирхIас* – *ккирхIас* «подпереть», *агьукIас* (тп.) – *гьукIас* (кер, рич, ус.) «нагнуться». В начальной позиции могут выпасть также гласные ***/и/,/у/:*** *ушуне* (тп.) – (кер.) *шунай* «ушел**»,** *уьлуьхIум* (тп.) – *луьхIум* (кер.) «припой, припаять», *ихъенар* (кер.) – *хъенар* «жатва».

Редукция гласных происходит и в середине слова, на стыке морфем: собств.-аг. (тп.) *ккедихьас* – кер. (ус.) – *ккеттхьас* хп. – *кетхьас* «уничтожить, разрушить»; собств.-аг. (тп.) *фадихьас* – кер. (ус.) – *фатхьас* «бросить, кинуть»); *мехIела* – кош. *мехIла* «квартал».

Н.Д. Сулейманов пишет, что «редукция гласных приводит к таким фонетическим процессам, как **лабиализация**: «восходить»: собств.-аг. *фагъучIас* – кер. (ук. хв.) *фагъчIвас*; «всходить» собств.-аг. *агъучIас* – кер. (хв., ук.) – *агъчIвас*, а также и к семантическим модификациям – омонимии, например, собств.-аг.(тп.) *ахъихьас* «гнаться» (за кем–либо) – *хъихьас* «положить (за чем–либо»): гех. *Хъихьас* 1) гнаться (за кем-н.)»; 2) «положить (за чем-н.)» [Сулейманов 1993:44].

Гласные в исходе слова также могут редуцироваться, например, в косвенной форме существительных отсекается **-и** в эргативе: собств.-аг. *ттаккра–йи* – кер. *ттаккра–й* от *ттаккра* «лук (оружие)»; *мугу-йи* – кер. *мугу-й* «гнездо». Редукцией гласного /**а**/ объясняется образование синтетической формы глагола настоящего времени: *аркьай ая → аркьая, вей ая→вея* «идет».

В области гласных в современном агульском языке наблюдается и процесс ассимиляции гласных, одним из проявлений которого является гармония гласных или **сингармонизм**. Процесс данный проявляется непоследовательно: чаще всего явление гармонии гласных имеет место при образовании множественного числа существительных, а также в эргативной форме: *ккекк – ккекк-ер* «петух– петухи», *мехь – мехь-ер* «загон – загоны», *IуькI– IуькI-ер* «трава-травы», *мал – мал-ар* «скот–скоты», *тук – тук-ар* «цветок– цветки», *гъаб – гъаб-ар* «охапка – охапки», *хал* (им.п.) – *хал-а* (эрг.) «дом», *гъил* (им.п.) – *гъил-и* (эрг.) «рука», *кIил* (им.п.) – *кIил-и* (эрг.)«голова», *тIуб* (им.п.) – *тIуб-у* (эрг.)«палец».

Как отмечалось выше, данный процесс непоследователен даже в пределах одного диалекта: *сив* (ед.ч.) – *сив-ар* (мн.ч.) «рот»; *Iекв* (ед.ч.) – *Iек-ар* «свет», *гьеркIв* (ед.ч.) – *гьеркIв-ар* «(м.ч.) «острие».

Чередования гласных в агульском языке чаще всего носят нефонетический характер и связаны с изменением формы или семантики слова, а также различиями между диалектами и говорами:

а/ у : *цал – цал-ар* / *цил-ар* «стена –стены»; *хал – хулар* «дом – дома»; *кан – канн-ар* (кер.) – *кун-ар* (тп.) «одежда – одежды»; *баб* (тп.) *баб-а-н* (р.п.) – *був-а-н* (кер.) «мама – мамин»; *гIудулф* (тп.) – *гIадулф* (гекх.) «мягкий»;

а/и: - *алахъас* (тп.) – *алахъис* (кош.) «накрыть, насыпать», *ацIас* (тп.) – ацIис (кош.) «наполнить», *гьуркIас – гьаркIис* (кош.) «хватить», *ахттилат – ихттилат* «разговор»;

е/и: фера (тп.) – *фира* (хутх., кер.), *кIедж* (тп.) – *кIидж* (кер., кош.) «бумага», *лудж – лидж* «стадо».

СЛОГ И СЛОГОДЕЛЕНИЕ

Наименьшей произносительной единицей речи является слог. Он может состоять из одного гласного звука или сочетания гласного с согласным. По характеру звука, находящегося в начале или в конце слога, он может быть *открытым* (если оканчивается на гласный), *закрытым* (если оканчивается на согласный), *прикрытым* (если начинается с согласного) и *неприкрытым* (если начинается с гласного).

В агульском языке выделяются следующие типы слогов:

1) один гласный (Г): **у**-*хас* «пить», а-я «есть, имеется», *и-хьас* «положить, бросить»;

2) гласный +согласный (ГС): *ахв-ар* «желоба», *яр-хар* «потоки»;

3) согласный +гласный (СГ*)* *ки-тIик* «мушмула», *су-мар* «солома»;

4) гласный + согласный+согласный (ГСС): *арс* «серебро», *ибхь* «снег»;

5) согласный + гласный +согласный (СГС): *тем-пел* «лентяй», *вичI-ричI* «щекотка»;

6) согласный + гласный +согласный+согласный (СГСС): *тIинкI* «капля», *гIинчI* «улыбка».

«В абсолютном начале слова не допускаются стечения согласных. Сочетания в абсолютном конце ограничены: невозможны сочетания двух сонорных согласных (исключение – слово *варв «пчела»),* невозможны сочетания двух шумных смычных согласных, невозможно сочетания двух шумных звонких согласных (исключение – слова *зибз* «муравей») [Мерданова 1986:7]. Добавим к последнему исключению также и *хIябз* (тп.) «водоем, запруда с плотиной». Также нехарактерны для агульского языка сочетания трех согласных (есть и исключения – *жу-мартф* «щедрый»). Сочетания звонких и глухих шумных согласных в пределах одного слога допускаются.

При делении слова на слоги наблюдаются следующие закономерности:

а) если в слове встречаются сочетания из гласного и согласного или согласного и гласного (ГС, СГ), то слогораздел обычно проходит после гласного звука: ***кьва***-*кIи* «вид чуду с мясом», ***ка***-*лам* «капуста», ***ба***-*рут* «порох», *у-**къу**-не* «застрял»;

б) если встречается последовательнось двух согласных, то слогораздел проходит после первого согласного: *кьва-**дил-кьван*** «ковер», *кьул-кьунф* «горький», *кел-пит* «спичка».

Наиболее характерные типы слогов в агульском **СГ, ГС, СГС**. Приводим небольшой текст на агульском с демонстрацией слогораздела:

Къун-ши-бур гье-ми-шан-ди хIе-зур-ди а-хьу-ная фи гин къу-дур-вел-дис ккан хьи-чин, гьа-те а-кьас; мин ттур гъар-су-гъил-ди зур-зай гъа-тай хьу-на-я ва-ла-я-тин къу-лугъ-чи-бур; джа-лла-бур у-чи-ккес кке-гъу-цуб бур-джлу-дал-ди фар-цан-ди хьу-на-я Ки-рил-ла Пет-ро-ви-ча; хал гин гье-ми-шан-ди а-цIу-на а-хьу-на-я мин фи у-ю-нар ккан-чи-ра акьас хIе-зур гIа-ла-шу-ва-ри, гъай-хьу-на ун, шад-ве-лар, у-ху-бар-Iуь-тIу-бар, са-са-ге-лай къал-ма-къа-лин ку-ра-ра акьас хIе-зур-ттар. Са-йи-фас-ра агъ-ру-кьай хьу-на-да-ва ги шаб пе ягъа ваъ пас, я-ра а-ди-на кка-не я-гъа-ри, бур-джлу иде хIуьл-мат-дал-ди Пок-ров-ско-е агъа хIу-ри-ди да-ес [А.Пушкин. Дубровский. Пер. на аг. Гасановой С.Н.].

УДАРЕНИЕ

По характеру выделения подударного слога ударение в агульском языке динамическое, но, например, по сравнению с русским языком, ударный слог не отличается такой силой выдоха. По месту выделения в слове, ударение в агульском языке чаще всего падает на второй слог от начала, но может стоять и на любом

другом слоге; при словоизменении ударение может перемещаться на другой слог, т.е. ударение в агульском языке силовое, подвижное и разноместное.

Ударение агульского языка получило наиболее полное освещение в работах А.А. Магометова [Магометов 1970: 19-22], Н.Д. Сулейманова [Сулейманов 1993 40-42].

Характеризуя ударение агульского языка, А.А. Магометов отмечает, что

1) в двусложных словах в агульском языке ударение обычно падает на второй слог и при присоединении суффикса не меняет места: *тика'* «кусок» – *тика'йи* (эрг п.); *тIагIуб* «опухоль» – *тIагIуба* (эрг.п.). Добавим, что и в собственных мужских и женских именах, ударение также чаще всего падает на второй слог от начала: *МехIе'ммад, Кьулба'н, Рама'зан, ХIуьсе'йни, Ибри'гьим, Нажму'ттин, Кама'луттин, Сали'мат, ХIява', ФатIи'мат*, *Аси'ят,* есть двусложные имена, в которых ударение падает и на первый слог: *IЭ'шай, IЭ'май, Бе'хIяй, Ба'лай, Бу'лай, Ма'зай* и т.д.;

2) односложные слова при словоизменении становятся двусложными или трехсложными; ударение в этих случаях падает на второй слог от начала: *рагъ* «солнце» – *рагъар* (им.ед.ч.), *рагъарин* (им. мн.ч.);

3) в трехсложных словах ударение обычно падает на второй слог с начала: *кIарантIур* «бородавка». Можно встретить также случаи, когда ударение в трехсложных словах падает на последний слог, а в двусложных – на первый. Это обычно наблюдается в заимствованных словах: *пайгъа'мбар* «пророк»

4) в беспревербных двусложных глаголах ударение падает на второй слог: *атIа'с* «рубить», *уха'с* «пить»;

5) в глаголах с пространственными превербами ударение падает на преверб, т.е. на первый слог; исключение составляют глаголы с превербом ***ал*** «на», при котором ударение падает на второй слог: *алгъа'даркас* «упасть (об идущем)», *хъаца'с* «надеть» – *хъа'дацас* «не надевать» (данный глагол может быть и антонимичной парой с ударением на преверб*е: хъа'дацас* «снять с себя»);

6) в отрицательных формах двусложных беспревербных глаголов ударение падает на первый слог, а в трехсложных – на второй: *уца*с «жать» – отр.ф. *дуцас, утIа'с* «гнить» – *ду'тIас*, *рукка'с* «зарезать» – *дару'ккас.*

Как было отмечено выше, в агульском языке в односложных именах существительных при словоизменении ударение перемещается на второй слог, но этого не происходит, если вторым слогом служит формант косвенной основы -ди: *къай* «ножны» – *къайи'* (эрг.п.), *хьей* «шерсть» – *хьейи'* (эрг.п.), *хьед* «вода» – *хьетти'* (эрг.п.), *ратт* «гумно» – *ратти'* (эрг.п.), но *къуй* «колодец» – *къу'йди* (эрг.п.), *буй* «рост» – *буйди'* (эрг.п.). Чаще всего аффикс -**ди** присоединяют заимствованные слова [Сулйманов 1993:41].

В поздних заимствованиях из русского языка ударение такое же, как в языке–источнике: *ду'ххтир – до'ктор*, *апте'ка – апте'ка*, *мили'ца – милиция*, *телеви'зор – телеви'зор*, но достаточно много слов, ударение в которых изменилось, подчинившись законам заимствующего языка: *це'мент – цеме'нт, бирга'дур – бригади'р,*

Ударение может выполнять и смыслоразличительную роль: *атIа'с* «резать, порезаться» – *а'тIас* «вырвать», *хъахъа'с* «взвалить на спину» – *хъа'хъас*

«высыпаться из–за чего–либо, сзади чего–либо», *а’дартай* «выпускать», *ада’ртай* «выливать».

Глагольная акцентуация связана также и с различением тех или иных форм или категорий: *файшу’не* «унес» – *фа’йшуне* «прошел (мимо, около)».

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Слово как номинативная единица языка

Лексикология (от греч. Lexikos – относящийся к слову и Logos –учение) – раздел науки о языке, изучающий словарный состав языка, т.е. лексику. Лексика также является объектом изучения таких смежных с лексикологией разделов, как ономастика, топонимика, семасиология, этимология.

Объектом лексикологии является словарный состав языка, который рассматривается с учетом индивидуальных лексических (а не грамматических) значений. Отличие лексикологии от других разделов языкознания заключается, во-первых, в множественности лексических единиц по сравнению с ограниченным количеством фонем, морфем; во-вторых, оно проявляется в подвижности, открытости лексики, обусловленной необходимостью отображения различных изменений в жизни общества, достижений в познании мира.

Ключевые термины лексикологии – **лексика и лексема.**

Термин лексика используется в двух значениях: 1) совокупность слов, имеющихся в том или ином языке; 2) раздел науки о языке, который изучает словарный состав языка и системные отношения этих слов в языке.

Лексика, в отличие от других единиц язык, непосредственно обращена к действительности. Слова являются именами предметов. Денотатами лексических единиц являются не только собственно предметы, но и признаки, отношения реального мира (*кIур «*дерево», *марз* «рябина», *чIул «тополь», гьаваф* «высокий», *даркас* «пахать»).

Этой особенностью лексические единицы, *во-первых*, отличаются от фонем и морфем. Количество фонем в том или ином языке известно, в большинстве языков они достигают нескольких десятков. По сравнению с ними слов в языках огромное количество, потому что все, что познано человеческим сознанием, имеет свое название. Кроме того, слова могут обозначать один и тот же объект действительности, акцентируя разные его признаки, свойства, а также выражая к нему определенное отношение. Например, для обозначения денег в агульском языке существуют следующие слова: *пул, ахча, кIиллеттар* (разг.), *кепек, кепекер* (разг.), *манат, шигьи* (устар.) *къара данишкка* (фраз.связанное), *хаб чахишар* (разг.), *Iебасибур* (устар.);

Во-вторых, лексику отличает открытость и динамизм, изменчивость словарного состава, что социально и исторически обусловлено. Лексика отображает все социальные изменения, которые происходят в обществе: одни слова устаревают и выходят из употребления, другие появляются, третьи слова получают новые

значения, сохраняя при этом и старые. Таким образом, ушли в прошлое недавно активно употреблявшиеся слова *колхоз, райком, партком, комсомол*, *чернильница;* пришли и новые: *муниципалитет, интернет*, *мобильный телефон*, *маршрутка, бизнес* и т.д.

Лексика агульского языка с точки зрения ее происхождения рассматривается в работах: Гайдарова Р.И. и Гасановой Р.Р. «Арабский пласт агульского языка» [Махачкала, 1996], Тарланова З.К. «Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки» [Петрозаводск, 2005].

Вопросы лексики агульского языка в той или иной мере затронуты и в диссертационных исследованиях, посвященных описанию диалектов или различных аспектов агульского языка, в различных публикациях по агульскому языку (Сулейманов Н.Д, Гасанова С.Н, Мерданова С.Р. Каидов З.Г., Алхасов Г.А., Исрафилов Н.Р., Гаджиев Н., Велиева Э., Магомедова С. Дж., Магомедова Э.Дж. и т.д.).

Фразеологии агульского языка посвящены диссертационные работы Сулейманова Н.Д. «Глагольная фразеология агульского языка» [Махачкала, 1986], Гасановой С.Н. «Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков» [Махачкала 1992].

Слово как единица языка

Лексема (от греч. Lexis – слово, выражение) – это слово, рассматриваемое как двусторонняя единица словаря, словарного состава языка в совокупности всех его значений и конкретных грамматических форм. Лексема отличается формальным и смысловым единством, представляя собой совокупность форм и значений одного слова во всех его употреблениях. Например, в агульском языке лексема *дар* является единством следующих значений: 1) лес, т.е. поверхность земли с плотно растущими деревьями: *Шиникквр дараъди ушуна уйи* «Дети пошли в лес» 2) дерево, палка: *Дарал алгъикIуна рукъас акьуни якк* «Мясо высушили, повесив на дерево»; 3) засов: *Дар хъадикIуная раккахъас* «Двери закрыты на засов». Кроме этих значений в понятие лексемы входят 56 грамматических форм (формы 28 падежей в единственном и множественном числе).

Слово занимает центральное место среди других единиц языка, так как все остальные единицы языка или вычленяются из нее (морфемы, фонемы) или состоят из слов (словосочетание, предложение).

Существует множество различных определений слова. Сложность определения слова состоит, прежде всего, в его выделимости, делимитации: потому что существует проблема отграничения слова, словообразования от словоизменения, аналитической формы слова от словосочетания и т.д. Проблема отграничения слова от смежных явлений рассматривается учеными на материале различных дагестанских языков. К вопросам этим обращается и автор данной работы в связи с разграничением словосочетания и аналитической формы слова в агульском языке [Гасанова 2012].

Словосложение тесно связано с грамматикой, лексикой и с другими способами словообразования. Оно отражает специфику языка, так как, наряду с некоторыми общими для многих языков чертами, обладает национально-специфическими только для данного языка особенностями, составляя одно из отличий одного языка от другого. Многие производные образовались на базе синтаксических единиц или словосочетаний. По мнению ряда лингвистов, процессы словосложения представляют собой своеобразное свёртывание словосочетания в единое слово. Например, в агульском языке как *чIакьаIьуфер* «курзе» образовалось и словосочетания *чIакь* «глиняный горшочек для молока» + *Iуьфер* «вид чуду с жидкой начинкой» или *табалус* «подорожник» ← *таб* + *ая* +*лус* (букв. «жилы/вены имеющий щавель»).

Трудности разграничения сложного слова и словосочетания в агульском языке, как и во всех дагестанских языках, объясняются, наряду с другими причинами, также и не установившимися до конца, не унифицированными орфографическими нормами. В разделе «Словообразование» более подробно будут рассмотрены вопросы разграничения сложных слов и словосочетаний.

В качестве основных признаков слова большинство лингвистов отмечают следующие:

- **номитативность** (способность слова быть наименованием предметов, свойств, действий и т.д.);
- **слово состоит из фонем**, которые соединяются друг с другом по определенным фонетическим закономерностям, характерным для данного языка и должно обладать определенным содержанием. Во многих языках могут встретиться одинаковые звуки, но очень редко в языках совпадает их расположение в слове, если даже и совпадает последовательность фонем, но то, что они выражают, т.е. лексическое значение, не совпадает. Например, в агульском языке слово *тур* обозначает:

1) саблю: *Гьемишанди тур алгъатуф* «Всегда готовый броситься в бой»;

2) приспособление для нарезки кизяка: *куппар артIа тур* «тур для нарезки кизяка»;

3) «женский головной платок ажурной вязки»: *Турар нагаь нандира фачархьай андава гьал* «Турар (платки ажурные) сейчас уже и не найдешь».

В русском языке также функционирует слово с таким же написанием: шахматный *тур*, заграничный *тур* Данные слова различаются не только значениями, но и произношением: в агульском языке начальный согласный ***/т/*** является придыхательным звуком, что не является дифференциальным признаком для согласных русского языка.

Кроме того, законы сочетаемости звуков агульского языка не допускают в инициале слова сочетания нескольких согласных, поэтому при заимствовании слов из других языков такие сочетания «разбавляются» протетическими гласными или происходит процесс эпентезы. Особенно наглядно эту особенность языка демонстрируют заимствования из русского языка: *курушкка* «кружка», *исттикан* «стакан», *ппирккурул* «прокурор», *ашккаф* «шкаф», *усттурудж* «сторож; уборщица»;

• **слово – это двусторонняя** (в отличие о морфемы слово еще и позиционно и синтаксически самостоятельная) **единица языка**, обладающая планом выражения и планом содержания (форма – это звуковое выражение слова, и принято называть её *лексемой*); план содержания – это значение слова, которое принято называть *семемой*.

Позиционная самостоятельность слова в отличие от морфемы заключается в том, что слово в составе словосочетания, предложения может перемещаться: *ЯгIа дарс иджи алттушуне че – ЯгIа иджи алттушуне дарс* «Сегодня урок прошел интересно» – «Сегодня интересно прошел урок». А морфема не может менять своей позиции: *рагъухъан* – суффикс -*ан* не может быть поставлен перед корнем ~~*анрагухъ*~~, или еще пример: *дарсариъ* – ~~*ъдарсари.*~~

Внешняя оболочка, т.е. звучание и значение постоянны, т.к. форма и содержание закреплены в языке; слова непроницаемы: внутрь слова нельзя вставить другое слово (речь не идет о словах с инфиксами: – *хъи**ди**кIас* «не закрывать», ср. *хъикIас* «закрыть»);

• **слово имеет ударение** (есть одноударные и дву-/многоударные слова: *чIичIа'кI* «лук», *къере'къел, хIеджи'легле'г* «удод», *хIеджи'бугъда'* «кукуруза»);

• **все слова принадлежат к различным частям речи** (могут обозначать не только предметы, но и признаки, действия и т.д.) и имеют определенные грамматические формы (*ух-а-**с*** «пить», *ве-**с*** «идти»; *ире-**ф*** «красный», *кIаре-**ф*** «черный», *рагIу-**хъан*** «мельник», *хIуппа-**хъан*** «чабан»).

Кроме знаменательных слов, выделяют и служебные, роль которых состоит или в соединении слов друг с другом (союзы): *дад**на** баб* «отец и мать» (союз *на* в агульском языке пишется слитно со словами); *зун унахъуне,* ***амма*** *гис унихьундава* «я позвал, но он не услышал»; есть союзы, передающие оттенки значений тех или иных членов предложения, например, сомнения, предположения (*нагагь, яраб*). Есть слова, выражающие наши эмоции: *вай, вуй, алай, айхь* «ох, ой», *гьаI* «возглас несогласия» и т.д.

• **Слово воспроизводимо** (они не придумываются в потоке речи, они есть в нашем сознании в готовом виде).

Лексическое значение слова

Основу лексического значения слова **(ЛЗС)**, его концептуальное ядро составляет связь предмета, закрепленного за ним звукового (зрительного) облика слова, а также образа этого предмета в нашем сознании, что и составляет основное ядро лексического значения слова.

Например, *гъван* в агульском языке обозначает «камень, твердую горную породу». По размеру, формам, породе, плотности структуры, цвету, по форме, придаваемой ему как строительному материалу и т.д. Разновидностей камня может быть огромное количество, но в сознании носителей агульского языка данное слово связано с отмеченным предметом в отвлечении от его «индивидуальных», единичных особенностей. *Гъван* «камень» имеет и переносные значения, о них будет сказано ниже.

Кроме такого ядра в ЛЗС слова могут содержаться и коннотативные компоненты. Термин *коннотация* в современной лингвистике понимается неоднозначно, но большинство лингвистов относят к коннотации ассоциативные, эмоциональные, оценочные компоненты, которыми обладает слово помимо своего основного значения. Например, в словах *IуьтIанас – афикIас – алирхIас – агъирчанас– гIумпI акьас – кьуьнтI акьас – ахъас* кроме основного значения «принимать пищу», содержится также и отрицательная коннотация («уплетать, жрать, лопать. хавать»). Такие смысловые добавки в словах могут быть и положительными.

Слова в языке могут быть закреплены как за единичными предметами: *Махачкала, Москва, Магъу-дере, Чираг-чай, Агъул, Дагестан* – это собственные слова, которые находятся в языке и в речи в частной предметной соотнесенности. Нарицательные же слова находятся в системе языка в общей предметной отнесенности, а в системе речи как в общей, так и в частной предметной отнесенности.

Например, в агульском языке: *Шагьурдиъ ппара ая гьава* ***хулар*** «В городе много высоких ***домов***», Слово *хал* «дом» (мн. ч. хулар) употреблено в общей предметной отнесенности. *Чин са гьава* ***хал*** *акьуне «*Мы высокий *дом* построили» (слово *хал* употреблено в частной предметной отнесенности).

Подобным образом функционируют в системе языка и речи и местоимения: «***Зун»*** *агъа местоимение гьер касди учи учихъас агъагуна ишламиш аркьафе* «Местоимение «я» употребляется тогда, когда каждый человек сам о себе говорит» (***зун*** в общей предметной отнесенности). ***Зун*** *багагь сувахъди вея* «Завтра я иду в горы» (*зун* – в частной предметной отнесенности).

Мотивировка слова

Заключенное в слове и осознаваемое носителями языка обоснование того, почему данный предмет получил именно это наименование, называется *мотивировкой* или внутренней формой слова. Мотивированных слов, как и во всех языках мира, в агульском языке гораздо меньше, чем немотивированных. Объяснение того, почему данный предмет называется именно так, имеет именно этот звуковой состав, закрепившийся за данным предметом, может быть различным: оно может быть связано с внутренней формой слова, иногда его может объяснить и внешняя оболочка, звуковой состав. Например, известная птица *ккекку* «кукушка» получила свое название по свойству этой птицы издавать соответствующий звук. Этот признак и есть его внутренняя форма, мотивировка, т.е. объяснение, почему этот предмет так назван. Внутренняя форма указывает один признак, но их может быть несколько. Например, та же кукушка имеет привычку откладывать яйца в чужие гнезда, однако, это не стало мотивирующей причиной. Выбор признака, который лег в основу наименования всегда случаен, если это было не так, то не было столько языков.

В зависимости от этого в лингвистике выделяют следующие типы мотивировок: *реальная, формальная, мифическая.*

При реальной мотивировке внутренняя форма слова, его значение, происхождение, связь внешней оболочки и содержания слова с точки зрения синхронного состояния языка понятны носителям данного языка. Например, в таких словах, как: *тIубруц* («веретено») ←*тIуб* «палец» + *руц-ас* «крутить», *халджак* («веник») ← *хал* «комната, дом» + *джикас* «подмести»; *рагIухъан* ← *рагI* («мельница») [-*у – показатель эргатива, хъ* – показатель локатива со значением «нахождение предмета позади чего-либо», т.е. постэссив] + *ан* словообразовательный аффикс со значением лица по роду его занятий; *хIуппахъан* «пастух» ← *хIуб* «овца» + ан, *мухуригьан* «фартук (детский) ← мухур «грудь» + *гь* (показатель локативного падежа со значением нахождения предмета перед/впереди чего-либо + *ан* «аффикс со значением лица или предмета по роду деятельности», *гъвадиккен* «домовой» (букв.: находящийся под потолком, под крышей) ← *гъвад* «потолок» + (и) *кк* (показатель локативного падежа субэссив) + ен «аффикс со значением лица или предмета по его деятельности».

Формальная мотивировка – это такой вид объяснения внутреннего содержания, когда с формальной точки зрения понятно, с чем связано происхождение наименования, но почему именно отсылается к тому или иному определенному названию (денотату) непонятно. Например: *IЭйша–меджар* «пастушья сумка» ← *меджар* «трава (съедобная) + Айша (женское имя». Почему именно это женское имя легло в основание наименования данной съедобной травы, нет объяснения в синхронном состоянии агульского языка. Еще примеры: *галун хIуни* «божья коровка» ← *хIуни* «корова» + *гал* «кутан».

Мифическая мотивировка – объяснение происхождения данного слова связано с мифическими, фантастическими представлениями, закрепленными за теми или иными словами в сознании носителей языка. Например: *Ирхеф* (прямое значение «длинный») – табуированное название змеи. С наступлением темного времени суток, агулы этим словом называют змею. Змея у агулов считается мифическим существом, если слово *илан* «змея» произнесешь ночью, то могут быть несчастья, беды. *Баякъуш* проклятое место, развалины» ← *баят* «заброшенный», + *къуш* «(тюрк.) птица». У агулов считается, что филин или сова кричат не к добру.

Мотивировка может быть выражена различными способами:

1) *изобразительным* (звукоподражательным): *къвагIанай* (кош.) «ворона». Крик, звуки, издаваемые этой птицей, обозначаются в агульском языке звукоподражательным словом *къвагI–къвагI, къвагI йирхIас*); *шухьрухьар акьас* «сплетничать», говорить за спиной» (← *шушь-рухь*/ *шухь-шухь* «шепот»), *зигзигай* «борона» (←*зиг-зиг* – звукоподражание, издающееся при работе данного приспособления). Достаточно продуктивно этот способ мотивировки используется в детской лексике: *IуьIуьмай* «петушок (← *Iуь-Iуь акьас* «кукарекать»), *гIамамай* «собака» (← *гIанф акьас* «гавкать»);

2) *описательным* способом, через словообразовательную цепь: *ттураккен* (← *ттур* «ложка») «контейнер для ложек», *гъилив* «рукав» (← *гъил* «рука»), *гIурчахъан* «охотник (← *гIурч* «охота»), *тIубучI* «веретено» (← *тIуб* «палец»), *замурхI* «продолговатая плетеная корзина для вывоза навоза (← мурхI «салазки»).

Полисемия слова

Слова в языке не только обозначают тот или иной предмет, но и передают его связи и отношения, сложившиеся за период развития и существования языка в исторической действительности.

Слово в языке может иметь как одно, так и несколько значений. При многозначности одно из значений слова является прямым, а все остальные – переносными.

Прямое значение слова – это его основное лексическое значение. Оно непосредственно направлено на предмет (в сознании сразу возникает представление о том или ином предмете), не зависит или почти не зависит от контекста. Слова, обозначая предметы, действия, признаки, количество, чаще всего выступают в прямом значении.

Переносное значение слова – это его вторичное значение, которое возникло на основе прямого. Например: первичное, прямое значение слова *кьуркь* – «горло». В переносном значении данное слово означает: 1) *рекъуьн кьуркь* – «верхняя, зауженная часть дорога, упирающаяся в гору»; 2) *кьуркь* верхний край бутылки, или какого-либо другого сосуда – *куркIагIди рукьуна агьатас хьед* «доверху налить воды».

Сущность многозначности заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится также на другой предмет, другое явление, и тогда одно слово употребляется в качестве названия одновременно нескольких предметов, явлений. В зависимости от того, на основании какого признака совершается перенос названия, различаются три основных вида переносного значения: *метафора, метонимия и синекдоха.*

Метафора (от греч. metaphora — перенос) – это перенос наименования по сходству**.** Например:

1. Циликкес <u>илан</u> ккеттине. «Из-под стены вылезла змея». Слово «змея» употреблено в прямом значении.

2. *Са и<u>лан </u>э че къуншибирин хIа руш, са илан.* «Старшая дочь наших соседей – настоящая <u>змея</u>». Здесь у слова *змея* синтаксически обусловленное значение.

3. *ИланаригI гIачикуне агъай дуламиш хьасттава гин* «Среди змей она прожить не сможет». Слово «змея» использовано с метафорическим переносом.

На основе *сходства* предметов также произошел перенос наименования и в следующих словах: *гъвад* «потолок» – *сивин гъвад* «твердое небо» (в ротовой полости); *къадакъ* «гвоздь» – *яккун <u>къадакъар</u>* «тонкие полоски сушеного мяса, в виде волокон, добавляемые в чуду»; *бармак* «папаха» – *бармакар* «земляника»; *муъул* «губа» – *хуйин <u>муул</u>* «зауженный, край поля»; *кIил* «голова» – *нисин кIил* «головка сыра»; *сив* «рот» – *чувалин сив* «верх мешка»; *фун* «живот – *тIубун фун* «подушечка пальца»; *ибур* «ухо» – *хIуьягин ибрар* «ручки кастрюли» и т.д.

Перенос наименования с одного предмета на другой может быть и функциональным или по смежности **(***метонимия*). Рассмотрим различные разновидности метонимии.

Наиболее распространенным типом метонимии является перенос на основе пространственных отношений. В основе пространственного метонимического

переноса лежит физическое, пространственное расположение явлений или предметов. В агульском языке выделяются следующие разновидности метонимии:

1) перенос названия помещения (учреждения и т. п.) или его части на лиц, работающих или живущих в данном доме или предприятии. Например: *бицIи хIур* «маленькое село», *мучIе хьар* «темная пекарня», *гъвандин гим* «каменный годекан», *цIае больница* «новая больница». В этих случаях слова *хIур, хьар, гим* и *больница* употребляются в прямом значении.

Рассмотрим следующие предложения: *КIилди хIур гъгьахъуне цIае кIилиъастти кквар ихьасе пехIела* «Все село встало, когда объявили о переделе жеребьевки». «*Джалла хьурарикк ккеяф ягIан ягъди са ахттилат и* «Во всех пекарнях сегодня только одна тема была». *Гимил ппара икьрарар аттивайи авала* «В старину многие вопросы решал годекан». *ЯгIа больницабур айчIуна субботникдиди* «Сегодня больница вышла на субботник». В данных высказываниях отмеченные слова приобретают метонимическое значение и воспринимаются в переносном значении;

2) к пространственной метонимии относится также перенос названия вместилища или сосуда на его содержание. Например, *хIуяг руьхьея* «кастрюля кипит», то есть кипит жидкость или что-то еще, что находится внутри кастрюли»; *Iу вакъ ухуне* «две миски съел». *АцIуна тIабакIар файдина уйи* «Много подносов принесли» (т.е. принесли подносы, наполненные сладостями);

3) перенос наименования материала или вещества на то, что из него изготовлено: *Шейъер пай аркьагуна, зас къизилар гIаттархьуне* «Когда делили вещи, мне золото досталось» (т.е. название металла (золота) перешло на название изделий, сделанных из этого материала). *ХIуриъ аедегьен Iачар завал акьуна, файшуне идиъас адеттари* «Всю глину/керамику, имеющуюся в селе собрали и забрали приезжие». *Мисал але кIеджар тич алттивай, тебурмич аркьай экьунаеф кIилин ягъди кардил* «Эти бумаги туда, те бумаги сюда, делая, сидит целый день на работе» (бумаги, в значении документы);

4) перенос имени автора на созданное им изделие, творение. Например: *ХIамзатов хуруна ккандея* зун багайис «Гамзатова надо прочесть до завтра (= его книги). *Ожегов фадай кар акьас вейдава* «Без Ожегова работать не может» (= словарь Ожегова);

5) перенесение наименование действия на людей или предмет, с помощью которого оно осуществляется. Например: *ацIуф* (букв. «наполненная» [кишка]) «продукт, колбаса вяленая», *затирка* (вещество для устранения дефектов») – название материала перешло на действие, процесс, применение этого вещества, *нубат («смена, очередь»)* «люди, составляющие определенную группу, смену: *Мегелайин нубат батIарди кар аркьаттари* «Эта смена хорошо работала»;

6) перенос наименования действия на то место, где его совершают. Например, топонимическое название *Сув пай аркьавус* «Горы где раздают/жеребьевку делают»; *Заправкайихъ хъая дикван* «Магазин за заправкой»;

7) перенесение наименования качества (свойства) на то/того, кто/что обладает этим свойством или качеством: *Зерфел гьикунегъай, хьед гъасверефттава* «В решете воду не носят» (букв. «Оттого, что решето отправят, воду не принесет»). *Зерфел* – о бесполезном, никудышном человеке. *Куметтил кIарчар алвейдава* «Глупый с рогами

не ходит», т.е. его по внешнему виду не определить». *Руьхьуьдай* «растяпа» (букв. «вареный»).

8) Временная разновидность метонимической связи возникает, когда сравниваемые предметы соприкасаются друг с другом во временных рамках, одно в результате другого, после другого, когда название действия, являющееся существительным, переносится на его результат (то, что должно возникнуть в процессе действий). Например: *итте кьабар «*вкусные остатки» (*кьабар* – название продукта, получаемого из остатков при вытапливании сливочного масла).

Синекдоха – разновидность метонимии, при которой происходит перенос наименования с части на целое или с целого на часть. Например: *ГIалашува*р *адиная час* «У нас гости». Слово *гIалашувар* употребляется во множественном числе, хотя в гости может прийти один человек. *Гьоте IурчIе берхIемин кьабахъ э зе уьчур* «Вот за той пестрой рубашкой моя очередь». *Ул кIаре бегIли суманф* (букв. «глаз как черная черешня») – о красивых женских глазах. Вместо формы мн.ч. *улар*, употреблено форма ед. ч. *ул.*

Достаточно часто отмеченные выше разновидности переноса наименования отражаются в **топонимических** названиях. Топонимы будут рассмотрены ниже.

Омонимия слов

В агульском языке омонимами считаются (как и во всех других языках) слова, которые совпадают в произношении, написании при различии их лексических значений: *гIур* «заяц и мука»*, хIур* «село» – *хIур* «мука» (диал.)*, агъ «*бедро и бязь*», угъ «*нить ковровой основы и императив от «лить». Или, например, омонимы к слову *тIул:* 1. Прут.2. Привычка.3. Поясок: *ЯIаниъ ае IатIул/ Керхьурай вак Iае тIул/ Ле ве дадар-бабари/Дивурай валас Iа тIул*

Омонимы образуются различными путями:

1) заимствованием: *тур* «сетчатый головной платок» (перс.tur «сеть, сетка, кружево, тюль») – *тур* (аг.) «деревянный инструмент с ручкой, приспособление для резки кизяка»; *дад* (аг.) «отец» – *дад* (*дад-бидад* «крик о помощи, просьба, мольба (перс.); *дин* «вера» – из арабского и *дини* «один из этапов выделки кожи); *чиг* «мелкий дождь», *чиг* «юнец»

2) в результате изменения фонетического облика слова, совпадения форм различных частей речи *(укъас* «вязнуть, застрять» – *укъас* «драться»*, уз* «императив от *узас* «сеять» – *уз адайшуне джандиъас* «дрожь прошла по телу», *ахъихьас* «побежать вслед кем-то» – *ахъихьас* «закинуть назад, за что–то, за стену, например». Используют их чаще всего в стилистических целях.

Паронимы (гр. para – возле + onima – имя) – это однокорневые слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях, относящиеся к одному семантическому полю: *подпись – роспись, одеть – надеть, главный – заглавный, адресат – адресант, вдох – вздох, земельный – земляной*. В агульском языке редкое явление: *Бал гъарефра бала гъарефра мезура э.*

Синонимия и антонимия слов

Синонимы – это слова близкие по значению, отличающиеся написанием, и произношением. Различают следующие типы синонимов:

понятийные или идеографические (*рукIас* «рыть» – *дикIас* «рыть/ся, разгребая»; *ккируцас* «прогуливаться» – *ккидаркас* «прогуливаться» – *адаркас* «ходить (разг.);

стилистические (кумеф – камф – гьудуркIуф «глупый»);

эмоционально-оценочные (IуьтIанас – алирхIас – гьинцI акьас «есть»), *ччеI* «веревка» – *удигь аркьаф* «веревка, которую привязывают, находящимся в паре на пахоте быков).

Синонимы, отличающиеся сферой употребления: диалектное и литературное, литературное – профессиональное: *хинзазай – гугруш* (лит. – бурш.диал.) «паук», *кьутIур – ккуккалай* (лит. – буркиx.д.) «чуду»; *булах – иц* (фит.) «родник».

Ряд синонимов, объединенных общим значением, образуют синонимический ряд. В синонимический ряд могут входить слова, относящиеся только к одной части речи, а также фразеологические единицы (ФЕ), соотносящиеся с той же частью речи. Например: ***гъархьас,*** *хъуф ккеттархьас, улар алиянас, ул улик кирхIас, ахунигI гIачавес, ахун алчадес* и т.д. Доминантой является глагол *гъархьас* «спать». В синонимическом ряду могут быть слова и ФЕ разной стилистической отнесенности.

Синонимы в языке образуются различными путями: развитие языка, заимствование, табу (например, у агулов существуют суеверие относительно слова *илан «змея»,* которое нельзя произносить с наступлением темноты, обычно это слово заменяют словом *ирхеф);* эвфемизмы, т.е. слова, употребляемые в литературном языке для смягчения некоторых грубых или обсценных слов (*архв хъархьас – фун кефес* «понос – расстройство желудка», *хъуьнтI адайхьас – хъехъв мертт акьас, гIинш акьас и* т.д

Синонимы отличаются также разной сочетаемостью в языке. Например, слово *хIуьттеф,* в значении «быстрый», может быть употреблено к лексемам *язык, ребенок, молодой человек*, но нельзя сказать так о *машине, коне* и т.д.: *хIуьтте сив алеф* «острый рот имеющий», *хуьтте шиниккв э* «шустрый /острый ребенок».

Типы омонимов могут быть выделены и по форме.

Полные омонимы – это такие, которые совпадают во всех парадигматических формах. Например, *тур* «оружие» и *тур* «платок», *тур* «как узкая улочка, проход между домами в горных аулах» (*тур, тура, турун, турус, туруъ, турул, туругI, туругь, турув, турухъ, турук, турукк* и т.д.) совпадают во всех грамматических формах.

Омоформы – это слова-омонимы, относящиеся к разным частям речи, совпадающие в одной или нескольких формах: *хур* «горох» и *хур* «императив от глагола *хура*с «читать».

Омографы – слова, совпадающие только на письме: *агъихьас* «закинуть» (*сивиъ **агъи'хьас** фи-хьунара «*В рот закинуть что-либо*», УркIаъас гъван **а'гъихьа**с «из ямы камень выбросить»*).

В агульском языке наблюдается такое интересное явление, когда в составе сложного слова или слов–повторов (композитов) встречаются два синонима или антонима, служащие для выражения одного понятия: *гур-ттур* «посуда» («букв.

миска-ложка), *хал-мукь* «хозяйство, дом» (букв. «дом-место»); «дом-хозяйство», *иджвел-Iайвел* «хорошее-плохое», «привычки, воспитание», *Iэлеф-ухаф* «еда-питье».

Одной из важнейших функций синонимов является функция уточнения, конкретизации. Синонимы обогащают нашу речь, делают более выразительной.

Антонимами – слова с противоположным значением. Используются такие слова в различных сферах. Разнокорневые антонимы: *джагварф – кIареф; илгунф – къикъеф; бицIиф–хIаф*. Антонимы однокорневые: *бахтт кеф – бахтт кидаваф, аликIас – алдикIас*.

Антонимы могут образоваться при помощи пространственных аффиксов: *алгъархьас – алархьас* «подняться – опуститься», *алгъучIас – алайчIвас* «забираться – слезать» и т.д. Антонимы имеют далеко не все слова агульского языка (*кантI* «нож», *ракк* «дверь»).

Фразеология. Типы ФЕ агульского языка

Фразеология на современном этапе развития лингвистики рассматривается как самостоятельный раздел со своим объектом и предметом, хотя в научных исследованиях отражена и другая точка зрения относительно того, что фразеология относится к промежуточному уровню языка, так как формируется на синтаксическом уровне, а функционирует на лексическом.

Фразеологизмами (ФЕ) называются сверхсловные во всех парадигматических формах единицы, обладающие воспроизводимостью и известные носителям языка как названия различных предметов, понятий. Например, фразеологическая единица *ибуриъ къутт ихьас* – «намекнуть» (букв. «в ухо камушек закинуть») состоит из трех слов, воспроизводится, а не создается в речи в процессе общения, известна всем носителям агульского языка как название отмеченного выше действия.

Дагестанскую фразеологическую школу основал А.Г. Гюльмагомедов. В его работах по фразеологии поднимаются актуальные вопросы не только дагестанской, но и общей фразеологии: это и раскрытие самой природы фразеологической единицы, отношение ее к смежным структурам, вопросы фразообразования и функционирования ФЕ. Им же введено в лингвистику новое понятие – *фразеосочетание*. Под руководством А.Г. Гюльмагомедова защищены диссертации по сравнительной фразеологии восточнолезгинских языков (С.Н. Гасанова), аваро-андийских языков (М.Д.-Г. Хангерееев), лакского в сравнении с немецким (С.Г. Гаджиева) и др.

Фразеологические единицы – это наиболее устойчивый пласт языка, в котором в консервированном виде доходят до нас история, обычаи и традиции, взгляды того или иного народа. Об общей истории свидетельствует и наличие общих фразеологических единиц как в отмеченных восточно-лезгинских, так и других лезгинских и дагестанских языков. Касаясь проблем этимологизирования фразеологии, Н.И. Толстой отмечает, что этимология слов, составляющих фразеологизм, мало что дает для установления его прототипа или отнесения его к эпохе праязыка. Исследователи

фразеологии отмечают, что фразеологическая единица не возникает сразу, что она результат постепенного становления и при этом диахрония вклинивается в синхронию.

Б.А. Ларин отмечает следующие этапы становления ФЕ: 1) утрата реалии; 2) семантическое обогащение или метафоризация; 3) утрата подробности, эллиптирование (сохраняются лишь самые необходимые элементы); 4) забвение какой-то части словосочетания и нарушение грамматической структуры.

Сравнительный анализ фразеологических единиц в близкородственных лезгинских языках дает возможность сделать вывод об изменениях, происшедших во ФЕ того или иного языка (Гасанова 2000:98). Ср.: Аг. – *кIилис хьед куче акьас* (букв. «для головы воду греть») – напрашиваться на неприятности. Лезг. – *кьилиз яз чимун* (букв. «для головы воду греть») – быть неприятностям. Таб. – *кIулиз шид мани апIуб* (букв. «для головы воду греть») – быть неприятностям. Как можем видеть, расхождения по языкам вызваны, в основном, фонетическими различиями в лексеме «вода» (*хьед –яд –шид*). Начальные согласные в данных словах являются результатом фонетических изменений. Первичным считается вариант с заднеязычным глухим спирантом /хь/, который сохранился в агульском примере [Талибов1980:323], в лезгинском и табасаранском языках он видоизменился. Материал рутульского языка обнаруживает в эквивалентной единице лексему *хьед* «вода»: *кьулиз хьед сигаас* (букв. «для головы воду греть») – быть неприятностям. Именная часть глагольных компонентов (*мани* и *чимун*), обнаруживающих расхождения в синхронном плане, также восходит к одному архетипу [Хайдаков 1973].

О такой же близости ФЕ свидетельствуют и следующие примеры: Аг.: *йиркIв завариди агъушуне* (букв. «сердце в небо поднялось») – сильно обрадовался; *кIил IуьтIанас* (букв. «голову кушать») – причинить горе, страдания, беды; *са гъил Iу кIил хьас* (букв. «одна рука две головы стать») – находиться в раздумьях, колебаться в выборе какого-либо решения; *кIилна рудж адаф (*букв. «головы и хвоста не имеющий») – что-либо запутанное. Таб.: *юкIв завуз гъубшну* (букв. «сердце в небо поднялось») – сильно обрадовался; *кIул рижв алдрур* (букв. «голову и хвост не имеющий») – что–либо запутанное. Лезг. – *кьил тIуьн* (букв. «голову есть») – причинить боль; *кьве рикIин хьун* (букв. «два сердца стать») – колебаться; *кьил-тум авачир* (букв. «головы-хвоста не имеющий») – что-либо очень запутанное.

Как мы уже отмечали выше, глагольная фразеология агульского языка была предметом специального исследования Н.Д. Сулейманова. Активно разрабатываются проблемы фразеологии, фразеографии агульского языка и С.Н.Гасановой.

В составе ФЕ единиц агульского языка можно выделить различные структурные типы. Наиболее многочисленную группу составляют ФЕ со структурой

1) словосочетания (единицы со структурой двух-трех- и многокомпонентных словосочетаний, компоненты которых связаны подчинительными и сочинительными связями). Например, *бармак усаъ ирхIас акьас* «опозорить» (букв. «папаху уронить, папаху об землю ударить»), *кIилиъ нехъвар аеф* «тупой, глупый» (букв. «в голове солому имеющий»), *ккелан ибрар* «название растения» (букв. «ягнячьи уши»),

йиркIуралас вес «забыть» (букв. «с сердца уйти»), *гIанарна джанар* «потроха, внутренности животного»;

2) в составе фразеологических единиц агульского языка функционируют также и единицы со структурой предложения: *Зе уларигьас гул!* «Вон с глаз моих»! *ЦIе рякъуьккес малар ккедайинегъай, гIуьбехъ дахьуна эркьвав?* «Если по новой дороге стадо не спустится, вечер, не наступит что ли?». *К1ареттар гъази аркьая* «так говорят о чьей-либо деятельности, оценивая ее как бесполезную, никчемную» (букв. «из черного делает зеленое»); *Маркьа, хIуч!* «Как бы не так» (букв. «Не делай// не надо, волк!»). *Адамас ХIява гъарегуна* «очень давно» (букв. «Когда Хава выходила замуж за Адама»). *БицIи руду хIа руд Iэлди ая* (букв. «Маленькая кишка большую съедает») – очень голоден;

3) в агульском языке функционируют ФЕ, образованные по модели «знаменательное слово + служебное слово»: *улин ккенакк* (букв. «под глазом») – рядом, близко. Ср. в русском: *под носом.*

По своему **значению** фразеологические единицы агульского языка являются:

<u>названиями, предметов</u>: *тIубун фун* «подушечка пальца» (букв. «живот пальца»), *утунин дар* «позвоночник» (букв. «дерево спины»), *ачан уркI* «подмышки» (букв. «впадины яма»);

<u>характеристикой лица</u> *сивиъ тIуб икIучин* (букв. «в рот палец если)*, кьацI алишас дагIаф* «безобидный, наивный» (букв. «в голове железо имеющий»), *Iулун муг суманф* «бережливый» (букв. « похожий на мышиную норку*»);*

<u>выражением описания состояния, отношений человека</u>**:** *гъурурна гитанар суман ахьас* «находиться в состоянии вражды» (букв. «ссориться как собаки и кошки»), *са гъил Iу кIил хьуная* «быть в растерянность, ничего не соображать» (букв. «одна рука, две головы стали»);

<u>описывать различные ситуации,</u> передавать опыт, обычаи, наблюдения народа: *хьетил гъаре гвар, хьеттил аргIафе* «кувшин, в которой носят воду, разбивается у родника» (сравните в русском языке – сколько веревке не виться, все равно конец будет), *ккил фатуна, руджурахъ ахъихьафттава* «все надо делать продуманно, вовремя» (букв. «Голову /начало упустив, за хвост не хватаются»).

Анализ ФЕ агульского языка с точки зрения их семантической слитности позволяет выделить следующие типы: фразеологические *сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и выражения.*

Фразеологические <u>сращения</u> представляют собой такие фразеологизмы, значение которых не связано со значениями компонентов, из которых он состоит. Например: *Ваккалакес чIар кеттархьебра, кеттархьеб э* (*букв*. «от кабана/свиньи волос если получишь, и то хорошо») – о скупом человеке; *кIваъна кIилиъ адавай* «неожиданно» («букв. в сердце и голове, не имея»); *са гъил Iу кIил хьас* «находиться в затруднительном положении» (букв. «одна рука две головы стать»),

Фразеологические <u>единства</u> – это такие единицы, образная основа которых мотивирована, один из компонентов обычно бывает употреблен в переносном значении, другой (другие) в прямом: *чIаракес цIагъун акьас* «делать из волоса бревно» – преувеличивать; *гурар–ттурар ккиянас* «установить близкие контакты// завести обычай навещать друг друга (букв. «миски-ложки установить»); *функес*

дамдамар акьас «из живота барабан сделать» – состояние голова; *цIае зерфелар цилик киме* «новое сито пока на стене висит» – новая метла по–новому метет».

Фразеологические сочетания – это такие семантически неделимые устойчивые сочетания, общее значение которых мотивированно семантикой составляющих компонентов, т.е. фразеологические сочетания по смыслу членимы, их общие значения состоят из суммы значений слов, входящих в их состав. Данный тип ФЕ отличаются от сращений и единств прежде всего тем, что в их составе имеются слова, обладающие как свободным, так и несвободным (фразеологически связанным) значением, которое реализуется только в условиях определённого лексического окружения: *кIес Iеджаликесттегьен хабар дахьас* (букв. «не знать как знают про смерть и кончину») – о каком-либо внезапном известии; *аладжургъуна вес* (букв. «осыпаясь жить») – «жить богато».

Исконная лексика

Словарный состав агульского языка формируется, как и лексика любого языка, из различных пластов – исконной и заимствованной. Лексика – самая динамичная область языка. В ней отражаются все изменения, происходящие в экономической, культурной, духовной и социальной жизни общества. Процесс появления новых слов в языке, уход других слов в пассивный запас (архаизмы, историзмы) продолжается постоянно.

По своему происхождению лексика агульского языка подразделяется на два пласта: исконную и заимствованную.

Исконная лексика – это лексика, существующая с самого начала, с незапамятных времен. Исконной лексикой агульского языка, т.е. унаследованной из древних праязыковых источников является лексика, относящаяся к прадагестанскому и пралезгинскому языкам.

«Время распада общевосточнокавказского языка-основы лингвисты относят к концу III тысячелетия до н. э., основываясь на данных лексикостатистики, а также сопоставляя лингвистические наблюдения с археологическими материалами, полагают, например, что наличие общедагестанских названий золота и серебра (но отсутствие названия железа) позволяет отнести дивергенцию дагестанской языковой общности к ранней ступени бронзового века» [М. Е. Алексеев. Нахско–дагестанские языки // Языки мира: Кавказские языки. – М., 1999. – С. 156–165].

Применив метод лексико-статистического датирования М. Сводеша и З. Тарланов (на материале 200 агульских и 200 лезгинских слов) приходит к выводу, что «древневосточнолезгинский диалект распался на три самостоятельных языка где-то на рубеже нашей эры. При более строгом отборе единиц общего фонда (…) границы выделения тех же языков отодвигаются, соответственно, к середине 1 тыс. до н.э.» [Тарланов З. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994: 14].

Имеющиеся исследования [С.М. Хайдакова, З.К. Тарланова, В.М. Загирова, Р.И. Гайдарова, А.Г. Гюльмагомедова, Ф.А. Ганиевой и др.] позволяют судить об исконной общедагестанской лексике.

Неоценимую услугу оказывают в этом процессе и данные живых диалектов агульского языка. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует этимологический словарь агульского языка, который помог бы классифицировать слова по данному признаку. Но работа в этом направлении и ведется [см. раб. В.М. Загирова, З.К. Тарланова, Р.И. Гайдарова, Р.Р. Гасановой, Г.А. Алхасова, Н.Р. Исрафилова, М.Р. Рамазанова].

К словам, унаследованным из общедагестанского языка, относятся слова определенных тематических групп.

Соматизмы или названия частей тела человека или животного: ***йиркIв*** «сердце» (ср. лезг. *рикI,* таб. *йукI*в, рут., цах. *йикI,* ав. *ракI*, дарг. *уркIи*, лакск. д*акIв*, арч. *икIв);* **лекI** «печень» (ср. лезг. *лекь*, таб. *ликI*, рут. *лакь*.,арч. *диликI*); ***кIил*** «голова» (ср. лезг. *кьил*, таб. *кIул*, рут. *кьыл*); ***кьуркь*** «горло, глотка» (ср. таб. *кьаркьар*, рут. *кьакьарак*, уд. *къокъ*, арч. *кьакьара*, лак. *кьакьара*, дарг. *кьакьари*, анд. *кьванкьа,чам, тинд*, кар. *кьванкьва*) [Загиров 1987].

Названия родственных отношений: ***руш*** «дочь/девушка/девочка» (ср. в лезг. *руш,* таб. *риш,* рут. *рыш*.); **гада** «мальчик/сын» (ср. лезг. *гада;**чу*** «брат», таб. *чве* «братья», рут. *шу* «брат»).

К общему лексическому фонду относятся также названия домашних животных, птиц, зверей, названия небесных светил, названия явлений природы, названия числительных от I до I0, названия элементарных орудий труда, бытовых предметов, продуктов питания, зерновых растений и т.д.

Заимствованная лексика. Если лексика агульского с точки зрения сферы его употребления слабо дифференцирована и почти не исследована в агульском языке (особенно – официально-деловой стиль, художественный), то лексика с точки зрения происхождения в той или иной мере представлена в работах Гайдарова Р.И., Гасановой Р.Р., Тарланова З.К., Эфендиева И.И., Алхасова Г.А. и др.

Слова одного языка при переходе в другой могут терять свой фонетический облик, подчиняясь звуковым законам заимствующего языка, а могут и сохранять свое оформление как в языке-источнике. Например, такие заимствования из русского языка как *пушт* «почта», *ккарават* «кровать*», усттулавай* «столовая», *биргадур* «бригадир», *духттир* «доктор», полностью ассимилировались в агульском языке. Достаточно много в агульском языке слов, сохранивших свое звучание и написание как в языке-источнике: *бинт, диск, компьютер, бензин, ручка, телевизор*, термины из различных областей науки и т.д.

Среди заимствований есть и *кальки*, т.е. слова, образованные буквальным переводом на агульский язык. Большинство таких слов – это термины (лингвистические, политические, технические и т.д.). Например, *главные члены предложения «предложенин кIилиъ ае членар», гласные заднего ряда «кьабахъ джалгайин ачухъ сесар», мобильный* и т.д.

Основной пласт старых заимствований в агульском языке составляют арабизмы, тюркизмы и иранизмы.

Наиболее распространенный способ заимствований – это контакты языков. Интерес представляют в этом плане появление в агульском языке иранизмов, заимствований из персидского языка. Агулы на исконной территории своего

проживания (примерно с начала нашей эры) не граничили с ираноязычными народами. «Единственным географически ближайшим ираноязычным народом были таты. Но между ними и агулами простирались территории расселения лезгин и табасаранцев. Остается предположить, что ираноязычные народы и агулы ранее 1 в. до нашей эры, имели общие территории» [Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994: 16].

Наиболее ранний нижний пласт заимствований составляют иранизмы. Они многочисленны, охватывают почти все сферы жизни, фонетически и грамматически ничем не выделяются среди слов самобытного происхождения и составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда. Средний пласт составляют арабизмы, они относятся в основном к религиозной сфере. Есть также слова, относящиеся к образованию, этике и т.д. Верхний слой заимствований представляют собой тюркизмы. Позднейшие новые заимствования – это заимствования из русского языка, через русский и английский и т.д.

Среди иранских заимствований, освоенных без изменения семантики, И.И. Эфендиев выделяет в дагестанских языках следующие группы слов:

а) названия профессий, рода занятий: *кашиш* «священник», *душман* «враг»;

б) термины растительного происхождения: *инжир, чугъундур* «свекла», *паьлутин* «дуб»;

в) термины животного мира: *гамиш* «буйвол», *шагьмар «*дракон», *чакъа*л «шакал»;

г) названия, обозначающие предметы домашнего обихода: *бер* «лопата», *сурна* «зурна», *таш* «таз», *туфанг* «винтовка», *чапар* «забор»;

д) названия тканей и одежды: *келагъан*, *лачак* «платок*», шалвар, махппур* «бархат», *тур, парча (*перс. *parče* «ткань, материал, кусок»)*, парда* «занавеска» и т.д. [Эфендиев 2007].

Арабские заимствования агульского языка можно распределить на следующие тематические группы:

а) названия бога, ангелов и служителей веры: *Аллагь* «бог», *Халикь* «творец, создатель», *гIезраил* «ангел смерти», джин, *Джабраил* «Ангел, который низвел Коран Мухаммеду», *малаик* «ангел», *малла* «мулла», *имам* «духовный глава» и др.;

б) молитва и другие религиозные обряды и церемонии: *азан// кибер ахъас* «призыв к молитве», *амин* «аминь», *бисмиллагь* «во имя Аллагьа», *мавлуд* «праздник», *садакьа* «милостыня», *закат* «доля урожая, выделенная для муллы», *дуьг1а* «молитва» и др.;

в) Коран, его суры, религиозные святыни, предметы вероисповедания, понятия потустороннего мира: *Кьуръан* «Коран», ясин «название суры», *кьулгьу* «название суры», *Iэджал* «смерть», *ахират* «конец», *зиярат* «паломничество, посещение святых мест, а также само это место», *субхIанар* «четки».

г) слова, обозначающие особенности людей и отношения между ними: *азият* «мучение», *бахтт* «счастье», *гIазаб* «страдание», *гIэр* «стыд», *хIал* «состояние», *шигьид* «свидетель; тот, кто умирает за веру», *залум* «тиран, мучитель», *мегIелим* «учитель», *гIантар* «кровопийца»;

д) названия, связанные с пищей: *Iэсида* «халва», *шаккар* «сахар», *шурпа* «суп», *тIегIам* «вкус», *иштягь* «аппетит», *шербет*;

е) названия предметов домашней утвари, инструментов и т.д.: *сеI* «мера веса», *синджил* «цепь», *тIабакI* «поднос», *курси* «табуретка», *гIейнабур* «очки», *Iэраба* «арба», *сеIэт* «часы»;

ё) названия растений, плодов и др.: *мяхIсул* «зерновые», *бурунз* «рис», ш*абалут* «каштан», *кишмиш* «кишмиш, изюм»;

ж) слова, связанные с обозначением времени: *вахтт* «время»,*джумIа* «пятница», м*аджал* «возможность во времени», *замана* «время, эпоха», *дакьикьа «*секунда», *Iуьмур* «жизнь»;

з) названия металлов, камней: *мерджан* «коралл», *легIли* «драгоценный камень в оправе», *садаф* «перламутр, жемчужина», *джавгьар* «жемчуг», *кьумаш* «материал, ткань»;

и) названия животных и птиц, насекомых, болезней и др.: *тIавус* «павлин», *маймун* «обезьяна», *гIакьраб* «скорпион», *вяхIши* «дикарь», *хIейван* «лошадь, животное», *маскъв* «мозг», *нафас* «дыхание», *фалиджа* «паралич», *гамиш* «буйвол», *кафттар* «гиена», *каргадан* «носорог» [Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р. Арабский пласт агульского языка. Махачкала, 1996].

Помимо отмеченных тематических групп слов в агульском языке активно функционирует много и других заимствования как из арабского, так и из восточных языков.

В работе З.К. Тарланова «Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки» [Петрозаводск, 2005] приводится словарь таких слов: *джаллатI* «шакал» (перс., пушту, дари, турецк., тюрк. «палач»)*, хач* «крест» (турецк., тюрк. «крест»), *къара* «кличка человека, мужчины» (турецк. смуглый, темный, тяжелый, черный») *шим* «щебень, гравий» (в перс. šin «песок, гравий»), *шир* «краска (перс.šir «краска») и т.д.

В отличие от арабских заимствований, проникших в агульский язык в связи с распространением ислама, тюркские заимствования объясняются так же, как и у других дагестанских языков, их контактами, прежде всего, с азербайджанским и кумыкским языками (в том числе и через посредство лезгинского языка). До середины XX в. языком межнационального общения для агулов были азербайджанский и лезгинский языки.

В большинстве лезгинских языков, в том числе и в агульском, тюркскими по происхождению являются следующие слова:

а) названия животных, зверей, птиц и частей их тела: *илан* «змея», *балугъ* «рыба», *къирхай* «сороконожка», *къаз* «гусь», *къуш* «птица», *аслан* «лев», *деве* «верблюд», *чакъал* «шакал»;

б) названия пространственных понятий, строений, помещений: *ятагъ* «стоянка чабанов», *багъ* «сад» *куьча* «улица», *юрт* «имение», *дагъ «*гора», *тепе* «бугор, холм»;

в) названия продуктов питания: *дулма/дурма* «голубцы, долма», *аш* «каша, плов», *ягълу* «жирный», *яхв* «жир», *кабаб* «шашлык»;

г) названия людей по их внешности, умственным способностям и др.: *кваса* «безбородый», *темпел* «ленивый», *таниш* «знакомый», *келлагюз* «тупой, дурак»;

д) названия признаков предметов: *булди* «обильный», *багьаф* «дорогой», *алчагъ* «подлый», *бурма* (*чIарар*) «курчавый ;

е) женские и мужские личные имена: Къистаман, Айна.

Наиболее активно пополняемый пласт агульского языка – это **русизмы.** Среди русских заимствований выделяются полностью освоенные агульским языком и фонетически, и грамматически: *исттикан* «стакан», *ути* «утюг», *курушкка* «кружка», *ккарават* «кровать», *пич* «печка», *духттир* «врач, доктор», *бадра* «ведро», *лум* «лом», *битун* «бидон», а также сохранившие, в основном, звучание и орфографию русского языка: *банка, салфетка*, *телевизор, аптека, антенна, вышка, зарядка* и т.д.

Самый обширный пласт слов-заимствований из русского языка составляют

<u>названия, связанные с техникой, транспортом, оборудованием</u>: *машин/машина, холодильник, телевизор, компьютер, монитор, маршрутка, «Газель», «Камаз», «Волга», джип, кабина, кузов, рул «руль», мотоцикл, автобус, поезд, самолет, ттармуз «тормоз»* и т.д.;

<u>названия инструментов, материалов</u>: *отвертка, шуруп, станок, дрель, цемент, кафель, клей, ризин «резина», раствор, бетон* и т.д.;

<u>названия учебного процесса, профессий, должностей, рода занятий</u>: *класс, доска, учитель, директор, завуч, мел, ручка, тетрадь /титрат, дневник, журнал, указка, карта, глобус; сельсовет, бухгалтер/бухалтир, прокурор/ ппирккурул, суд/сут, милица «милиция и милиционер», начальник / начальникI,шофер / шуфир, заведущий, бизнес, банк;*

<u>названия помещений, учреждений, территорий</u>: *подвал, исккалат* «склад», *аптека, музей, кабинет*, райун «район», *гарадж* «гараж», *Дом культуры, район, садик* «детсад», *ясли*, *банница* «больница», *собес;*

<u>названия одежды, обуви, тканей, изделий, хозяйственно-бытовых предметов</u>*:* *палаш* «плащ», *ппалтту* «пальто», куртка, *джинсар* «джинсы», *свитер*, *шапка*, *туфли*, *ппаттинккабур* «ботинки», гольфы, *носки*, *колготки*, *кроссовки*, *калуш* «галоша», *салфетка*, *ппарашукI* «порошок», *къайфат* «конфеты», *макIарун* «макароны» и т.д.

Лексика агульского языка с точки зрения активного и пассивного употребления

В словарном составе агульского языка, как и во всех остальных языках, имеются слова, активно употребляемые носителями языка, есть также и слова, к которым обращаются редко. Слова, обладающие высокой частотностью употребления и известные всем носителям языка, относятся <u>к активному словарному фонду,</u> слова, устаревшие, обладающие редкой, меньшей частотностью, употребляемые ограниченным кругом носителей языка называются словами <u>пассивного фонда</u> или новые слова, которые не вошли еще в активный запас или неизвестны пока всем носителям языка.

К словам активного фонда во всех языках относятся слова, называющие предметы и понятия, с которыми сталкивается человек ежедневно, постоянно. К таким словам относятся, например:

названия предметов быта (пищи, блюд, продуктов): *гуни* «хлеб», *хьед* «вода», *гIур* «мука», *якк* «мясо», *кьур* «зерно», *кьел* «соль», *ракь* «суп», *хинкIар* «хинкал», а*ш* «каша, плов», к*ушар* «каша», к*ьутIур* «чуду», *бурунз* «рис», *нирхI* «крупа», *ччам* «масло», *хьед* «вода», *хIуьяг «к*астрюля», *къаб* «посуда, *ттур* «ложка», *кьуш* «половник», *садж* «сковорода», *кантI* «нож», *гъад* «молоток», *кьецI* «щипцы», къадакъ «гвоздь» и т.д;

названия одежды, обуви, головных уборов: *лекар* «обувь», *кунар* «одежда», *джигет* «жакет», *пенджег* «пиджак», *ккасттум* «костюм», *бармак* «папаха», *хукI* «шапка», *чакмабур* «сапоги», *шалвар* «брюки», *берхIем* «платье, рубашка», *кIучI* «пуговица», *ягълукъ* «платок»;

названия частей тела человека или животного: *кIил* «голова», *гъил* «рука», *ул* «глаз», *фун «*живот», *йиркIв* «сердце», *лекI* «печень», *сив* «рот», *селеб* «зуб», *сурат,* хъ*уьссу* «лицо», *ибур* «ухо», ч*Iарар* «волосы» и т.д.;

названия домашних и диких животных, птиц: *вец* «бык», *хIуни* «корова», *ярд* «бычок», *урч* «теленок», *лучI* «телка», *хIуб* «овца», *укьар* «баран», *хIуч* «волк», *сул* «лиса», *багниш* «медведь, *джакьв* «воробей», *хъветт* «ворон», *къерекъел* «сорока», *ккекку* «кукушка», *гIуд* «куропатка», *улусум* «павлин», з*ибз* «муравей», *варв* «пчела», *шатт* «комар», *тIутI* «муха», *бугъбугъай* «шмель», *вакк* «кабан»;

названия природных, атмосферных явлений: *рагъ* «солнце», *угъал* «дождь», *ибхь* «снег», *кулак* «ветер», *хипхел* «град», *ваз* «луна, месяц», *гIад* «звезда», *диф* «туман», *къири* «туча», *цIалипан* «молния», *тIурфан* «ураган» и т.д.;

названия элементарных действий: *экьвас* «сидеть, садиться», *гъайшас* «встать», *ахъухьас* «лечь», *гъургъас* «разговаривать», *гъархьас* «спать», *лихас* «работать», *IуьтIас* «кушать», *ухас* «пить», *гъас* «нести» и т.д.;

названия числительных: *сад* «один», *Iуд* «два», *ерид* «семь», *муяд* «восемь», *йицIуд* «десять», *къад* «двадцать» и т.д.;

названия признаков предметов: *иттеф* «сладкий», *IуьчIеф* «кислый», *кьулкьунф* «горький», *илгунф* «легкий», *къикъеф* «тяжелый», *гъазеф* «зеленый», *ирефъ* «красный», *кIареф* «черный», *суьвеф* «толстый», *иккеф* «тонкий» и тд.;

К словам пассивного уровня относятся, прежде всего, слова, вышедшие из употребления, историзмы, архаизмы: *тIубун лампа, джиджим* «палас», *умадж* «старинное аульское блюдо». Редко используемыми словами могут быть также неологизмы, пока они не стали известны широкому кругу населения, т.е. не стали общеупотребительными*: суварин районар* «горные районы»,

Как известно, слова выходят из употребления, устаревают по нескольким причинам: *во-первых*, выходят из употребления сами предметы, в силу различных причин, а их названия становятся *историзмами.* Например: *чухай* «верхняя домотканая мужская одежда», *тIабрибур* «старинная агульская женская кожаная обувь», *кIандилай* «светильник на ножках, в форме животного, и головы которого торчал фитиль», *валджагъ* «бешмет, черкеска», *башмакъар* «мягкие кожаные сапоги», *къуч* «чохто, нижний слой головного убора женщин, разновидность

хиджаба, надеваемая агулками под платком, который закрывал волосы женщины» и т.д.;

Во-вторых, другую группу слов составляют названия предметов, сохранившихся и используемых носителями языка, но получивших другие наименования. Такие слова называются *архаизмами.* В народном календаре агулов существовал деление года не только на четыре сезона (*Iурд, хьид, гIул* и *цул*), но и более дробное деление. Так, например, зимнее время подразделяется на периоды. *ЦIиг* (12 дней) – самые холодные дни зимы, когда замерзали даже родники. Эти дни называли *Iае мекIер* «сильный холод зимы» или *Iурдин Iае ягъар* «самые морозные дни зимы». Этот период сравнивали в народе с волком, так как холода этого времени были губительны для скота. Холодными были и последующие *куршан* (12 дней) и *туршан* (12 дней)». В следующие 12 дней – (*мулурх, малух*) вывозят на поля навоз, часть овец отправляется на плоскость (*аран*). Это происходит примерно с 10 марта» [Булатова и др. Агулы. 2008:344].

К словам пассивного фонда относятся также и новые слова, неологизмы, называющие новые понятия и предметы и выражения, не вошедшие в активный запас: *яндекс кошелек* и т.д.

Лексика агульского языка с точки зрения сферы употребления

Словарный состав агульского языка содержит слова, употребление которых носителями языка носит разный характер. Можно выделить слова, известные всем носителям агульского языка (*гуни* «хлеб», *хьед* «вода», *кIи*л «голова», *хал* «дом») – это слова общенародного употребления. Слова, употребляемые только на одной какой-то ограниченной территории компактного проживания населения (село): *ккуккалай* «чуду, пирог» (гекх.), *ккурццар* «пельмени» (кош.), *гьаркис* «нагнуться» (кош.), *цIарф* «молния» (рич.), их называют диалектизмы. Выделяется также слова, употребляемые представителями какой-либо профессии, группы людей: *джакьвалан кIил* «рисунок в виде головы птицы» (в ковроделии), *рачал* «приспособление для наматывания нитки при шерстопрядении», *амбулатория*, т.е. профессионализмы, *дини акьас* «выделка кожи»,

Ядро языка, без знания которого невозможно общение на данном языке, образуют *общенародные слова*, известные всем носителям данного языка независимо от территориального деления, профессиональной принадлежности, возраста и т.д. К таким словам агульского языка относятся: *хьед* «вода», *джил* «земля», *дад* «отец», *баб* «мать», *лихас* «работать», *агвас* «видеть», *вес* «идти», *унихьас* «слышать», *хIаф* «большой», *иджеф* «хороший», *Iаеф* «злой», *джагварф «*белый», мучIи «темно», *дахи, тегIди* «быстро», *вес, чар, кIур, элхъенас* и др.

Общенародная лексика агульского языка – это тот фонд, на базе которого происходит в первую очередь дальнейшее совершенствование и развитие языка.

Агульский язык относится к новописьменным языкам (письменность создана в 1991 г.), поэтому формирование литературного языка переживает период становления. В основе литературного языка лежит собственно-агульский диалект.

Традиционно, как и во всех языках, литературная норма складывается из самого многочисленного по носителям говора. Литературный агульский язык формируется вокруг говора села Тпиг, вбирая при этом многое и из других говоров и диалектов агульского языка. Кроме собственно-агульского (Тпиг, Хутхул, Дулдуг, Кураг, Яркуг, Гоа, Фите, Мисси) диалекта в агульском языке выделяют кошанский диалект (Буршаг, Арсуг, Худиг), *керенский* диалект (Рича, Бедюк, Усугь, Хоредж, ХIуппукь, Квардал, Укуз). Наряду с гекхунским диалектом как самостоятельным Н.Д. Сулейманов выделяет три одноаульных говора: *хпюкский, фитинский, цирхинский* [Сулейманов Н.Д. Сравнительное исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993]. В каждом из этих диалектов функционируют слова-диалектизмы, употребляемые только в отдельных говорах, диалектах. Диалектная лексика является лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части агульского народа, объединенной территориальной общностью.

Отличаются диалектизмы от общенародной лексики лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями.

Лексические диалектизмы: *эц* (кош.) – *булах* (собств.-аг.) «родник», *ккуртар* (кош.) – *кунар* (собств.-аг.) «одежда», *чугъул* (кер.) – *шикат* (собств.-собст.) «клевета», *галмизар* (кер.) – *рукьар* (собств.-аг.) «капкан»; *уликкен* (собств.-аг.) – марф (*тIувуккен*) «горизонтальная перекладина в ткацком станке» ; *нецIв – нир* (кош.) «река»;

фонетические особенности диалектных слов: *лакар (*кер) – *лекар* (собств.-аг.) «ноги», *гъил* (тп.) – *хил (*кер, кош.) «рука», *улар* (тп.) – *улер* (кер) «глаза», *Iуьмур* (собств.-аг.) – *гIуьммур* (кер) «жизнь», *къуджа* (собств.-аг.) – *къужа* (кер) «старик»; *эргъел* (собств.-аг.) – *гьергъел* (кош.) «полба», *хьел* (собств.-аг.) – *шел* (кош.) «сноп», *цукI* (*акьас*) – (кош.) *сункI* (акьас) «корточки», *ибхь – йишъ* (*йуьхь*) «снег»; *бугьу – бугьум* «сова»;

грамматические особенности: *Хилив фай кьяцIул капур, Зубайил **гимис*** (форма дат.п. вместо направительного п. *гимилди)* *тIушуне . Хье **арай*** (кер., собств.-аг.: ***хье*** *арайиъ*) *архьуне тIафал* (Тарихи Чархъи–Къала).

Отмеченная дифференциация агульского языка на различные пласты в зависимости от сферы употребления не имеет строгих границ: некоторые группы слов, бывшие диалектизмами, профессионализмами или арготизмами могут стать общенародными словами. И наоборот, отдельные общенародные слова, выходят из общего употребления или приобретая новое особое значение.

Лексические диалектизмы отражают историческое прошлое языка, в далеком прошлом могут быть словами общенародными, в силу разных причин сохранившихся только в некоторых диалектах, говорах.

Профессионализмы – это слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой–либо производственной деятельностью, специальностью или профессией.

Следующие слова агульского языка характеризуют принадлежность к такому исконному ремеслу агулов, как **ковроткачество**: *угъар* «основа ковра», *марф* «нитка, связывающая и закрепляющая каждый провязанный ряд», *тIирхьир* «название

рисунка ковра», *Iегур* «название центрального рисунка ковра», *фур* «название крупного рисунка, в виде ромба», *агъвар* «станок для ковра» и т.д.;

слова, характерные для **овцеводства:** *азал* «отгороженное место для стоянки овец», *цIурт* «заквашенное натуральной закваской (в качестве закваски используется порошок из высушенного овечьего желудка) для сыра овечье молоко в виде густой простокваши, не совсем еще готовый сыр в виде каши», *хIуппар архIас* «овец стричь», *Iуьбер гIихьас* «период, когда бараны и овцы пасутся вместе», *ккелхун* «время окота, появления ягнят», *убад «стадо», хьидулф* «овечка, самка»;

слова; характерные для **сельского хозяйства**: *Iача* «мера длины», *фуниккен* «борозда, служащая границей засеиваемого участка», *гIарар диргIас* «очищать луга от камней перед сенокосом», *маркв* «сноп», *кутал* «плуг», *хуппурар даркас* «вспашка полей», *фурд аличIас* «удобрять поле», *хулар гIаттвес* «вспахивать междурядья картофеля» и т.д.;

с обработкой шерсти, кожи, изделий из них: *хьеяр рукIас* «прясть пряжу», *дини акьас* «выделывать кожу», *ттунар хиланас* «скручивать шерстяные нитки», *гвегIен алгъатIас* «завершить джурабы», *гвегIенар кьулдул алирхIас* «придать форму джурабам, для чего их намачивают и в мокром виде натягивают на специальное полено в форме ноги».

В словарном составе агульского языка выделяются также и арготизмы, слова, ограниченные в своем употреблении, которые являются эмоционально-экспрессивным выражением того, что стилистически нейтрально обозначается общенародными словами.

Арготизмы в отличие от профессиональных слов не являются основными названиями каких-либо понятий, предметов, а параллельными обозначениями, характеризуются яркой экспрессией и поэтому употребляются, в основном, в разговорной речи. Например: *гIаруцай* «праздно шатающийся», *тIапI акьас* «побить, избить сильно кого-либо», *афикIас* «есть жадно и много», *ниъар* «слухи», *фалар* «вранье», *гIанф йирхIас* «болтать».

Звукоподражательная лексика

Звукоподражание (ономатопея, идеофон**)** – слово, которое служит для имитации звуков окружающей действительности средствами языка. В агульском языке существует большой пласт слов, в основе наименования которых лежат звуки, производимые животными и птицами. Такие слова существуют во всех языках мира, но каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и поэтому звукоподражательные слова разных языков не совпадают друг с другом, хотя и обладают определенным сходством.

В соответствии с фоносемантическим законом относительной денатурализации языкового знака в лингвистической литературе выделяют следующие типы ономатопов:

1) примерно (фонетически) мотивированные ономатопы; 2) ономатопы с частичной утратой примерной мотивированности; 3) секундарно мотивированные ономатопы [Алиева 2009: 127].

К фонетически мотивированным ономатопам относятся такие слова агульского языка, как *мив* «мяу», *гIанф* «гаф», *къвагI* «карканье вороны». К словам с частичной утратой примерной мотивированности относят слова, прежде всего, существительные, глаголы оформленные морфологически: *гIанф акьас, мив акьас, Iуь-Iуь акьас* «кукарекать». К третьей группе относятся оценочные слова: *гIанф йирхIас* «гавкать» (о человеке), *кьуртI йирхIас* «кудатахтать» (ворчать).

Состав звукоподражаний, функционирующих в том или ином языке, отличается, что объясняется особенностями культуры, а также ареала обитания того или иного народа. Причем, различия наблюдаются даже по диалектам. Приведем ниже некоторые звукоподражательные слова и с их диалектными вариантами.

Наименование птиц или животных,	**Звукоподражательные слова и слова-сигналы для подзывания или команды животным, птицам**			
	собств.-аг. диалект	**керенский**	**кошанский**	**гекхунский**
хIуни «корова»	*магI «мычание коровы» чихьай-чихьай, сибс*		*Си-си*	*чихьай–чихьай*
вец «бык»	*бев (йирхIас) «*рев быка»; *сибс–сибс* «подзывать», *гьей* «когда погоняют скот», *вихх* «команда остановиться»	*гьав* (быку),		*Вес-вес, гьав*
урч «теленок»	*Ме-е* «мычание теленка) *сибс* «команда при подзывании», *вишт* «команда, когда прогоняют»		*Си-си*	*Ши-ши*
укьар «баран»	*ма-ма* «на-на», *тmрр* «команда изменить направление», *Iештт / Iештт-киштт* «команда двигаться»			Тугь-тугь, р-р-р
цIегь «коза», *кьун* «козел»	*пIе-е* «блеяние козы, козла». *Чакку-чакку* «команда при подзывании» *бадж-бадж* «команда при подзывании», *чавш* «команда остановиться»			Бадж-бадж, *Чавш, кIеца*
даги «осел»	*иагI-иагI* «звукоподражат.: и-а». *гьеч-гьеч* «команда, когда погоняют».	*гIач* «когда погоняют»		
гъуй «собака»	*гIанф акьас* «лаять». *ма-ма-ма, чап-чап-чап* «команды			*Чап-чап, яри*

	при подзывании: на-на»; *ери, ях* – такими словами прогоняют собаку			
хIуч «волк»	*ав-в/ав йирхIас* «выть»			
багниш «медведь»	*бев-в, бев акьас* «рев медведя»			
хIейван «лошадь»	*п-р-р-р* «ржание лошади»,			
пеI «курица», *ккекк /датт* «петух»	*кьуртI йирхIас* «кудахтанье курицы», Іуь-Іуь акьас «кукарекать»; къах-*къах, цып-цып* «команды при подзывании кур, киш «команда, когда прогоняют.		Джуь–джуь	Къах-къах-къах, киш, тугь «когда прогоняют петухов»
урдаг «утка»	*вид–вид* «команда при подзывании»; киш «команда, когда прогоняют».	Бяд-бяд		
къаз «гусь»	*кIягI-кIягI* «гогот гусей», *къаз-къаз* «команда при подзывании»;киштт команда, когда прогоняют»			
гитан «кошка», *къурмяв* «кот»	*мягIв, мив акьас* «мяукать», *къурмяв-къурмяв* «мяуканье кота»; *пис–пис* «команда при подзывании», *пестт, ватаск* «такой командой прогоняют кошек»			*Пис-пис, васк*
хъветт «ворона»	*къвагI-къвагI* «карканье вороны»,	*Іьяр-Іьяр* «карканье вороны		
къерекъел «сорока»	*къир-къирр* «подражание звуку сороки»			
луф «голубь»	*къуф-къуф* «воркованье»	*кър-к къу-къу* «подражание воркованию»		
джакьв «воробей»	*вичI-ричI- вичI-ричI* «чириканье воробья», писк цыплят	*кIуьтI-кIюруьтI* «подражание пению мелких птиц»;		
гIуд «куропатка»	*бакьри-бакьри* «пение куропатки»			
чуькI «кузнечик»	*цIир-р-р* «стрекотание кузнечика»			
Іул «мышь»	*цIив-цIив* «мышиный писк»			
хьед «вода»	*чар-чар* «журчание воды», *пат-рат* «шум от большого объема вылившейся воды».	*Жур-жур* «журчание»,		
шуршать	*шухьрухь акьас*			

шепот, шорох	*шухьрухь*	*хьуш-хьуш* «шепот»,		
шипение масла/жира на сковородке	*чIиш-ш, чIиш-ш акьас*			

В агульском языке так же, как и в других языках, например, в лезгинском [Ганиева 2004:73] встречаются звукоподражательные слова, мотивирующей основой которых являются команды или подзывы животных и птиц. Особенно часто такой явление наблюдается в детской речи. Например, такие слова, как *Iуь-Iуьмай* «петушок», *писакIай* «кошка», *гIамамай* «собака» образованы от соответствующих ономатопов: *Iуь-Iуь акьас* «кукарекать», *пис-пис «*команда подзыва для кошки», *гIанф акьас* «лаять».

Кроме отмеченных групп звукоподражательных слов, в агульском языке можно выделить слова, сопровождающие деятельность людей, звуки предметов, явлений природы и т.д.

С точки зрения семантики звукоизобразительные слова агульского языка можно разделить на две группы. Одну из этих групп образуют слова, изображающие отличные друг от друга оттенки одного и того же звука, например: для изображения различных оттенков звука падения или удара, ходьбы и т.д.: *тамп-тумп* «топот тяжелых шагов; *тапрап-тапрап* «звук быстрых шагов»; *чIикьрикь-пIикьрикь* «скрип стула, кровати», *чIвертI, жвартI* «шлепок», *такърахъ-пахърахъ* «шум грохот падающего предмета», *пархъ-пархъ-пархъ* «звук от падения более твердого предмета»**,** *багърагъ* «звукоподражание грохоту падающих предметов»; *загъ-рагъ* «звукоподражание бьющейся посуде»; *дангъ* «звук выстрела»; *тIинкь* «звук отламывающегося небольшого предмета»; *тахъ-тахъ* «стук»**;** *шах-рах* «звук от сыпучих веществ»; *хурр-пур-р* «храп», *тIакь-ракь* «треск».

Большая часть звукоподражаний в агульском языке представляет редуплицированные образования, при которых повторяется часть слова или полностью слово. Вышеприведенные примеры иллюстрируют данное положение. Что касается неидентичных повторов, то к ним относятся такие повторы, первый компонент которых редуплицируется с изменением звукового состава. Такая группа слов включает несколько разновидностей, которые суммарно могут быть включены в следующие четыре группы:

1. Повторы, при образовании которых в основе происходит замена начального согласного (сонорным /р/ – одним из губных согласных или губно-зубным /ф/ –, сонорным /м/): *цIапрапI* «блеск», *шуртI-пIуртI* «возражение придумавшего, разговоры, толки, уговоры, сделки исподтишка»; *тар-мар* «разгром, развал, распад». Ср. русск. *тяп–ляп.*

2. Повторы, в которых подвергается изменению согласовка второй части: *хъарт-хъурт* «звукоподражание шуму галопом скачущей лошади». Ср. русск.: *зиг-заг,тик-так, пиф-паф* и т.д.;

3. В агульском языке встречается повторы звукоподражательных слов, при образовании которых во второй части вставляется комплекс Р+согласный, соответствующий вроде фонетическому сингармонизму, например: *кIуьтI-кIюруьтI* «подражание пению мелких птиц». Ср. в русском языке – *чик-чирик*.

4. Несколько реже встречаются повторы, второй компонент у которых отличается от первого звуковым составом начального слога: *угь-цIугь* «оханье», «аханье»; *шулта-булта* «несуразный», «нескладный», «растяпа».

Второй компонент таких слов не имеет самостоятельного употребления. Он является всего лишь своеобразным отзвучием первого компонента и не встречается в удвоенном виде. Как видно из изложенного выше, в идентичных повторах выражается повторяемость и многократность однородных звуков и образов, тогда как в неидентичных повторах – повторяемость и многократность неоднородных звуков и образов.

Своеобразна и их морфологическая структура, что и явилось причиной их выделения в особую группу (микросистему). Сопоставление материала рассматриваемого агульского и русского языков (систематическое или эпизодическое) позволяет нам говорить о структурной изоморфности звукоизобразительных повторов в этих языках. Сопоставление их с русским языком (для большей убедительности) позволяет говорить и об универсальности звукоизобразительных слов вообще.

Во-первых, говоря об образовании и их структуре в сопоставляемых языках (агульского и русского) можно выделить две большие группы: простые и сложные.

Во-вторых, простые звукоподражательные слова характеризуются двух или трехсогласными слогами закрытого типа.

В-третьих, в сопоставляемых языках, несколько реже, но употребляются звукоподражательные слова, состоящие из согласного плюс растянутый гласный (му-у, бя-я, мя-у).

С учетом исследований и некоторых сведений о лексике и морфологии звукоподражательных слов Климова Г.А., Шагирова А.Ш., Хайдакова СМ., Шагирова А.К., Гайдарова Р.И., Мейлановой У.А.,Гюльмагомедова А.Г.,Самедова Д.С., Мазанаева И.А. можно выделить следующие группы по их семантическим требованиям:

1) использование которого связано с обозначением округлых, выпуклых или же выпеченных предметов;

2) слова, обозначающие напряжение. В основе слов этой группы лежит звукоизображение (сдавливание, растяжение, сокращение, натяжение и т.д.) отдельных мышц человеческого тела. Исток этой группы слов лежит в имитации направления различных групп мышц тела, относящихся к артикуляционному аппарату человека.

3) слова, обозначающие звуковые физиологические процессы в полостях носа, рта и горла. Они, в свою очередь, могут быть разделены на носовые, ротовые и горловые.

Иллюстрированный материал, отобранный из различных словарей, фольклора, художественной учебно-методической и научной литературы, свидетельствует о самом различном составе и системе гласных и согласных в звукоподражательных

словах сопоставляемых языков. Таким образом, звукоподражательные слова образуют обширную группу, так как можно подражать животным и птицам, предметам и стихийным проявлениям природных сил. Как показывает их анализ, полного и тождественного воспроизведения этих звуков не удается ни в одном языке.

ТОПОНИМИКА

В современном агульском языке существуют десятки тысяч слов, обозначающих явления и предметы реальной действительности. Кроме нарицательных слов, во всех языках существует ряд слов, служащих для наименования отдельных объектов, людей, так называемые собственные имена. Где бы ни находился человек – всякое место имеет свое название, свой адрес, изучением географических названий занимается раздел ономастики, который называется топонимикой.

Топони́мика (от др.-греч. τόπος (topos) – место и ὄνομα (onoma) – имя, название) – наука, изучающая географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение

Географические названия отражают историю, быт, наблюдения над природой, языком и т.д. Поэтому к исследованию географических названий обращаются и географы, историки, и лингвисты.

В зависимости от того, какого характера объекты именуются, различают следующие виды топонимов: названия водных объектов – *гидронимы* (*Каспийское море, Моска-река, Чираг-чай, Река Самур, Руьккедин рух*); названия объектов сухопутной поверхности земли – *оронимы* (*Шалбуздаг, Базардюзю, Тарки-тау, Пушкин-тау, КIаре дагьар, ЦIаги*); названия подземных объектов – *спелеонимы* (*Сулхумдин улуд*, пещера); названия мелких объектов – *микротопонимы* (*Къури –рух, ЧIинкарин рагI, БаIин ар*х); названия населенных мест – *ойконимы* (город *Махачкала, Тпппигъ, чIаъ, ФитI*); названия внутригородских объектов – *урбанонимы* (*проспект Гамзатова, ул. М.- С. Гусаева*).

Топонимические наименования можно классифицировать с различных точек зрения: семантической, морфологической, фонетической, синтаксической. Каждый топоним представляет собой слово (простое, сложное, суффиксальное) или словосочетание, функционирующее в качестве названия того или иного географического объекта.

Структура топонимов обусловлена внутрилингвистическими факторами, зависит от особенностей строения того или иного конкретного языка. А в основе семантики географических названий лежат внелингвистические факторы: особенности ландшафта, растительного и животного мира местности, хозяйственная деятельность человека, его религиозные представления, исторические события, касающиеся как целого народа, так и отдельных личностей, контакты народов. Всякое топонимическое название исторически было мотивированым, случайно они не давались, но со временем мотивировка могла утратиться. Поэтому топонимика – это как бы язык земли, который рассказывает о своих богатствах, истории, обычаях, занятиях, счастье и горе народа.

Языки мира по-разному идентифицируют объекты окружающей действительности. Своеобразие мировосприятия актуализируется этносом посредством языка. Наиболее ярко специфика языковой картины мира отражается в топонимах, фразеологизмах, паремиях. Различный характер отображения действительности в языках исследователи объясняют тем, что «в каждом естественном языке он выступал в виде итогов по-разному протекавших в соответствующих языках процессов категоризации и концептуализации мира» [Кубрякова 2012: 38].

В корпусе географических названий агульского языка достаточно много наименований, в основе которых лежит *метафора*. Интерес к метафорической картине мира топонимов агульского языка обусловлен, с одной стороны, тем, что данный пласт специально не исследовался, с другой – тем, что он наглядно демонстрирует процесс осуществления связи языка с национальной культурой, менталитетом, с результатами освоения носителями языка окружающего мира. Топонимическая картина мира имеет свои особенности, связанные с регионом проживания того или иного этноса.

Территория проживания агулов в географическом отношении представляет собой горный край, изрезанный ущельями. Склоны гор покрыты прекрасными альпийскими и субальпийскими лугами, особенно в этом плане отличаются те из них, которые окружают ущелье *Агул-дере* [Булатова и др. 2007: 5]. Метафорическая номинация широко используется для создания географических названий, в чем находит отражение образное видение человеком окружающего пространства [Алпатов 2010: 86]. Внутренней формой, ключевыми образами метафорических топонимических названий в агульском языке служат следующие группы апеллятивов:

а) названия частей тела человека и животного: *ул* «глаз», *кIил* «голова», *хил* «крыло», *гуг* «голова, макушка», *тIуьрI* «нога»; *муъул* «клюв, губа», *кканчч* «клык», *хъехъв* «нос», *кIунтI* «кончик носа», *къархьил* «локоть», *кьуркь* «горло», *мухур* «грудь», *фун* «живот», *Iама* «шаг», *рудж* «хвост»;

б) названия бытовых предметов: *гур* «миска», *Iаб* «колыбель», *чIакь* «глиняный горшок для хранения молока*», Iегв* «зеркало», *мугул* «метла»;

в) названия одежды и обуви: *калуш* «калоша», *бад*у «брюки» и др.

г) названия, связанные с хозяйственной деятельностью: *зуьлер* «ступенька», *падж* «чердак», *гIан* «двор», *урккагъ* «ярмо», *чIилетум* «кожаная веревка, используемая в упряжи».

В корпусе агульской топонимии значительное место, как свидетельствуют приведенные выше примеры, принадлежит наименованиям, образной основой которых являются соматические термины.

Метафорическим основанием сравнения часто выступает внешнее сходство. При визуальном восприятии действительности наиболее ярким, бросающимся в глаза признаком объекта является его форма, этим объясняется частотность идентифицирующих образов. Ориентация в пространстве составляет существенную часть топонимической метафоры. Человек проецирует свою собственную ориентацию «внутри/снаружи» на другие физические объекты, ограниченные поверхностями [Лакофф 2004:54].

Природные объекты трактуются или как дискретные сущности, или как вещества цельные, единые. Так, например, если объект возвышается над другими объектами, чаще всего он в агульской топонимии сравнивается с головой (макушкой головы). Данный соматический термин входит в названия гор, вершин, возвышенностей: *Хан кIилар* «Вершина Хана», *ЧIуландагъ кIил* – название вершины горы (букв. «Тополиной горы вершина»). Морфологическая структура данного топонима (*ЧIуландагъ*) представляет собой сложное слово, в котором присутствует тюркский элемент дагъ «гора» (ср. в турецк., азерб. dağ «гора») и форма родительного падежа существительного *чIул* «тополь»: *ЧIул*–(ан) «тополь» + *дагъ* «гора».

Номинатором следующих оронимов также является форма, очертания объекта: *Сув пай аркьа кIил* – название возвышенности (букв. «Вершина, где производится жеребьевка горы/луга), *IудкIил* – название горы с двумя вершинами (букв. «Две вершины»), *Хъулин кIил* – название вершины горы (букв. «Вершина *Хъулая* (мужское собственное имя»), *ТIутIран кIил* – название возвышенности в с. Буршаг (букв. «Вершина мух»). Вертикальная пространственная направленность в семантике лексемы *кIил* «голова, макушка» в составных микротопонимах подтверждается и атрибутивным препозитивным компонентом *гьава* «высокий»: *Гьава суван кIил* «Вершина Высокой горы», *Кедарке кIилар* «Наклонные вершины». Естественность сравнения с головой подтверждается номинацией гидронима *Качал хьеттар* – название водоема (букв. «Лысые воды). Нетипичная валентность лексемы *качал* с лексемой *хьед* в данном микротопониме объясняется отсутствием или скудостью воды в данном водоеме, который наполняется ею только после дождей. Семантическая несовместимость компонентов топонима выступает образной основой мотивации типа номинации.

В данный образный ряд укладывается еще один тип природных объектов – *скалы*. Основанием для сравнения служит внешняя остроконечная форма выступающей части скалы: *Кканччрихъ сув* – название горы в с. Худиг (букв. «Гора за Клыками»), *КIаре дагьарин кканчч* «Клык Черной скалы». Верхнюю пространственную ориентацию отражает также метафора в брониме *Ликьран падж* «Вершина орла» – название скалы в с. Буршаг (*падж* – чердак над выходом на плоскую земляную крышу).

Другими образами сравнения выступающих объектов (склона горы, скалы) являются лексемы *хъехъв* «нос», *кканчч* «клык»: *Федин тIулан хъехъв* – название склона горы. Склон своим выступом напоминает нос человека (букв. «Нос горы Федин (не перев.) прут»). Бросающееся в глаза сходство зауженного остроносого участка пашни с клювом птицы нашло отражение в названии *Муъул ху* (букв. «Клюв-поле»). К этой же модели номинации, в основе которой лежит внешнее сходство форм и очертаний, относится и топоним *Къархьил ачI* – название оврага (букв. «Локоть-овраг»), *Ерхе рудж а гIечI* – название оврага в с. Худиг (букв. «Овраг – длинный хвост»). *КьакьагI* – название дороги (букв. «Между горлом») – дорога между пашнями, упирающаяся в подножие горы. *Улар гIар* – название луга (букв. «Глаза-луг»). Мотивирующий признак связан с препозитивным компонентом: так называется луг на поверхности скалы, где нет сплошной растительности. Маленькие

зеленые островки напоминают глаза. Сходный образ лежит и в основе номинации другого луга *Iаму уркIар* – название луга (букв. «Шаг ямы»). Употребление слова *Iаму* «шаг» объясняется малыми размерами площади, покрытой растительностью. Сходство с крыльями птицы лежит в основе названия оврага *Хилар ккее ачI* (букв. «Овраг с крыльями»).

В основе метафоры, как показал языковой анализ, имплицитно присутствуют сопоставления, элементы уподобления (*суман* «как», *гъилди* «подобно» и др.) в которых опущены, поэтому метафора не всегда узнается «в лицо».

Образы метафоры находятся в фокусе внимания носителей языка. Имеются названия, в которых представлены «живые» метафоры, образную основу которых носитель языка понимает лишь после того, как обратит внимание на основное значение слов, употребленных с метафорическим сдвигом. Так, например, в названии луга *Рамайин рагIар* функционирует компонент *рагI(–ар),* являющийся многозначным словом, в котором выделяются следующие значения: 1) «расческа для волос» *(кIил джирха рагI*; 2) «станок для чесания шерсти» (*хьеяр рукIа рагI*); 3) «рама для меда в улье» (*уьттан рагIар*). В качестве омонима к этому слову выступает *рагI* – «мельница» (*гъилин рагI* «ручная мельница», *хьеттин рагI* «водяная мельница»). Можно предположить, что образной основой послужила форма участка в виде располагающихся друг над другом рам. Как правило, в топонимических названиях употребляются «застывшие» метафоры, для понимания которых не обязательно обращение к основному значению слова. Они подобны идиомам, когда прямые значения составляющих их компонентов не являются определяющими.

В топонимических образах отразились и традиционные архитектурные особенности построек в горах, когда крыша одного дома зачастую приходилась двором для другого: *Зуьлер хIур* (букв. «Ступенька село») – название уже не существующего древнего селения в окрестностях с. Тпиг. По этой же модели образован микротопоним *Зуьлер гIар* – название луга (букв. «Ступенька луг»). Источниками метафоры служат и различные предметы быта: *ЧIакьариъ* – название луга (*чIакь* «глиняный горшок для хранения молока»), *Джадар гур* – название впадины (букв. «*Джадар* (не пер.) + «миска»), *Мизмизин гур* – название местности в с. Худиг (букв. «Миска Мизмизая» (мужск. имя)), *Iатте Раджаб лихъван гур* – название луга (букв. «Миска, где танцевал хромой Раджаб»), *Шимин гур* – название склона скалы (букв. «Миска щебня»), *Даран гур* – название участка леса (букв. «Миска леса»).

Характерной чертой топонимических наименований является функционирование в них слов, отражающих традиционные занятия, быт, трудовую деятельность народа. Понятие труд – универсальная культурная и аксиологическая константа для всех этнических групп и народов, о чем свидетельствует ее регулярное языковое воплощение, в частности в идиоматике языка [4, с. 193]: *Урккагъдал* – название пастбища (букв. «на ярме), *ЧIилетIумдихъ* – название пастбища (букв. «За веревкой»), *чIилетIум* – кожаная веревка для крепления оглобли и ярма.

Переносное значение приобретают в топонимах и заимствования: *Калуш дар* – название леса (букв. «Галоша-лес»), *Арамугул* – название луга (букв. посередине метла), *КIерахъ бадубур* – название сенокосного участка (бадубур «штаны»), *Ифар*

цилан гуьнна – название южного склона горы (букв. каменной плиты склон), *Iурсин хъвехъ (букв. «русский нос»)* – название местности в с. Буршаг.

Метафорические образы тесно связаны также с зоонимами, которые часто выступают в качестве универсальной культурной метафоры, своеобразного культурного кода [Гасанова 2013: 54]: *Вецар алука Iаб* – название пастбища (букв. «люлька/колыбель, где собираются быки»). Местность напоминает форму национальной дагестанской колыбели. В основе образа исходно лежит реальная ситуация: в период солнцестояния быки обычно собираются на открытом, хорошо проветриваемом месте, возвышенности, пережидая жару. Этот же образ лежит в основе названия и другого склона: *Кьаъарин Iаб* – название участка склона (букв. «Сурепки люлька»).

Микротопонимы агульского языка могут быть репрезентированы посредством образных компонентов аксиологической семантики, что подчеркивает особую значимость и ценность природного объекта: *Къизил гъун* – название склона (букв. «Золотой склон»). Переносное употребление слова *къизил (*ф) «золотой» объясняется оценкой качества травы, которой покрыт склон, *Некк хъавере Iабар* – название пастбища (букв. «Люльки с льющимся молоком»).

Таким образом, исследование топонимических названий выявило преимущественное образование наименований на основе сходства внешней формы объекта. В топонимическом фонде агульского языка нашли отражение хозяйственный и культурный опыт народа, ценностно-смысловая значимость тех или иных естественных реалий.

В структурном отношении топонимы агульского языка представляют собой следующие конструкции:

1. Простые (однокомпонентные). Структура простого топонима в основном представлена

а) моделью существительного в различных пространственных падежах: *Къурджибурдал* ← Къурджи+ бур (аффикс множественного числа) = да= (аффикс эргатива) = л (аффикса локатива Super)), *Дюхьел, ХIаджиIерал, Яндал*, Урккагъдал «На ярме»; *Буцурихъ ← Буцур + и* (эргатив) + хъ (аффикс локативного падежа Post); Зазахъ «За колючками, шипами»,*КIерахъ*; *БулугI ← Бул +у* (аффикс эргатива) + *гI* (локативный Interэссив); *ГъуригI* «В сухом стебле»; *Верхьерикк* ← верхь «рябина» + е (эргатив) + *кк* (локативный Sub); ХутIликк (*Subэссив)* «Под пуповиной»;

б) топонимы со слово//формообразовательным формантом множественного числа (*-ар, -эр, -бур, -вур, -вар*): *ГIарав-ар* – название леса*, Дагарал* «Середина, центр», *ТIилканар* «Серпантин», *РагIер* «валик с зубцами, расческа», *Ханагъ-ар, ТIирI-ар*, ГIарава-ар, *Iарака-бур, БармутI-ар, ЧIирин-ар, ЧIидукк-ер, Къурчал-ар, Багъ-ар, Барахил-ар, Лак-ар, Ялухар;*

2. Топонимы со структурой словосочетания. Основная часть таких словосочетаний-топонимов обозначает или характерный признак объекта, или особенности окружающего ландшафта, или растительный мир. В роли основной части может быть и собственное имя:

а) топонимы со структурой двухкомпонентного словосочетания: *Сулан мугар* «Лисьи норы»; *Шимин гур* «Миска щебня»; *Кьаъарин* рух «Ручей сурепки», *Рамайин*

гІан «Двор для стада», *Луфуран хьед* «Голубиная вода», *Къархьин ачІ* «Лощина локтя» (лощина, похожая по форме на локоть»; *Хьеттин ругъар* «Водное место, т.е., где много воды»; *Хулдин укун* «Долина межи», *ТІафалин уркІар* «Углубления/ямым воров»; *МеркІван цІулакк* « Место чертополоха»; *Даран укун* «Долина леса», *Вецунан укун* «Долина быка», *Джем еІетин Іаракабур* «участки джамаата» (с. Тпиг). *Раккал исв «*Место у ворот», *ХІере майдан* «Площадка села*», СувартІал лапан* «Водопад на горе*», ЧІире гІуник* «Плохой перевал», *ХІелу исв – хІел «внутренний жир», исв «место»; Хев майдан – хев «Хив», майдан «поляна»; СелехІан исв «*Место Салиха», *АхІе гури «Большая возвышенность», Шимин кІил «*Возвышенность из щебня*», КьушартІал гуьне «*Черпак склон» *(с. Буршаг).* Достаточно часто в топонимах этого типа присутствуют и собственные имена*: Кьубин буллах* «Родник Кубая», *Бидарин хуппур* «Поля/пашни Бидар», *Іэларин хуппур* «Пашни, принадлежавщие Алар», *ВахІидар кьурцар* «Наделы Вахида», *Рабаданан укунар* «Долина Рабадана», *ІЭлибеген ишан* «Памятник/метка Алибега», *ЧІинкІарин рагІ* «Мельница тухума ЧІинкІар»;

б) топонимы со структурой трехкомпонентного словосочетания***: ШейтІанар ккиква укун*** «Долина, где собираются шайтаны», *Душман иши гъун* «склон, где наступил/ногой/ враг», *КьацІ ата гъван* «Камень для кусания», *МеркІв ая ачІ* «Овраг, где растет чертополох», *Гуни Іэле ттул* «Место/ровное место, где едят» (букв. «хлеб, где кушают место»), *ЧІул кке ІуьчІал* «Берег, где растет тополь», *ФатІима алайши дагьар* «Скала, откуда прыгнула Фатима», *Іу рекъ а ху* «Поле, с двумя дорогами», *Цилан гъутІу укун* «Долина, где стоит каменная плита», *БагІар кке уркІ* «Ямы под булыжниками», *Марз ае гъун* «Склон, где есть/растет рябина», *МеІуьчарин МехІемадан рекъ* «Дорога Магомеда из тухума МеІуьчар»;

в) топонимы со структурой четырехкомпонентных словосочетаний: *Багьаларин Рамазана акьу кьулла* «Родник/источник, который сделан Рамазаном из тухума Багьалар» *Іатте Раджаб лихъван гур «название долины» (букв.* «долина, где танцевал хромой Раджаб», *Іатте ХІесанас гъван киркьу ачІ* «Овраг, в котором в хромого Хасана попал камень», *Къуба шуй кІе рух* «Ручей, где умер мужчина из Кубы».

Таким образом, отмеченное выше позволяет сделать вывод о том, что основным критерием топонимического наименования является отражение географических особенностей того или иного объекта, природа и непосредственная связь топонимических названий с практической деятельностью человека. В географических названиях отражаются местоположение, особенности рельефа, направленность на различные стороны света, цветовые и количественные обозначения, т.е. отражение все стороны общественной деятельности и материальной культуры агульцев.

МОРФЕМИКА

Место и роль морфемики в лингвистике

Морфемика изучает инвентарь морфем, их типы, технику использования. Типы морфем различаются позицией в слове и назначением: корень и аффиксы, обеспечивающие словообразование и словоизменение. Лингвистическую дисциплину, изучающую морфемный строй называют морфемикой. В русском языкознании начало этой дисциплины связано с именем И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Морфемой называют минимальную значимую единицу языка, выступающую носителем лексического или грамматического значений.

При морфемном анализе слова выделяют минимальные части слова, обладающие значением. Все морфемы подразделяют на два вида: корневые и аффиксальные. Корни – это обязательная часть любого слова, а аффиксы – это вариативная часть. Для выделения того или иного аффикса, необходимо, чтобы они повторялись в аналогично построенных и обладающих общим элементом словах: гуни-***с***, *гъили*-***с***, *дада*-***с***, *руша*-***с*** повторяющийся аффикс ***-с*** является в данных словах показателем дательного падежа.

Следует различать разбор слова по составу и синкретичность некоторых аффиксов агульского языка. Например, *халаъди* членится на следующие морфемы: *хал-а-ъ-ди.* Здесь **-ди** – аффикс направительного падежа. В другом слове тот же аффикс ***-ди*** – указывает на совершенно другой падеж (инструментальный – *кIетIайилди рукIас*).

В основе орфографии агульского языка лежит фонетический принцип, поэтому на письме отражаются звуковые изменения, что необходимо учитывать при идентификации морфемы. Например: *ЦIакIинар ккиркIуна хибудпе ягъа сус гъайи авалан гIедатарилди хьеттил.* «На третий день после свадьбы, по старинным обычаям агулов невестку водили к роднику за водой». В существительном *хьеттил* корень *хьед* представлен с геминированным звуком на конце, что является результатом фонетического процесса. Здесь мы имеем вариант данного корня или его реализация в речи (морф).

Морфемная структура слова: выделение словоизменительных аффиксов, основы, корня (выделять морфемы нужно в направлении **справа – налево**, т.е. начать с конца слова).

Схема морфемного анализа слова:

1. Определить часть речи.
2. Выделить основу слова (для чего слово надо изменить в соответствии с парадигмой соответствующей части речи).
3. Выделить окончание, дать ее характеристику (падеж, число, наклонение, время и т.д).
4. Определить производность или непроизводность основы.
5. Производную основу членить на морфемы. 5. Определить тип морфемы, ее функции.

***Образец*:**

1. ***ттураккен*** «ящичек для хранения ложек» – имя сущ. в им.п.;
2. основа слова (*диб*) совпадает с формой им.п (*ттураккен, ттураккенар, ттураккенди, ттураккендин, ттураккедис, ттураккендиъ* и т.д.);
3. распадается на следующие морфемы: *ттур-а-кк-ен;*
4. *ттур* (*мерI* «корень»: а) *са мягIнайин гафар*: **ттур** «ложка», – является носителем вещественного значения (*гафунин мягIнайин диб*);

б) **-а-** один из формантов эргативного падежа: руш-**а**, дад-**а,** сул-**а;**

в) -кк- – формант пространственного (локативного падежа) со значением нахлождения предмета **под ориентиром** (*гъванди-**кк*** «под камнем», *гъвади-**кк*** «под крышей, потолком», *рякъуь-**кк** «*под дорогой»);

г) -ен- суффикс со значением «предмет или предназначение»**:** *ср. Іурдекк-ен* **«**подушка», *улик-ен* « горизонтальная перекладина ткацого станка», *фуникк-ен* «подпруга», *Іабалакк-ен* «кусок хлеба, в руках у грудных детей (*Іаб* «люлька»).

Ал-ихь-а-с «положить сверху»

1. глагол неопределенной формы;
2. основа глагола (**диб) -алихь-** (*алихьуне, алихьуни, алихьая, алихь*);
3. Корень **(мер1**) **-ихь** (ал-и<u>**хь-**</u>а-с, хъ-и<u>**хь-**</u>а-с, гІ-и<u>**хь-**</u>уне)
4. –с– показатель инфинитива (уха-с, рук1а-с, эьва-с)
5. –**а-** – тематический показатель.

С точки зрения **выполняемых функций,** морфемы подразделяются на лексические – корень ***(мерІ***), словообразовательные (*цІае гаф аркьаттар*) и формообразовательные (*гафунин форма, дагишвел агвар аркьаттар).*

Вещественное значение слова связано с корнем (*гафунин мягІнайин диб агвар аркьафе мерІуьни)*, аффиксы могут выполнять словообразовательную или формообразовательную функции. Слова с одним и тем же корнем называют однокоренными, родственными (*са мерІуьнинттар, багунттар*). Например, в словах **тІуб-**уккен, **тІуб-**учІ «веретено», т**Іуб-**руц «юла», т**Іуб-**антай «вид хлеба», выделяется общий корень **тІуб** «палец». В словах *хІура-**гІан*** (←хІур «село»)- «гуляка, бездельник», *хула-г**Іан*** (←хал «дом» «хозяйка, жена, которая ведет домашнее хозяйство», *с*ала*-**гІан*** (← сал «сарай») «жена, хозяйка, которая занимается скотиной» аффикс *-**гІан*** выполняет словообразовательную функцию, внося в слово значение «лицо по роду его деятельности (обозначенного в корне слова). В словах *дара-**хъ,** цали-**хъ,** мактаби-**хъ,** усттули-**хъ,** мугІуйи-**хъ*** формант ***-хъ*** *п*оказывает форму локативного падежа *постэссив («н*ахождение предмета за ориентиром»*).*

Слова служебных частей речи состоят только из корней: *яра, белеки, е, на, ра, мчин, гунна.*

Каждая часть речи обладает своим набором словообразовательных аффиксов.

По **позиции** относительно корня в агульском языке выделяют следующие типы морфем:

<u>**префиксы**</u> (служебные морфемы, стоящие перед корнем): *за-мурхІ* «плетеный кузов арбы, для перевозки навоза», *хъу-руц* «деревянное приспособление с загнутым концом для перемешивания зерна при жарке в национальной печи – *хьар*»; *гІа-тІишанас* «замесить», *ки-тІишанас* «намазать»; *д-агвас* «не видеть» ←агвас «видеть» и т.д.;

<u>**постфиксы**</u>**,** аффиксы, стоящие после корня: *хІуп**п-а-хъ-ан** «чабан», хъат-**рикІ*** «вор», *Іэш-**рикІ*** «плакса»;

<u>**инфиксы**</u> – аффиксы, вклинивающиеся внутрь корня: *хъи-<u>**ми-**</u>кІа* «не запирай, не закрывай» (ср. *хъикІас* «закрыть, запереть»), *гъа-<u>**да-**</u>дивас* «не поднимать» (ср. *гъадивас* «поднимать»).

Морфемное строение слова, границы морфем со временем могут изменяться. Поэтому следует различать диахронный и синхронный подходы при выделении

тех или иных морфем. Например, слово *цIухур* на синхронном уровне не членится на составные компоненты, хотя корневой согласный **цI** – и является смысловым центром данного слова: *цIухур* «древесный уголек» *[цIу (←*цIа*) «огонь» + *хур* «горошина»]; *гIудафан «близнец, двойняшка»* [*гIуд←* Iуд «два» + фан←*фун «живот»*]. Сравните в кош. *кьулахай* «близнец» *[къу(д)* «два» и *хай* «дееприч. несоверш. вида от глагола *хас* «рождаться»].

Основой слова (*гафунин диб*) называется часть слова до изменяемого окончания или формообразующего суффикса, в которой заключено лексическое значение слова. Например, *хIури/ъ, хIури/н.*

Основа слова может быть производной и непроизводной. Непроизводной называется основа, состоящая только из одной корневой морфемы. С синхронной точки зрения такая основа нечленима и немотивирована: ***IуькI, рагъ, рукъ-ас, рук-уне.*** Производной называется основа, состоящая из нескольких морфем. Такая основа членится на морфемы, имеет свою производящую основу, то есть ту основу, от которой она непосредственно образована и которой мотивирована. Например, производная основа слова *хьурахъан* «печница, женщина, которая у себя дома открыла пекарню, национальную глиняную печь (*хьар*) для общественного пользования», членится на морфемы ***хьур-а-хъ-ан,*** мотивирована своей ближайшей производящей основой ***хьурахъ**-ан* (т.е. «та, которая за, позади печи»). В свою очередь, эта производящая основа **(*хьурахъ-)*** является производной и членится на морфемы: **хьур//хьар-а-хъ.,** производящей основой для которой является слово **хьар** «печь», которая равна корню и является непроизводной.

Основные способы словообразования в агульском языке

Словообразовательные форманты агульского языка рассматриваются в работе Р. Шаумяна «Грамматический очерк агульского языка». О словообразовательном инвентаре в именах существительных он, в частности, пишет: «В агульском языке имеется ряд словообразовательных частиц, которые, присоединяясь к существительным, придают им новое значение». И далее отмечает, что «некоторые из них фонетически и функционально связаны с определёнными падежами, но так как мне не вполне удалось выяснить их роль в речи, я условно включаю их в рубрику словообразовательных элементов» [см. Шаумян 1941: 44]. В субстантивах выделяются шесть деривационных суффиксов: 1) -*вaьл* (служит для образования отвлечённых понятий); 2) -*къан* (присоединяясь к существительному, придаёт ему новое значение); 3) -*тти (-ди)* обозначает «весь», «целый»; 4) -*ла* обозначает «отчего?»; 5) -*на* указывает на время года и отвечает на вопрос «когда?»; *6)уьй* также отвечает на вопрос «когда?».

Все данные словообразовательные суффиксы подкрепляются примерами из агульских диалектов: *керенского* (речь села Усуг); *собственно-агульского* (речь села Тпиг) и *кошанского* (речь села Буршаг) [см. Шаумян 1941: 44–45].

В других случаях, в отличие от субстантивов, словообразование специально не выделяется, а рассматривается в связи с исследованием той или иной части речи. Известно, что в глагольном словообразовании агульского языка важное место

занимают превербы (или префиксы). «Местные префиксы в агульском языке, – пишет Р. Шаумян, – играют такую же роль, как предлоги (приставки) в глаголах ряда других языков, выражая функции: 1) покоя, 2) приближения и 3) удаления» [см. Шаумян 1941 : 75].

Превербы им делятся на простые и сложные. К простым относятся: *ф-* «около», «у», «рядом»; *гъ-* «около»; *кк-, кка-* «под»; *к-, каъ-, ке-* «с (чего-нибудь по вертикальной плоскости)»; *-хъ, ахъ-* «за», «позади»; *ал-, ала-* «на», «над», «с», «сверху»; *агъ-, гъа-* «вверх»; *ада-* «с»; *атт-* «вы→; *ача-, ачаъ-* «в», «во». К сложным превербам относятся: *айчI-* «вы»; *алай-* «с»; *алд-, алтт-* «про→, «пере→; *алгъ-, алгъа-* «воз→, «вое→,«вверх»; *фатт-, фад-, фат-* «за»; *гъатт-* «про- (мимо)»; *каьтт-, кетт-* «под, «про (под чем-нибудь)»; *кейчI-* «по», «у», «про- (из-под)»; *фай-* «с (кем или чем-нибудь пассивно)»; *хъай-* «с (кем-нибудь активно)»; *фагъ-* «вое→, «взо→; *хъагь-* «за→.

Как считает Р. Шаумян, большинство послелогов образовано от существительных посредством падежных суффиксов. В качестве примера им приводится два слова – соб.-аг., кер. *удигъ;* гех. *уригъ;* кош. *илагъ* «перед» (где *уд, ур* и *ил* восходят к форме *ул* «глаз», а *-агъ* является показателем местного падежа) и *вартт* «верх», «верхняя часть», который присоединяет суффикс местного падежа – *ал: варттал* «на», исходный падеж *вартталас* «с», «сверху». Послелог всегда стоит после управляемого им имени и в большинстве случаев требует перед собой родительного падежа [Там же: 111].

В наречиях выделяется несколько способов словообразования. Один из них – образование наречий от прилагательных путём усечения адъективных окончаний (*ирхеф* «длинный», *ирхе* «долго»). Другой путь образования наречий предполагает присоединение к усечённой форме прилагательного суффикса *-ди (-ри):* соб.-аг. *батIарф* «красивый», *бат/арди* «хорошенько»; гех. *йерхеф* «длинный», *йерхири* «долго». Наречия образуются также от существительных посредством словообразовательных суффиксов *-уъй (-ири), -ди: ъ уьш* «ночь», *ъ 'уьшуьй* (гех. *уъшири)* «ночью»; *джин* «тайна», *джинди* «тайно», «секретно». В роли наречия могут быть использованы послелоги, прилагательные, а также местоимения, последние с добавлением суффикса *-са* [Шаумян 1941: 113].

Вопросы словообразования агульского языка находят освещение в работе А.А. Магометова «Агульский язык». Многие аспекты агульского словообразования, не нашедшие отражения у предшествующих исследователей (А. Дирр, Р. Шаумян), получают развитие в его работе. Словообразовательная база расширяется за счёт ввода в оборот такого способа как описательный, широко используемый в агульском языке. Примеры: *кIаре улар айеф* «черноокая» (букв. «чёрные глаза имеющая»); *кIаре чIарар алеф* «черноволосая» (букв. «чёрные волосы имеющая); *икке йаIар хъайеф* «грациозная» (букв. «тонкую талию имеющая»); *сулпенар хъайид* «усач»; *хIайвандил алид* «всадник» (букв. «на лошади находящийся»); *хIалавар дукъид* «портной» (букв. «одежду шьющий»); *цIа кейи кIур* «головня» (букв. «огонь имеющая палка»).

Выделяются соединительные композиты, которые получены: а) простым соединением двух слов: *гагар-бувар* «родители» («отцы и матери»); *завар-джилар* «мир» («небо и земля»); *гIанар-тIурIар* «голова, ноги и внутренности зарезанного

животного» и др.; б) при помощи соединительного союза: *хеведна илед* «супруги» («жена и муж»).

В определительных композитах выделяются: 1. Композиты, в которых в качестве определения выступает имя прилагательное. Первые, в свою очередь, делятся на композиты, у которых в роли определения выступает субстантив в именительном падеже (а): *сере ишвар* «полночь» *(сере* «половина», *шив* «ночь», мн. ч. *ишвар); сере манат* «полтинник» и композиты, у которых в роли определения выступает субстантив в родительном падеже (б): *чахмахин къутт* «кремень» *(чахмахин* – род. п. от *чахмах* «кресало», *къутт* «камень»); *улин къарк* «веко» (букв. «скорлупа глаза»); *рукъан устта* «кузнец» и др. У вторых – композитов, в которых в качестве определения выступает имя прилагательное – прилагательное выступает без адъективного суффикса: *кІере гІван* «каменный уголь» *{кІеред* «черный») букв., «чёрный камень»; *кІере мал* «скотина», букв. «чёрный скот»; *хІадад* «дедушка» букв., «большой отец»; *хангрушдин чил* «паутина», букв. «паука сеть» *(хангруш* «паук», *чил* «сеть») и др. [Магометов 1970: 90-91].

Пополняется арсенал словообразовательных суффиксов такими как *-чи,* образующий названия лиц по профессии (*чІигъан-чи* «гармонист», *сурначи* «зурнач», *чакма-чи* «сапожник», *ттарактур-чи* «тракторист»); *-кар,* употребляемый с заимствованными названиями деятелей (*тахсир* «вина» – *тахсир-кар* «виновник», *зулум* «гнёт» – *зулум-кар* «притеснитель», *тамахІ* «зависть» – *тамахІкар* «завистник»). Здесь представлены и непродуктивные суффиксы с отрицательной коннотацией, характеризующие людей по тому или иному признаку: *-ач (кІентІв* «губа» – *кІентІвач* «губастый»), *-ехв:(кучІел* «ложь» – *кучІлехв* «лжец»), *-ликІ (аьшас* «плакать» – *аьшликІ* «плакса»), *-т (гуглед* «левый» – *гуглет* «левша»).

Представлен и словообразовательный ряд, образованный при помощи суффиксов *-туй* «мужчина» и *-хъир* «женщина». Сложенные таким образом композиты обозначают лиц по их происхождению из того или иного населенного пункта: *гехъуьн-шуй* «буркиханец» *гехъуьн-хьир* «буркиханка»; *чІаъ-шуй* «ричинец», *чІаъ-хьир* «ричинка».

При помощи данных же суффиксоидов образуются названия лиц по происхождению (этнонимике): *хавхан-шуй* (или *ухан-шуй)* «табасаранец», *хавхан-хъир / ухан-хъир* «табасаранка», *хавханар/уханар* «табасаранцы»; *йаркка-шуй* «лезгин», *йаркка-хъир* «лезгинка», *йарккар* «лезгины»; *йахул-шуй* «лакец», *йахул-хъир* «лачка», *йахулар* «лакцы» и т.д. [Там же: 89–90].

Отмечается о роли превербов в словообразовательном процессе. «Превербы в агульском языке, подобно табасаранскому языку, – пишет А.А. Магометов, – наряду с пространственной характеристикой действия, выполняют и словообразовательную функцию» [1970: 90]. В качестве иллюстрации приводится глагольный корень *-хь-,* с которым варьируют пространственные превербы: *хъихъас* «положить позади чего–нибудь», *алихьас* «положить на...», *ккихъас* «подложить», *гъшьас* «положить перед...», *фихьас* «положить сбоку», *ъихьас* «положить во что-нибудь» *кихьас* «повесить на стену». Приводятся и другие глаголы со сложными превербами, которые указывают на их деривационный характер [Там же].

Значителен вклад А.А. Магометова в разработке вопросов словообразования в области наречий (см. образование наречий-послелогов, наречий места, наречий времени, наречий причины и цели, количественных наречий, вопросительных наречий, отрицательных наречий) [Магометов 1970: 171–173].

Определенное место в работе З.К. Тарланова «Агулы: их язык и история» отводится субстантивному словообразованию агульского языка. Значительно пополняется набор деривационных аффиксов агульского языка. В него вошли словообразовательные суффиксы, образующие существительные со значением лица: *-дар (заминдар* «кто берет поручительство», *заиъфдар* «дистрофик», *Iэмалдар* «хитрец»), *-бан (нахирбан* «пастух», *кучабан* «болтающийся по улицам»), *-суз (ламуссуз* «бессовестный», *хIайасуз* «невоспитанный, нахальный», *кефсуз* «больной, нездоровый», *экъулсуз* «неумный»), *-лу (баракаллу* «благовоспитанный», *къудратлу* «сильный»), *-гIан [хIур* «село» – *хIуригIан* «праздношатающийся», *сал* «сарай» – *салагIан* «домохозяйка (по уходу за скотом)], *-атI/-етI (ул* «глаз» – *улатI* «глазастый», *хъуъхъ* «нос» – *хъуьхъетI* «курносый»), *-ай (гIаруцас* «шататься» – *гIаруцай* «шатун», *йархидай* «верзила», *шебетай* «неряха»), *-аттай* (*раккас* «нищенствовать» – *раккаттай* «нищий»), *-ат (кканчч* «клык» – *кканччат* «клыкастый, зубастый», .ту.\⁻ «храп» – *хухат* «храпун»), *–ич (хъарт* «грубая, необработанная шерсть» – *хъартич* «неряха») и суффиксы, образующие неличные существительные: *-ккен (фурд* «навоз» – *фурдиккен* «свалка для навоза, мусора», *ттур* «ложка» – *ттураккен* «ящичек для ложек»), *-хана (чайхана* «чайная», *дафттархана* «библиотека»), *-гьан (мухур* «грудь» – *мухуригъан* «фартук»), *-вул-(т!у* «палец» – *тIавул* «кольцо»), *-хъан (ивур* «ухо» – *ивурихъан* «серьга»), *-гьан (;кIарчар* «рога» – *кIарчаригIан* «верёвка, которая накидывается на рога впряжённых волов), *-ех (фурд* «навоз» – *фурдех* «плетёнка для переноски навоза»), *-ай (фурулай, ширипай* «волчки») и др.

Весь словообразовательный инвентарь делится на суффиксы, заимствованные из тюркских *(-чи, -лу, -суз* и др.), иранских *(-дар, -кар),* лезгинских *(-бан)* языков, а также автохтонных (по терминологии З.К. Тарланова) суффиксов *(-ач, -ич, -ик, -ув).*

Рассматриваются также исконные суффиксы, которые изоморфны соответствующим аффиксам локативов: *-ккен, -гьан, -вул, -хъан, -гIан»* [Тарланов 1994 : 94].

Относительно глагольного словообразования агульского языка З.К. Тарланов констатирует о слабом уровне его разработанности. Что касается арсенала словообразовательных аффиксов, то он считает, что агульский глагол ими небогат. «Среди активно используемых, – пишет он, – можно отметить лишь так называемые превербы, изоморфные формантам локативных падежей и служащие для пространственной характеристики действия» [см. Тарланов 1994 : 184].

Некоторый материал по агульскому словообразованию содержится в работах Н.Д. Сулейманова [см. 1980: 50–52; 1988: 80–87; 1989 : 160–162; 1993а : 156–162 и др.].

Словообразовательные ресурсы агульского языка выявлены в обобщающей монографии «Словообразование и структура слова в восточно-лезгинских языках» [см. Сулейманов 2000]. В данной работе наряду с вопросами собственно

словообразования, рассматриваются и такие вопросы, которые имеют фундаментальное значение: 1) проблемы морфологии дагестанских языков и место словообразования в ряду других дисциплин; 2) семантический аспект в словообразовании; 3) структура слова и словопроизводство в восточнолезгинских языках.

В области словообразования рассматривается субстантивное, адъективное и глагольное словообразование. Как явствует из аннотации работы, «все операции по выявлению словообразовательного механизма и определению морфемного состава слова в восточнолезгинских языках разворачиваются на общедагестанском фоне, что даёт возможность разграничить факты, относящиеся как к общевосточнолезгинскому и пралезгинскому, так и общедагестанскому уровням» [Сулейманов 2000].

В сфере существительных выделяются следующие способы: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, семантический, описательный, основосложение, фонетическое обособление. Представлены и случаи безаффиксального образования субстантивов от имён прилагательных, глаголов.

Прилагательные в восточнолезгинских языках образуются от имён существительных, наречий и глаголов посредством суффиксов *(-и, -у, -л, -н, -р).*

Большое место в глагольной деривации занимают превербы, которые делятся на пространственные, направительные и сложные, образованные сочетанием пространственных и направительных превербов. В роли словообразовательных аффиксов в глаголах выступают также отрицательные и запретительные частицы.

Некоторые аспекты агульского словообразования нашли отражение в работе «Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка» [Сулейманов 1993]. Прилагательные в агульском языке, как отмечено в исследовании, образуются от имён существительных посредством деривационного суффикса: *гучI* «страх» –» *гучI-аф* «трусливый»; *мучI* «темень» > *муч-еф* «тёмный»; *гаш* «голод» > *гаш-инф* «голодный». Так как работа имеет компаративистскую направленность, то многие вопросы, относящиеся к области словообразования агульского языка, решаются в контексте общего словообразовательного процесса дагестанских языков. Так, например, отмечается, что в агульском языке по диалектам представлены вигезимальный и децимальный счёт счисления. Однако ни одна из этих систем не представлена в чистом виде, в каком это отмечено в аваро-андо-цезских языках. В двадцатеричной системе в парадигму не вписывается числительное *йагъцIур* «сорок», которое имеет черты десятичной системы, а также числительное *верш* «сто». Десятичная система хорошо сохранилась в северо-западной периферии агульского языка (*кошанский* диалект, *цирхинский* говор), но и здесь она не выдержана строго: в числительном *къад* «двадцать» представлена простая основа, а следовало ожидать сложную, состоящую из «два» и «десять». Ср. образование числительного «двадцать» в языках строго следующих десятичной системе: ав. *кIиго анцI* (*келеб.*), букв «два десять». В работе рассматриваются также сложные числительные, распространённые в агульских говорах восточного ареала (некоторые говоры собственно агульского диалекта, фитинский говор). «Данное явление, – как пишет Н.Д. Сулейманов, – связано с числительными десятичной системы «шестьдесят», «семьдесят», «восемьдесят» и «девяносто», которые образованы по

модели последовательно десятичной системы, представленной в аваро-андийских языках: *йерхъи йицI* «шестьдесят», *йери йицI* «семьдесят», *муйи йицI* «восемьдесят», *йеркIуь йицI* «девяносто».

Наличие данной модели, кроме агульского, в северо-западном ареале дагестанских языков, отдалённом от лезгинских языков даргинским и лакским ареалом, свидетельствует об общедагестанском её характере» [Сулейманов 1993 б: 187–188]. В глагольном словообразовании большое место занимают пространственные и направительные превербы, которые, как отмечается, вносят различные оттенки в значение глагола. Сложные глаголы образуются от именной части посредством вспомогательных глаголов *акъас* «делать», *хьас* «быть, становиться»: *чIир акъас* «испортить», *чIир хьас* «испортиться» и т.д. В образовании наречий в агульском языке выделяются два способа – суффиксальный и описательный. В суффиксальном словообразовании принимают участие прилагательные (*батIарф* «красивый» > *батIар-ди* «красиво»; *цIуреф* «ветхий» *цIур-и* «ветхо») и имена существительные (*йагъ* «день» → *йагъ-ди* «денно, целый день»; *цул* «осень» → *цул-ис* «к осени» и др.

В связи с исследованием фразеологических единиц агульского языка [«Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков», 2000], а также словосочетания агульского языка [«Синтаксис словосочетания агульского языка», 2012] в определенной мере касается вопросов словообразования и С.Н. Гасанова.

Рассматривая актуальные не только для агульского языка, но и для всего дагестанского языкознания вопросы разграничения сложного слова и словосочетания, С.Н. Гасанова пишет «Словосложение тесно связано с грамматикой, лексикой, а также другими способами словообразования. Оно отражает специфику языка так как, наряду с некоторыми общими для многих языков чертами, обладает национальными, характерными только для данного языка особенностями [Гасанова 2012: 22]. В отмеченной работе автором выделен целый ряд единиц, называемых в различных работах сложными словами, которые она относит к фразеологическим единицам (*ул фатас* «окинуть взглядом, наблюдать», *ибур хъиянас* «прислушаться» (букв. «ухо положить», *йиркIв алиянас* «слушаться» и т.д.), на основании того, что они воспроизводимы в готовом виде, неоднословны, обладают целостным значением (Гасанова 2012:23). Анализируя состав сложных слов агульского языка, автор приходит к выводу, что многие из них восходят к именным словосочетаниям, образованным по модели «имя сущ. в генитиве + имя сущ. в номинативе: «Специфика агульского языка, как и многих других дагестанских языков, состоит в том, что имя существительное в форме родительного падежа выполняет функцию относительного прилагательного. В сложном слове *кIарантIур* «родинка» мы имеем такой компонент *кIар-а-н* (р.п. от слова *кIар* «чернота/черный»)+ *тIур* (им.п.) «прыщик» (Гасанова 20I2:23). К словосочетаниям относит данный автор также единицы, образованные по различным моделям именных и глагольных словосочетаний типа: *хьяр рукIа рагI* «станок для чесания шерсти» и *кIил джиргIа рагI* «расческа» и др.

Определенное место вопросам словообразования различных частей речи отводит в своей работе и С.Р. Мерданова [«Морфология и грамматическая семантика агульского языка», 2004]. Относительно образования сложных глаголов она пишет: «Глаголы *(a)q’as* и *xas* активно участвуют в глагольном словообразовании. Как и в других лезгинских языках, в агульском языке значительную часть глагольной лексики составляют так называемые сложные глаголы, которые состоят из «неспрягаемой части» (часто именной) и служебного глагола» [Мерданова 2004:175].

Как один из способов образования словообразования отмечается С.Р. Мердановой также образование форм множественного числа топонимов: «Локальные традиционные топонимы в форме множественного числа обозначают совокупность жителей данного населенного пункта: «Курах» – *къуругьар* «курахцы» [Мерданова 2004: 23].

Словообразованию агульского языка посвящена диссертационная работа З.Г. Каидова, им же опубликована монография «Словообразование в агульском языке» [Махачкала, 2013].

Наиболее распространенный способ образования слов в большинстве языков – **аффиксальный и словосложение:** *(хIадад* «дедушка», ← *хIаф* «старший», дад «отец»: *халджак* «веник» (кер)? ← *хал* «дом» и *джикас* «мести»: *гIудафанар* «близнецы» ← **Iуд* «два», фун «живот»); редупликация: *джар–джарай* «название внутреннего органа», *нис-нисай* «название съедобной травы»; *вид-видай* «звукоподражательное (в детской речи) название уток» субстантивация: *хIаф* «начальник»: *ХIаф ахтт ушуна, са документ гъушанасра кехIяй вей адава инсанарифас* «Начальник уехал вниз / в город, поэтому ни одну бумажку люди не могут получить» и т.д. адвербиализация, вербализация, переходы в служебные части речи и др.

В агульском языке продуктивно образуются этим способом, в основном, субстантивы. В сфере существительных выделяются следующие способы: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, семантический, описательный, основосложение, фонетическое обособление.

Так, например, в словах ***хIа-вел, чIирхе-вел, ккане-вел*** выделяется деривационный суффикс субстантивов: *-вел/-вал,* при помощи которго образуются отвлечённые понятия); Iсловах *чIигъан-**чи**, загьамат-**чи**,* суффикс ***-чи*** указывает на лицо/ предмет по роду его деятельности, такое значение имеет и суффиксы *-ан, ттай: хIурагI-**ан**, рака-**ттай***

Глаголы агульского языка образуются различными способами. Достаточной большой пласт глагольной лексики агульского языка составляют аналитические образования, образованные по моделям двух- и трехкомпонентных словосочетаний. В качестве словообразовательных средств представлены деривационные суффиксы (префиксы или превербы, инфиксы), а также глагольные наименования, представляющие собой аналитические конструкции. В глагольном словообразовании агульского языка важное место занимают превербы (или префиксы), которые привносят в глагол различные значения. В агульском языке выделяют восемь превербов, которые, присоединяясь к той или иной глагольной основе, привносят различные оттенки значений. Например:

***ъ**-ихьас* «бросить внутрь чего-л.» (преверб -ъ со значением локативного падежа «внутри ориентира» обычно опускается на письме в начале слова);

***гI**-ихьас* «бросить между чего-либо», ***гI**-укъас* «застрять между чем-либо», *гI-аттвес* «пройти между чем–либо, или через что-либо». Например, *хьеттигIас гIаттвес* «по воде, через воду пройти», *кIарчаригI тIил гIихьас* «между рогами веревку провести, протянуть», *тIирIаригI ккел гIукъас* «ягненок застрять в кустарниках»;

***ф**-итIас вецар* «привязать/запрячь рядом, вместе быков», ***ф**-ачикIас эргъелар* «засунуть сбоку солому», ***ф**-ихьас* «положить рядом»: *цал **ф**-ихьас* «добавить стену»;

***кк**-ихьас* «положить под чем-либо»; *усакк кьвадилкьван кк-ихьас* « постелить на пол (под ноги) ковер, *гъвадикк а-**кк**-ирхIас* «до потолка достичь, упереться в потолок»;

***хъ**-ихьас* «положить за чем-либо»; *тIагарихъ хъихьас* «за окно положить», *хъ-учикIас гIунихъ* «за пазуху сунуть»;

***гь**-ихьас* «положить перед чем-либо»; *суфра гьихьас* «скатерть постелить», *рагъугь кунар гь-ихьас* «повесить белье сушиться (букв. «перед солнцем положить»);

***к**-икъвас бетIур* «прилипнуть грязь», *киркьвас гъван* «камень попасть».

В диалектах агульского языка функционирует преверб, который привносит в глаголы также значение повторности действия, обратного процесса: *хъебес* (керенск.) «обратно, еще раз идти», *хъухъайдес* (соб.-аг.) «обратно вернуться», *хъупас* «повторно сказать».

К простым относятся: *ф*- «около», «у», «рядом» -*факьас* «построить рядом», *фагъутIанас* «приставить рядом, вплотную»; *хъагъутIанас* «поставить сзади», *гъ*- «около»: *гьагъутIана*с «поставить впереди, около»; *кк- ккегъдивас «*вытащить из-под»; *кедивас* «снять с (чего-нибудь по вертикальной плоскости)».

Глаголы агульского языка образуются также аналитически, большинство из которых представляют собой двухкомпонентные модели, образованные по моделям «имя существительное + глагол» и «глагол + глагол». В препозитиве таких глаголов могут быть и прилагательные, наречия. Например: *кар акьас* «работать», *дарсар акьас* «сделать уроки», *бер йирхIас* «вскопать лопатой. вручную», *щир йирхIас «красить»;* **«глагол + глагол»:** р*укъас акьас* «сушить», *ругъас акьас* «охладить», *ахъухьас акьас* «уложить», *гъархьас акьас* «уложить спать»; **«прилагательное + глагол»:** *кьелан (←кьеланф «соленый») акьас* «пересолить», х*Iа (← хIаф «большой») акьас* «вырастить», *гIудул акьас* «смягчить»: **«наречие + глагол»:** *вартт акьас* «возвысить, преувеличить// развернуть по направлению вверх: *малар вартт акьас*», *чIукь акьас* «уменьшить», *хаб акьас* «повернуть». В агульском языке выделяются также трехкомпонентные аналитические глаголы: *ппат-ппат хьас* «разорваться на части, лопнуть», *джар–джар хьас* «слоиться», относительно которых у ученых нет единого мнения.

В научной литературе существуют различные точки зрения относительно статуса сложных слов (аналитических образований): словообразование или образование словосочетаний. Так, например, С.Н. Гасанова считает, что связь

компонентов внутри сложного слова не произвольна. Она обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Одними своими признаками сложное слово сближается с простым выводимым словом, а другими – со словосочетанием. «В сложном слове порядок следования компонентов строго фиксирован: от его перестановки меняется смысл. Структурные и семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены и, по сравнению со связями между компонентами словосочетания, выступают с большей степенью спаянности, семантической компрессии [*Гасанова С.Н., Самедов Д.С.* К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания в агульском языке» // Вестник АГУ, 2012, №1. с.169-174]. Многие производные образовались на базе синтаксических единиц или словосочетаний. По мнению ряда лингвистов, процессы словосложения представляют собой своеобразное свёртывание словосочетания в единое слово.

Существуют также разные наименования таких производных единиц. Так, например, А.Н. Абрегов предлагает назвать синтаксическими блоками «графические слова, которые в акцентологическом, формообразовательном, орфографическом и графическом отношениях сближаются со сложными словами, а в семантическом и сочетательном – совпадают со словосочетаниями» [*А.Н.Абрегов*. К взаимоотношению между композитами, синтаксическими блоками и словосочетаниями в названиях растений адыгских языков // Ежегодник Иберийско–кавказского языкознания. 1979. Вып. VI. С. 122–130].

Связь компонентов внутри сложного слова не произвольна. Она обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Одними своими признаками сложное слово сближается с простым выводимым словом, а другими – со словосочетанием. «В сложном слове порядок следования компонентов строго фиксирован: от его перестановки меняется смысл. Структурные и семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены и, по сравнению со связями между компонентами словосочетания, выступают с большей степенью спаянности, семантической компрессии и обобщенности [Маковей Р.Г. Соотношение сложного слова и словосочетания. URL: hpt://www.nbuv.gov.ua/portal].

Отношение к таким словам в плане их номинативной функции, словообразовательной функции, сохранения компонентами сложного слова своего значения не однородное.

Т.И.Кочеткова, разграничивая сложносоставные слова модели «существительное + существительное (типа *ракета-носитель, суп-пюре*)» и аппозитивные конструкции, отмечает: «Несмотря на внешнее сходство, эти разноуровневые языковые единицы различаются внутренней организацией и функциональной сущностью. Сложносоставные существительные обладают свойствами слов и функционируют в высказывании в соответствии с предназначением лексических единиц. Аппозитивные словосочетания служат для именования предмета с его признаком по законам синтаксиса и основываются на смысловой сочетаемости субстантивных компонентов, один из которых является

определяемым, другой определяющим» [Кочеткова Т.И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке: дис. … д–ра филол. наук. М., 2005 77]. Аппозитивными в соответствии с их функциональными параметрами словосочетаниями данный автор считает такие, как *попрыгунья-стрекоза, конь-работяга,* которые организованы по существующим в языке синтаксическим моделям.

Трудности разграничения сложного слова и словосочетания есть и в дагестанских языках. В агульском языке исследователь З.Г. Каидов выделяет способ словосложения как один из самых древних способов образования новых слов. Среди конструкций, образованных данным способом, в агульском языке им выделяются следующие группы:

1) единицы, образованные сложением непроизводных основ: *гьаркIа*р (кош) «плевел» (*гьар* – семантика затемнена и *кIар(ед)* «черный», *варнекI* «улей, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной и навозом» (*вар/варв* «пчела» и *некI* «деревянная кадушка», *къутрихьел* (*къутт* «камешек» и *хьел* «стрела»), *ахтткIил* «спуск» < *ахтт* «вниз» и *кIил* «голова», *гIалашуй* «гость», *гIалахьир* «гостья» <*гIул*(ар) гости, *шуй* «мужчина/муж», *хьир* «женщина/жена»; *цIимихIил* «искра// тлеющий уголек, *халджак* – «веник». Данное слово образовано из двух основ: *хал* («дом, комната»), *джак* < *джикас* «мести».

2. Большой пласт представляют единицы, образованные по <u>модели субстантивного словосочетания</u> ***«сущ. в родит. падеже + сущ. в им.п.» // прил + сущ.. в им. п. +причастие»***

В агульском языке генитив выступает также в посессивном значении. Чаще всего такие единицы являются:

а) соматическими наименованиями: *кьвакьван Iэгв* (букв. «зеркало колена») «колено», *ачIан уркI* (букв. «впадины ямка») «подмышка», *улин къарк* (букв. «кожура/корка глаза») «веко», *мавун чарккв* (букв. «детеныш жира») «почка», утунин дар (букв. «спины дерево») «позвоночник»;

б) номинации, которые обозначают различные недостатки в облике человека (кош. *тIелтIемар кейед* «рябой», *тIучIу хъехъвер гIаеф* « приплюснутый нос», *цIаку улар аейф* «косоглазый».

На наш взгляд, приведенные примеры являются словосочетаниями, среди которых можно выделить и фразеологизмы на основании того, что они проявляют признаки синтаксической связи, не связаны единым ударением, являются расчлененным обозначением понятия и т.д.

В эту же группу входят и такие номинации, как *кьуссе бав* «бабушка» (букв. «старая мать») и *кьуссе будай* «дедушка» (букв. «старый отец») (*кошанский* диалект). Ср. в соб.-аг.: *хIадад* «дедушка» (букв. «старший отец») и *хIабаб* «бабушка (букв. «старшая мать»). Это сложные слова, образованные в результате свертывания атрибутивного словосочетания. В результате энклизы данные словосочетания акцентологически воспринимаются носителями языка как одно сложное слово, и их следует писать слитно. Мы склонны считать, что здесь имеет место словосочетание, и такие конструкции должны быть написаны раздельно на основании того, что, во-первых, каждый компонент имеет собственное ударение,

во-вторых, наблюдается пауза между компонентами при произнесении. К таким же случаям можно отнести и следующие наименования: *ире бав* «домовой» (букв. «красная мать»), *руха гаджин* «свисток» (букв. «звучащий/поющий кувшин»).

Отмеченное нами подтверждается и в работах А.Г. Гюльмагомедова, который относит к фразеологизмам, следовательно, и к словосочетаниям е единицы следующего типа в дагестанских языках: со структурой **«прилагат.+сущ.»** типа лак. *кIюлаххютту* «тонкая кишка», *мурчIмххютту* «слепая кишка», ав. *бецIа бакь* «слепая кишка», рут. *чIирид–гъубагъ* (букв. «дикая пчела») «оса» и т.д., которые включаются многими лингвистами в разряд сложных слов [Гюльмагомедов А.Г. Проблема дифференциации словообразования и фразеообразования в дагестанских языках // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Academia, 1996. Вып. 3. С. 18].

Интерес представляют также сложные наименования, образованные из двух корней /основ, части которых напоминают различные типы словосочетаний. К этой же группе вроде бы относятся и такие сложные слова, которые сохраняют оформление именных словосочетаний, реализуя тем самым атрибутивные отношения (например, препозицией адъективной части, определенным падежом): ***кIарантIур*** «черный прыщ» = родинка. В данном случае мы имеем производное слово, представляющее собой свернутое субстантивное словосочетание: в первой части сложного слова такой компонент ***кIар-а-н*** (р.п. от слова ***кIар*** «чернота/чернь») + ***тIур.*** «прыщ». Ср.: *кIаран накьиш* «узор из черной нитки».

Подобные определительные отношения можно обнаружить и в сложном слове ***къаркагIуб*** «черепаха» < *къарк але гIуб // къаркаъ ае гIуб* «корку имеющая лягушка/ в корке находящаяся лягушка».

Широко представлена в агульском языке группа сложных слов, образованных при помощи редупликации. В дагестанских языках к этой проблеме обращаются в связи с глагольным формообразованием, а также как к способу образования некоторых разрядов числительных, наречий, существительных.

При неточной/ неполной редупликации повторяющимся элементом является второй элемент, в котором неточно, с изменением начального звука повторяется первый элемент: *кьутIур* «чуду» – *кьутIур-мутIур* «чуду-муду», т.е. «чуду и тому подобная еда». *Гуни* «хлеб» – *гуни-муни* «хлеб и тому подобное», *аджудж-маджудж* «беспорядочное скопление, множество чего–либо или кого–либо в одном месте».

К такой категории слов как будто примыкают и копулятивные сложения агульского языка: *хал-мал* «хозяйство» (букв. «дом-скот»), *кIил-гъил* чаще всего в значении всего тела человека» (букв. «голова-руки»). Например, *кIил-гъил хIязур акьас* (букв. «голову-руку приготовить»), т.е. «приготовиться в дорогу, собраться куда-либо».

Такие же конструкции имеются и в других дагестанских языках: ав. – *бича-бихъай* «упущение из виду чего-либо», в лезгинском – *кьил-кIвач* «весь целиком». Структуру подобных образований определяют как лексикализованные сложения, указывающие на целый класс объектов, т.е. на репрезентативную множественность.

На наш взгляд, подобные примеры представляют собой свернутые формы сочинительных словосочетаний, образованных по модели *«сущ. им.п. + союз + сущ.в им.п.»* (*кIилна гъил*), в которых в результате стяжения выпал сочинительный союз.

В данную группу слов можно включить и такие слова, в которых второй элемент представляет собой чаще всего слово той же тематической группы, но с антонимичным значением: *Iаттеф-бурIеф* «всякие калеки» (букв. «хромые и тому подобные, второй элемент не переводится»), *Iелеф-ухаф* «еда» (букв. «еда-питье*»), хIаф-бицIиф* «от мала до велика» (букв. «младший-старший»), *канн-лек* «одежда-обувь», *гIанар-джанар* (букв. «внутренности-тела») – «потроха», *иджеф-Iаеф* «всякое» (букв. «хороший-плохой»).

Безусловно, относя большинство таких слов к области морфологии, нельзя не отметить, что многие из них по структуре являются словосочетаниями, чаще всего устойчивыми наименованиями, и поэтому должны быть рассмотрены во фразеологии.

4. Дискуссионным является вопрос отнесения так называемых сложных глаголов к устойчивым единицам номинативного характера (т.е. к ФЕ), соответственно – к словосочетанию или к аналитической форме глагола. Чаще всего такие глаголы представлены именным компонентом, где выражено лексическое значение глагола, и вспомогательным глаголом, выражающим грамматическое значение. Например, в агульском: *лихун акьас* «работу делать» = работать, *кквал акьас* «дележ делать» = делить, *мучIе хьас* «темно стать» = стемнеть; *ниъ акьас* «запах сделать» = понюхать, *буш хьас* «слабо стать»= ослабеть, *иттар хьас* «болезнь стать» = заболеть. Оба компонента сохраняют свои прямые значения.

К сложным глаголам агульского языка Т.А. Майсак и С.Р. Мерданова относят глаголы, состоящие «из неспрягаемого компонента и одного из служебных глаголов *хьас* «стать», *(а)кьас* «делать», (*и)цIас* «давать» и нек. др.: ср. *хIазур-хьас* «собираться», *lуссе – хьас* «стареть», *шавла-хьас* «уставать», *гунтI акьас* «собирать».

Неспрягаемый компонент может представлять собой имя существительное или прилагательное, или же может встречаться только в составе сложного глагола; степень формальной связанности двух компонентов сложного глагола может быть различной» [Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Система пространственных форм существительных в агульском языке // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002.С – 253].

Но наряду с такими конструкциями в дагестанских языках функционируют глагольные образования, зачастую являющиеся единственными номинациями тех или иных процессов, в которых один из компонентов (иногда оба) не сохраняет своего прямого значения. Например, в агульском: *ибур хъихьас* «ухо приложить» = слушать, прислушаться, *йиркIв алиянас* «слушаться» (букв. «сердце положить» = слушать), *ун акьас* (букв. «звук, звон делать») = «позвать». Мы склонны относить

такие конструкции к фразеологизмам, соответственно – и к несвободным словосочетаниям.

Составные части некоторых отмеченных сложных слов сохраняют объектные отношения. Сложные слова, образованные путем словосложения, представляют собой микросинтаксис агульского языка.

Проанализировав различные группы сложных слов, аналитических форм глаголов, устойчивых сочетаний, мы приходим к выводу, что основным признаком сложного слова, отличающим его от словосочетания, является **цельнооформленность**, проявляющаяся в следующем:

I) характер сочетаемости компонентов сложного слова. Компоненты свободных словосочетаний выражают разные лексические значения, в предложении выступают самостоятельными членами предложения, имеют позиционную самостоятельность, могут располагаться дистантно: ***хьейин гвегIенар*** «шерстяные носки», *хьейин* ***ибгIа*** *гвегIенар* «шерстяные теплые носки»; (вклинивается внутрь другое слово) ***удигь гьае хал*** «передний дом» (букв. «впереди находящийся дом», *удигь гьае* ***джагвар*** *хал* «впереди находящийся белый дом». В сложных словах типа *удигькIил* «зачинщик, зачинатель»/ направление – «вперед» в агульском языке невозможно вставить внутрь какие–либо компоненты, не нарушив его, например, невозможность сочетаний **удигь тегIде кIил «*впереди быстрая голова» или **удигь гьае кIил* «впереди находящаяся голова» или **удигь хъучучIу кIил* «впереди/раньше приступившая голова»;

2) порядок следования компонентов сложного слова, в отличие от слов в словосочетаниях, постоянный. В словосочетаниях агульского языка он может варьироваться (кроме атрибутивных словосочетаний): *тук атIас* «цветок сорвать», *атIас тук* «сорвать цветок»;

3) наличие или отсутствие служебных элементов, относящихся к самостоятельным компонентам;

4) акцентологические составляющие сложного слова связаны единым самостоятельным ударением, сопровождающимся иногда и побочным ударением: *кIара'нтIур* «черный прыщ» = родинка*, уджкIур* (кош.) «деревянная лопаточка, которой переворачивают хлеб в печи», *тIубруц* «юла»;

5) характер синтаксических связей.

Относительно характера сочетаемости следует отметить, что выделенная из потока речи всякая последовательность лексических единиц, составляющая одну синтагму, может быть либо сложным словом, либо словосочетанием. Каждый язык обладает определенным набором допускаемых словосочетаний, следовательно, выделенная последовательность лексических единиц является сложным словом, если она находится вне данного набора.

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
Словообразование существительных

Префиксальное словообразование

Префиксальное словообразование в сфере существительных в специальной литературе не только в агульском языке, но и в дагестановедении в целом не получило освещения. В отличие от глагольного префиксального словообразования, где префиксация является основным способом словообразования, в именах существительных префиксация является не столь характерным способом. Разработка вопросов префиксального словообразования вызывает неудовлетворенность и не вносит достаточную ясность даже в таких казалось хорошо исследованных языках, какими являются индоевропейские. В немецком языке «в вопросе о том, что считать префиксом, до сих пор еще нет достаточной ясности, – констатировала в свое время К.А. Левковская, – т.к. этим термином часто обозначаются весьма разнородные по характеру единицы» [см. Левковская 1955: 302].

В агульском языке выделение в именах существительных префиксов относится к процедуре сравнительно-исторического или диахронического анализа. При синхронном анализе префиксы выделяются очень редко, ср. *дад* «отец» и *а-дад* «дядя», *баб* «мать» и *а-баб* «тетя», где инициальный *а* выступает в качестве словообразовательного префикса. Он присоединяется к именам, обозначающим кровное родство. Словообразовательные префиксы, которые представляют собой пространственные частицы и классные показатели, выделяются на основе сравнительного анализа. В отличие от суффиксов, которые охватывают широкий круг имен, классные показатели и пространственные частицы присоединяются к отдельным именам существительным.

Из лезгинских языков в собственно лезгинском, агульском и удинском языках классные показатели не функционируют. В остальных дагестанских языках данная категория является действующей. Она действует в глаголе, прилагательных, числительных, наречиях. Что же касается имени существительного, то здесь при согласовании с глаголом и другими именами в качестве изменяющегося классного показателя выступает один из окаменелых показателей класса. Однако ограниченное количество имен существительных в некоторых языках продолжает согласовываться в классе с определяющим словом и глаголом, ср. ав.: *в-ас в-ачIана* «мальчик, юноша пришел» и *й-ас й-ачIана* «девочка, девушка пришла». Чередующиеся согласные в данном случае представляют собой показатели грамматического класса (*в* указывает на класс мужчин, *й* – на класс женщин).

В агульском языке такого классного согласования нет. Не сохранился даже след, в виде соотносящихся окаменелых классных показателей, в именах и глаголе. Данный вопрос – вопрос о грамматических классах имеет и другую свою сторону, связанную с деривацией.

В некоторых именах существительных в дагестанских языках классные показатели выполняют словообразовательную функцию. Эта группа субстантивов, обозначающая родственные отношения, где при одном и том же корне (основе) замена одного классного показателя другим создает новую номинацию, ср. ав. *в-акьад* «свекор» и *й-акъад* «свекровь»; дарг. *В-иккан* «возлюбленный», *р-иккан* «возлюбленная».

В специальной литературе существует мнение, что в лезгинских языках имена существительные на общелезгинском хронологическом уровне не содержали изменяющихся классных показателей и «если определенное количество слов и содержит их в окаменелом виде, то эти имена глагольного происхождения и классные показатели в составе глагольной основы «перекочевали» в разряд существительных с нейтральным, т.е. чисто фонетическим значением, а в другом случае они, можно полагать, выступали в роли словообразовательных элементов» [Талибов 1969: 82].

В агульском языке в структуре некоторых имен существительных в анлауте представлены окаменелые классные показатели.

Префиксальное словообразование отличается от суффиксального. При префиксальном словообразовании префикс как бы занимает независимую позицию и менее связан с основой. «Префикс как словообразовательный формант, – пишет К. А. Левковская, – обычно более автономен в фонетическом, морфологическом и семантическом отношениях по сравнению с суффиксом. Предшествуя корню или основе, он не сливается в единый фонетико-морфологический комплекс...» [Левковская 1955: 312]. Этим не ограничивается различие префиксального и суффиксального способов словообразования. Префиксальные имена (в том числе имена существительные) относятся к тем же частям речи, к которым относятся слова без них. Именные префиксы «по своей специфике не имеют классифицирующего значения и не обнаруживают связи с парадигматическим оформлением слова» [Там же].

В агульском языке представлено ограниченное число префиксальных имен существительных, которое может быть выявлено благодаря сравнительному анализу. С точки зрения современного языка они представляют собой непроизводные слова. Среди префиксальных имен существительных имеются такие, которые образованы от производящих основ, представленных не в самом агульском языке, а в одном из близкородственных языков, ср. соб.-аг. *Ба-тIиш* «курносый» и лезг. *тIиш* (ахт.) «нос» (с отрицательной коннотацией). Эмоциональная окрашенность слова *тIиш* сохраняется и в производном слове *батIиш.* В другом производном слове словообразующая основа так же представлена в лезгинском языке, ср. лезг. *ттахай (← *дахай)* «неродной/-ая» и аг. *Ми-дахай* «рабыня»; в лезгинском языке произошло оглушение звонкого *д* и переход его в глухой аналог *тт.* Мотивировка производного слова основана на усилении семантического компонента отрицания принадлежности субъекта к кругу лиц, имеющих родственные отношения: «неродная» → «чужая» → «рабыня». В агульских производных префиксальные элементы *ба* и *ми* – исторически восходят к классным показателям. К историческому классному показателю, очевидно, восходит и префиксальный *ду-* в *кошанском* производном слове *ру-ркъар (← ду-рукьар;* здесь мы имеем абсорбцию, – исчезновение гласного в соседстве с сонорным – характерную для *кошанского* диалекта) «капкан»; «подвязка для штанов». Значение производного слова не отошло далеко от производящего слова, так как производящее *рукъар* во многих диалектах агульского языка наряду со значением «замок» обозначает и «капкан», ср. фразеологизм *рукьаригI гIархъас* «попасть в капкан (силки)». Само слово *рукъар* также является производным, образованным от *рукь* «железо» при помощи суффикса *-ар.*

В агульском языке словообразовательный префикс может внести значительное изменение в семантику слова, ср. *мурхI* «сани, дровни» → *за-мурхI* «высокий кузов повозки, сплетенный из прутьев». Хотя слово *замурхI* и не выходит из круга слов, семантически связанных с производящим словом, но не все же значение его в сравнении со значением производящего слова достаточно разошлось.

Превербы также выступают в роли словообразовательных префиксов в составе имени существительного, ср. соб.-аг. *тIул* «палочка, прут» и *ку-тIул* «прут». Префиксальный *ку-* – преверб со значением «нахождения предмета на вертикальной поверхности». Вместе с тем не исключено, что слово *ку-тIул* представляет собой сложение-контаминацию, образованное на основе семантики близких между собой слов *кул* «ветка, ветвь» и *тIул* «прут». В связи с этим см. дефиницию: «Анализ сложных слов показывает, что в одно целое большей частью соединяются слова/основы, которые близки или синонимичны по своей семантике. На базе сложения этих основ образуются новые слова, близкие по своему значению с основообразующими словами» [см. Сулейманов 1997: 337].

Суффиксальное словообразование

В отличие от префиксального словообразования, не получившего сколько-нибудь широкого распространения в агульском языке, суффиксальное словообразование более многообразнее. Здесь представлены как простые, так и сложные суффиксы, которые присоединяются к различным словообразующим основам (в основном к субстантивным и глагольным, редко – к адъективным и ономатопоэтическим).

Среди словообразовательных суффиксов большое место занимают те, которые перекликаются (соотносятся) с соответствующими показателями местных падежей. О полифункциональном значении морфем в дагестанских языках отметил еще П.К. Услар [см. 1896]. Позже и Л.И. Жирков указал, что один и тот же суффикс может выполнять как словоизменительную, так и словообразовательную функции и в качестве примера привел аварское слово *хIалтIухъан,* отметив о совпадении здесь форм именительного падежа в значении «рабочий» и местного от *хIалтIи* «работа». Форма *хIалтIухъан* «в одно и то же время является формой словоизменения и формой словообразования», – замечает он [см. Жирков 1948: 27]. В свою очередь, Р.И. Гайдаров считает, что «суффиксальное словообразование, по всей вероятности, зародилось и развивалось, главным образом, на базе именного словоизменения, с которым тесно соприкасается и в настоящее время» [см. 1966: 33].

Продуктивные суффиксы

В арсенале словообразовательных суффиксов в агульском языке наиболее часто встречаются деривационные суффиксы, выражающиеся сонорными согласными. И не только в агульском: как считает М.Е. Алексеев, «среди суффиксов имен существительных в пралезгинском языке были продуктивны *л, р, н,* служившие для образования имен обычно абстрактного значения от глаголов» [Алексеев 1985 : 108].

Суффикс -ун

Группа существительных, представленных в агульском языке, образуются от глагольной основы при помощи суффикса *-ун.* Данную группу объединяют имена существительные, связанные с процессом или представляющие собой результат определенного действия, например: кош. *ах-ас* «спать» →*ах-ун* «сон» → «постель»; *лих-анас* «работать» → *лих-ун* «работа»; *лихъв-анас* «танцевать» → *лихъ-ун* «танец»; кош. *алалц-анас* «вращаться, вертеться» → *алалц-ун* «поворот», «загиб»; соб.-аг. *йирхI-ас* «бить» → *йирхI-ун* «рана». «Агульский субстантив *йирхI-ун* «рана», – пишет Н.Д. Сулейманов, – образован от глагола *йирхI-ас* «бить, ударить». Преобразование глагольной семантики в субстантивную («бить» → «рана») может быть мотивировано как «след, оставленный после удара». Типологически такое развитие значения повторяют и другие дагестанские языки: лезг. *йа-гъ-ун х-ер,* дарг. *бя-хъ-ес → дя-хъ-и (← *дя-хъ-ий ← *дя-хъ-ир).* Ср. также ав., анд. *ру-гъ-ун* «рана», рут. *йы-х'-ын* «гнойная рана», цах. *о-х'-на,* крыз. *х-ыр* «рана» [2000 : 128–129].

Существительные, образованные от глаголов, в структуре которых представлена тема (*лих-ан, лихъв-ан, алалц-ан),* обычно, опускают ее.

При помощи суффикса *-ун* образуются и имена существительные, образованные от субстантивов, ср. хп. *ракъ* «дорога» → *ракъ ун* «пирог, который невеста берет с собой в дом жениха».

Суффикс **-ан (-ен)**

В отличие от предыдущей группы, где в образовании существительных основную роль играют глагольные основы, которые присоединяют суффикс *-ун,* представлен блок субстантивов, в подавляющем большинстве своем образованных от существительных при помощи суффикса *-ан(-ен).* Случаи образования существительных от глагольных основ здесь встречаются реже. Производные слова, образованные от имен существительных при помощи суффикса *-ан(-ен),* представляют собой наименования, относящиеся к реалиям материальной культуры, например: соб.-аг. *цал* «стена» → *цил-ан* «каменная плита для перекрытия проемов»; аре, *тIул* «прут» → *тIул-ан* «маленькая корзина, сплетенная из прутьев». Возможны и структурные изменения в виде удвоения согласного основы в производном слове, ср. кош. *кул* «ветка, ветвь» → *кул-к-ан (ку-к-ан)* «корзина, сплетенная из прутьев».

Представлены случаи, когда слово выступает в качестве производящей и производной основ одновременно: *гIан* «внутренность» → *гIан-а-кк'* «деревянный подойник – деревянный сосуд с носиком, куда чабаны доят овец» → *гIанакк '-аи* «деревянный сосуд цилиндрической формы, применяемый для хранения сыпучих веществ, например соли». Производные основы *(гIанакк/ гIанаккен)* в отличие от производящей *(гIан),* более конкретны по своему значению и очень близки между собой по своей семантике.

В кругу производных существительных, образованных от глагольных основ при помощи суффикса *-ан(-ен),* имеют место и абстрактные понятия, например: соб.-аг.

ихъ-ес «жать» *ыхь-ен* «жатва»; *уз-ас* «сеять» → *йаз-ан* «пахота»; кош. *тIилкI-анас* «кастрировать, холостить» → *тIилкI-ан* «поворот, изгиб».

Суффикс -ал (-ел, -ил)

Довольно продуктивным в деривационном плане является суффикс *-ал (-ел, -ил).* При помощи данного суффикса образуются имена существительные от глагольных основ и субстантивов. Слова, образованные при помощи суффикса *-ал (-ел, -ил)* охватывают наименования, относящиеся к различным сферам человеческой жизни: *зирфас* «просеять (например муку)» → *зерф-ел* «сито»; кош. *ракк* «дверь» → *ракк-ал* «порог (у двери)» [в этом ряду стоит и соб.-аг. слово *ккурз-ел* «порог (у двери)», хотя производящее слово *ккурз* агульскому языку и неизвестно]; *Iаш-ас* «плакать» → *Iаш-ал* «плач»; *угъ-ас* «падать» (об осадках) → *угъ-ал* «дождь»; кер. *жи-к-ас* «подметать» → *жик-ал* «метель, вьюга» (ср. русск. *метель метет).*

Производящим может быть слово, которое выступает не с исходным, а с вторичным, переносным значением, ср. *уг-ас* «гореть» → «чесаться, зудеть» → *уг-ал* «зуд».

В некоторых из производных слов мотивирующая основа может быть представлена как в самом агульском языке, так и в других дагестанских языках, ср. лак. *мурхь* «дерево» → агул, *мурхь-ил* «столб, подпорка, опора»; ав. *хъухь-ине*→ аг. *хъухъ–ал* «перчатка, варежка»; таб. *вур-чI-уз* «полоть», лезг. *эчIел-ун* → аг. *чI-ал* «плевел» и др.

Настоящий деривационный суффикс выделяют также в лезгинском (*ккв-ал* «зуд, зудение», *къв-ал* «атмосферные осадки», *эв-ал* «кипение» [см. Гайдаров 1966 : 46], в табасаранском *(тIуркI-ал* «прыщ»; *ах-ал* «точильный круг», *бирх-ал* «шов» и др.) [Ханмагомедов 1966: 8I; Загиров I986: 147] языках. Б.Б. Талибов на материале лезгинских языков суффикс *-ал* возводит к общелезгинскому хронологическому уровню [см. Талибов 1969: 84].

Суффикс –ар

Наиболее продуктивным в агульском языке является суффикс *-ар.* В качестве деривационного суффикса он встречается и в других лезгинских языках, ср. аг. *тIаб* «пень, чурбан, кряж» → *тIаб-ар* «деревянный замок; мышеловка; капкан»; кош. *гурд* «пень, чурбан, кряж» → *гурд-ар* «деревянный замок»; а также лезг. *тIаб* «колода, пень» → *тIапI-ар* «замок»; *ракъ* «железо» *ракь-ар* «капкан»; буд. *хIани* «бык» → *хIан(и) -ар* → *хIан-ар* «упряжка» и др.

Некоторые дериваты в агульском языке образованы при помощи суффикса множественного числа и семантика производного слова, связанная с множеством предметов – прозрачна. Посредством, форманта множественного числа «образуются имена существительные, являющиеся совокупностью каких-либо звеньев, частей целого, семантически соотносимые с суммой однородных предметов» [Сулейманов I988 : 8I]. Примеры: соб.-аг. *разин* «резина» → *разин-ар* «калоши»; *зулер* «каменная ступенька» → *зулер-ар* «каменная лестница» (то есть «состоящая из множества

ступенек»); *кьул* «доска» → *къул–ар* «весы» (чаши весов раньше были деревянные), *тIур* «прыщ» → *тIур-ар* «крапивная лихорадка»; *къедар* «ширская деревянная ступенька» → *къедар-ар* «деревянная лестница с широкими ступеньками». Соотнесенность суффикса *-ар* здесь с множеством предметов очевидна.

Связь суффикса *-ар* с выражением множества предметов не утрачена и в таких примерах как кош. *ккуртт* «рубашка» → *ккуртт-ар* «одежда»; соб.-аг. *лек* «нога» → *лек-ар* «обувь» и др., но она все же слабее, чем у первых.

Еще более она ослабляется в таких дериватах как *рукь-ар* «висячий замок» *(рукъ* «железо»). Здесь формант *-ар* по своей функции отходит от суффикса множественного числа и переходит в разряд деривационного суффикса. Как замечает Н.Д. Сулейманов, «Такая двуплановость указанного форманта, – с одной стороны выражать множество предметов, а с другой – образовывать новые реалии от названий предметов, складывающихся в одно целое, – детерминирована самой системой словообразования» [1988 : 8I].

3. Дальнейшее абстрагирование ведет к угасанию у суффикса *-ар* семантики множества, ср., например, аг. *баге* «бок», «сторона» → *багв-ар*

4. «бока», «стороны» → *багв-ар* «некачественная мука, собирающаяся по бокам жернова». Здесь происходит обособление формы множественного числа и на этой основе образование нового слова. Такой способ образования имен существительных известен и другим языкам. Так, к примеру, в лезгинском языке этот способ описан Р.И. Гайдаровым, который в качестве иллюстраций приводит *сур* «могила» → *сур-ар* «кладбище»; *гатфар* «весна» – *гатфар-ар* «яровые культуры» [см. Гайдаров 1991: 28].

5. Дериваты, созданные при помощи словообразовательного суффикса *-ар,* обнаруживают различную степень семантической зависимости от производящей основы. Например, отношения между мотивирующей и производной основами могут быть построены на сходстве объектов, при этом не обязательно, чтобы обе основы были представлены в агульском языке: лезг. *тIаг* «ниша» → аг. *тIаг-ар* «окно»; аг. *бар.мак* «папаха» → *бармак-ар* «малина, земляника». Эти отношения могут быть построены и на определенном признаке, такие дериваты образованы от адъективов, ср. хин. *къал* «горький» (в самом агульском языке, в его диалектах адъектив имеет редуплицированную форму – гех. *къал-кьулф* «горький») → *къал-ар* «полынь», от отвербальных субстантивов *угал* «зуд» (ср. глагол *уг-ас* «гореть» → «зудеть») – *угал-ар* «чесотка».

6. Ряд имен существительных при помощи указанного словообразовательного суффикса образуется от глагольных основ. В тех случаях, когда глагол является аналитического образования, производящей основой служит именная часть: кош. *ац-манас* «взвешивать» → *ацв-ар-ар* (суффикс удваивается) «весы»; соб.-аг. *ахс йирхIас* «рассветать» → *ахс-ар* «заря» и др.

7. Аффикс *-ар* обратил на себя внимание некоторых ученых, исследовавших лезгинские языки, в связи с двойным оформлением данным формантом некоторых субстантивов во множественном числе. Так, к примеру, У.А. Мейланова предприняла попытку установить семантику некоторых имен существительных, которые оформляются двойным суффиксом, один из которых, как считает она, является

суффиксом ограниченного множественного (или двойственного) числа. Это слова типа *рак* «дверь», мн. ч. *ракIар, ракIарар; дакIар* «окно», мн. ч. *дакIарар; дапIар* «замок», мн. ч. *дапIарар* и др. [1985: 55, 56]. В другой работе она отмечает, что «формы, уже имеющие суффикс множественного числа *-ар*, можно еще раз поставить в форме множественного числа и тогда понятие *дакIарар, дапIарар* воспринимаются как выражающие множество предметов того же значения» [см. Мейланова 1970: 106].

Имеется и иное мнение, согласно которому вышеуказанное положение «оправдывает себя в случаях, когда речь идет о существительных, семантически соотносимых с суммой однородных предметов. Но имеется ряд существительных с суффиксом *-ар*, по своей семантике не соотносящихся с парными предметами или их множеством, складывающемся в одно целое. В этом случае имеем дело с историческим деривационным суффиксом, семантически не связанным с множеством предметов, а лишь формально совпавшим с суффиксом множественного числа» [Сулейманов 1981: 104].

Сюда относятся такие слова как аг. *тIаб* «мышеловка» → *табар* «капкан, ловушка»; «деревянный замок» (ср. лезг. *тIаб* «деревянный засов» → *тIапIар* «замок»); лезг. *тIаг* (гюн.) «ниша в стене» → *дакIар* «окно» и др.

Не обошел вниманием имена существительные, оформленные двойным суффиксом *-ар,* и Р.И. Гайдаров. Он различает в дублетных суффиксах такие, которые выполняют только функцию множественности и, которые выполняют лексико-семантическую функцию. В этой связи он пишет: «флексия множественного числа может прибавляться двукратно: *рак* «дверь» *– ракI-ар – ракIар-ар; мяс* «сапог» *– мяс-ер-мясер-ар; дакI* «окошко» *– дакI-ар-дакIар-ар.*

В ряде случаев наслоение двойных флексий мн. ч. носит лексико-семантическую нагрузку. Например: *дакI* – «окошко»; «ниша»; *дакI-ар* «окно», *дакIар-ар* «окна» [Гайдаров 1985 : 82].

И далее: «Следует, однако, отметить, что вторичные флексии множественности, как правило, имеют место в названиях предметов, которые состоят из двух частей, половинок или же из одинаковых элементов, таких как сани, двери, лестница, сапоги, уздечка и др. Однако это не обозначает, что появление подобных форм связано только с особенностями денотата» [Там же].

Суффикс -хъ-ан

Некоторые имена существительные образуются при помощи сложного суффикса *-хъ-ан.* Данный суффикс присоединяется к именам существительным единственного или множественного числа, а образованные таким способом субстантивы обозначают лиц по профессии или предметы украшения. Первый компонент *-хъ* сложного суффикса *-хъ-ан* является пространственной морфемой со значением «за», которая требует, чтобы производящая основа стояла в эргативном падеже: соб.-аг. *урчар* «телята» *урчар-и-хъ-ан* «пастух телят» (то есть тот, кто следит за телятами); *ваккар* «свиньи» → *ваккар-и-хъ-ан* «пастух свиней» (то есть тот, кто следит за свиньями); *ккелар* «ягнята» → *ккелар-и-хъ-ан* «пастух ягнят» (то есть тот, кто следит за ягнятами) кош. *маIрчч* «ягненок» → *маIрчч-ли-хъ-ан* «пастух ягнят»; обычно у таких

производных существительных производящая основа, от которых они образованы, стоят в форме множественного числа, но есть и случаи, когда они стоят в единственном числе: *хIуб* «овца» → *хIупп-е-хъ-ан* «пастух овец» (то есть тот, кто следит за овцами); *рагI* «мельница» —»*рагIу-хъ-ан* «мельник» (то есть тот, кто следит за мельницей); *рагъ* «солнце» → *рагъ-у-хъ-ан* «радуга»; *гIурч* «охота, дичь» → *гIурч хъан* «охотник».

По диалектам производные слова могут оформляться разными суффиксами, обычно здесь мене подвергается пространственный суффикс, ср. соб.-аг. *ибур* «ухо» → *ибур-и-хъ-ан* «серьга», но кош. *ивур* → *ивр-и-кк-ен* «то же».

Словообразовательный суффикс -*хъ-ан* восходит к общелезгинскому языку, на что указывает М.Е. Алексеев [см. 1985 : 10]. Это подтверждают такие примеры как таб. *рагъ 'ни-хъ-ан* «мельник», рут. *рухIу-хъ'-ан,* цах. *йохIа-хъ-ан* «то же» и др. ,

Наличие данного суффикса и в других дагестанских языках, например, в аварском [см. Жирков 1948: 27], позволяет расширить географию его распространения. «Сравнительный анализ показывает, что суффикс *хъан* может быть возведен к более древним эпохам, поскольку он бытует не только в других языках лезгинской группы, но и за ее пределами, - пишет В.М. Загиров [1986: 146].

Суффикс -гI-ан

В агульском языке имеется ряд суффиксальных образований на *-гI-ан,* последний присоединяется к именам существительным. Данный суффикс образует субстантивы различного содержания, которые передают различные недостатки в поведении человека – соб.-аг. *хIур* «село» → *хIур-а-гI-ан* «праздношатающийся, бродяга»; выражают социальное положение – *хал* «дом» → *хул-а-гI-ан* «домохозяйка»; обозначают хозяйственные строения – *тав* «гостиная» → *тав-ур-гI-ан* «дымоход»; названия одежды, применяемой при хозяйственных работах – кош. *мухур* «грудь» → *мухур-и-гI-ан* «передник, фартук, нагрудник»; названия, связанные с сельским хозяйством – *кIарчар* «рога» → *кIарчар-и-гI-ан* «повод, веревка надетая на рога запряженного рабочего скота» и др. Формант ***гI*** – показатель локальной семантики со значением «между, среди». По диалектам возможно в сложном суффиксе и варьирование показателя локальной семантики, ср. кош. *мухури-гI-ан* и соб.-аг. *мухур-гъ-ан* «фартук, передник, нагрудник»; кош. *кIарчари-гI-ан* и соб.-аг. *кIарчари-гъ-ан* «повод». Варьируются суффиксы близкие по своей семантике или не противоречащие по своему значению содержательной структуре деривата. Эти изменения могут выражаться и лексически, ср. соб.-аг. *хIура-гI-ан* «праздношатающийся, бродяга» и кош. с тем же значением *куча-бан* .

Суффикс –алай

Данный суффикс присоединяется к субстантивам и глагольным основам и не имеет широкого применения в агульском языке. В именном производном слове суффикс -*алай* выступает с уменьшительным значением, семантическая связь которого с производящей основой прозрачна, ср. соб.-аг. *чIакь* «глиняный горшок» →

чIакъ-алай «маленький глиняный горшочек». Не утрачивает семантической связи и субстантив, образованный от глагольной основы. При этом глагольная основа, перейдя в состав производного слова, теряет детерминативный суффикс *-ан,* ср. соб.-аг. *тIишан-ас* «мять» → *тIиш-алай* «размятая с солью крапива». В этом же ряду, очевидно, можно привести и аг. *ккукк-алай* «круглый пирог».

Суффикс -ач (-ич, -уч)

В агульском языке словообразовательный суффикс *-ач (-ич, -уч)* носит исключительно экспрессивный характер: имена существительные с данным суффиксом выступают только с отрицательной коннотацией. Они образуются от субстантивов, прилагательных, глаголов и обозначают людей с различными недостатками во внешнем облике или в характере: кош. *йарх- ед* «длинный» → *йарх-уч* «верзила»; соб.-аг. *хумб-еф* «женщина» → *хумб-уч* «любитель женского общества»; *хъуьнтI* «сопля» → *хъьунтI-ич* «сопливый, сопляк»; *кьуркI* «парша» → *къуркI-ач* «паршивец»; *нетт* «вошь» → *нетт-ач* «вшивый»; *кIентIв* «губа» → *кIентIв-ач* «губастый»; *тIакъв-анас* «испачкаться» → *тIакъв-ач* «неряха»; къ*арт* «грубая необработанная **шерсть»** → *картач «неряха»; хъел* «злоба, гнев» → *хъел-ач* «капризный»; *IартIв* «тряпка», *IартIв-ач* «тряпичник»; *пIер* «глазной гной» → *пIер-ач* «грязнуля».

Суффикс -кк-ан/-кк-ен

Круг лексем, который образуется при помощи деривационного суффикса *-кк-ан* относится к реалиям, имеющим бытовое назначение. Основообразующими словами являются субстантивы, которые стоят в эргативе.

Некоторые из производных слов обозначают предметы, представляющие собой определенные емкости: *гIан* «внутренность» → *гIана-кк-ен* «деревянный сосуд цилиндрической формы, применяемый для хранения сыпучих веществ, например соли»; *ттур* «ложка» → *тура-кк-ан/ ттураккен* «сосуд для хранения ложек»; *кь ел* «соль» → *кь ела-кк-ен /кьелакк-ен* «сосуд для хранения соли». Впрочем, производящей основой для производного *гIанаккан* может служить и обособившаяся форма местного падежа *гIанакк'* «деревянный подойник с носиком, куда чабаны доят овец», что лишний раз подтверждает выдвигавшийся ранее в литературе тезис о вероятном сложном характере некоторых суффиксов с компонентом, предшествующим суффиксу *-ан*, в первую очередь, *-хъ-ан* [см. Жирков 1948; Гайдаров 1966]. Сюда же относятся и дериваты типа *фурди-кк-ен* «свалка для навоза, мусора» [ср. *фурд* «навоз»].

Другие производные представляют собой различные термины, относящиеся к производственной деятельности, кулинарии и мифологии: *Iаб* «колыбель» →I*абала-кк ен* «продолговатый хлебец, который дают в руку грудным детям» кош. *мукъ* «место» → *мукьу-кк-ен* «стул местного производства»; *тIу (гекх)* «палец» → *тIуву-кк-ен* «горизонтальная перекладина ткацкого станка»; соб.-аг. *гъвад* «потолок» → *гъвади-кк-ен* «домовой».

Суффикс –ай

Деривационный суффикс -*ай* является наиболее продуктивным в агульском языке. Путем присоединения данного суффикса к субстантивам образуются имена существительные с различными оценочными характеристиками: *кIватт* «мерка зерна или муки» *кIватт-ай* «полный человек низкого роста» (ср. русское «колобок») в этом ряду стоит и соб.-аг. *раттакк-ай* «нищий» и др. Оценочный и экспрессивный характер имеют и имена существительные, образованные при помощи суффикса -*ай* от адъективных о снов, ср. *Iатт-еф* «хромой» → *Iатт-ай* «хромоногий» (с уничижительным оттенком); кош. *кьудж-ай* «круглый пирог». С указанным суффиксом в гехюнском диалекте выступают существительные *шебетI-ай* «неряха», *йаргъид-ай* «верзила» [см. Тарланов 1994].

От глагольной основы посредством вербального суффикса -*ай* образуются следующие субстантивы: соб.-аг. *рич-ас* «блестеть» → *рич-ай* «блеск»; *гIаруц-ас* «бродить (между кем, чем-либо)» → *гIаруц-ай* «бездельник, уличный зевака». В кошанском диалекте слово выступает в несколько ином значении – «нищий». Производящая основа у ряда имен существительных, образованных от глаголов, могут быть представлены в других лезгинских языках, например: лезг. *кутт-ун* (гюн.), *ккутт-ун* (ахт.) «подложить» → аг. *кут-ай, гут-ай* (кош.) «подушка» (то, что подкладывается); лезг. *кIам-укъун* «не хватать, не доставать» → аг. *кIам-ай.*

Аффикс -*ай* является омонимичным: во многих именах существительных в историческом прошлом он выполнял функцию звательного падежа. Его следы можно обнаружить в некоторых агульских словах, ср. соб.-аг. *чи* «сестра», *ччичч-ай* «обращение к матери или к старшей сестре» кер. *бав* «мать», *був-ай* «обращение к матери». Следы вокатива сохранились и в некоторых других лезгинских языках, ср. рут. *нин* «мать», *нин-ай* «обращение к матери».

В лезгинском языке следы звательного падежа сохранились в кубинском наречии и некоторых говорах яркинского диалекта, ср. куб. *тха* «дядя», *тх-ай* «обращение к дяде»; ярк. *дах «отец,* старший брат, дядя (вообще)», *дах-л- ай* «обращение к отцу, старшему брату, дяде» [см. Мейланова 1987 : 149- 150].

В цахурском языке, как указывает Г.Х. Ибрагимов, суффикс -*ай* образует «термины родства и уважительного (почтительного) обращения к старшим: *дид-ей* «дедушка», *дикк-ий* «папа», *ад-ий* «бабушка», *абатт-ей* «свекор», «почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине». [1990 : 82].

Словообразовательный суффикс -*ай* принимает широкое участие в образовании названий мастей коров и лошадей: в данном случае производящими словами выступают имена прилагательные, ср. *кIар-еф* «черный» → *кIар-ай* «корова черной масти»; *ир-еф* «красный» → *ир-ай* «корова красной масти» *IурчI-еф* «пестрый» → *IурчI-ай* «корова пестрой масти»; *чулл-еф* «синий, серый» → *чул-ай* «лошадь серой масти».

Образование личных имен

В словообразовательном плане большой интерес представляют личные имена агулов. Наряду с заимствованными именами из тюркских, арабского и персидского языков в агульском языке сохранились личные имена, относящиеся к исконному фонду имятворчества. Образование личных имен является неотъемлемой частью словообразовательного процесса, которая входит в общий словообразовательный корпус агульского языка. А.Г. Гафуров пишет: «Имена людей, антропонимы – это прежде всего слова, и, как все слова, они подчиняются законам лингвистики. Но антропонимы образуют в языке совершенно особый слой слов, в котором возникают свои закономерности» [1987 : 3].

Антропонимы агульского языка помимо чисто лингвистической играют и историко-этнографическую роль, отражая различные стороны материально-хозяйственного уклада данного народа, их быта, верований. Наиболее архаичными своими чертами в этом смысле отличаются женские имена.

Среди способов образования личных имен самым продуктивным является суффиксальный способ. Многие личные имена образуются из одной и той же мотивирующей основы посредством различных суффиксов. Большое количество личных имен образуется при помощи суффикса *-ай.* При этом данный суффикс образует как мужские имена, так и женские.

Мужские имена: Базай, Мазай, ХIуьсай, Бахай, Бигай, Булай, IЭбай, IЭлай.

Женские имена. *Багъай, Бададай, Баккинай, Балай, Керевай, Кисай, Матай, Тамай, ТIимай, Ушай, Хамисай, Хадиджай.*

Исторически аффикс -*ай* представлял собой форму звательного падежа, которая спорадически встречается в некоторых звательных формах, например *ччиччай* «обращение к матери или старшей сестре», *бувай* «обращение к матери» и др.

Суффикс -*ай* может осложниться различными оценочными аффиксами, такими как *-атI- (-утI-, -итI-): МазатIай, БатIатIай, ХIаватIай, КиситIай; -аз-: Маназай; -ач- (-уч-, -ич-): ФатIучай, ТIимачай, Къубачай, Ибичай; -ан- (-ин-): Мазанай, Базанай, Ибинай; -укI: ШагIбукIай, ХIусукIай; -ут-: ШагIбутай, Къубутай; -ал-: ШагIбалай, Шамалай [Сулейманов 1980: 51].*

Одним из способов образования антропонимов в агульском языке является эллипсис или редукция, ср. *Хадиджай – Хаджай; Тамамай – Тамай; ФатIимат — ФатIи; Байранкъиз – Бакъиз.* От последней, редуцированной основы при помощи суффикса -*ай* может образоваться новое имя *Бакъизай*. Некоторые антропонимы агульского языка образованы путем усечения конечной части: *Зайдуллагъ – Зайду; Насруллагь – Насру; ГIибадуллагъ – ГIибад; Зайнуллагъ – Зайну* и т.д.

В агульской антропонимической системе представлен способ сложения основ.

Один из приемов образования личных имен в агульском языке основан на том, что один из компонентов сложных антропонимов является постоянным, а второй – переменным. При этом переменный компонент может как предшествовать, так и следовать за постоянным компонентом, например: *Къизбике, Къурбанкъиз; ХIаджипирдам, ХIаджираджаб, ХIаджишабан, ХIаджирамазан, ХIаджимахIамад, Исаъисакь* (во второй группе мужских имен начальный компонент является атрибутивным и исторически присоединялся к именам людей, которые совершали хадж).

Представлены и антропонимы, образованные на основе фонетического обособления личных имен агульского языка ср. *Гьарум* и *Гъарун; Рукьийат* и *Рукъижат; Сапижат* и *Сапийат; Црижат* и *Сарийат; Сафижат* и *Сафийат; Сурижат* и *Сурийат; Хатум* и *Хатун.*

Встречаются и личные имена, образованные метатезированным способом, ср. *Узайир* и *Узайри.*

Среди антропонимов небольшое место занимают имена, образованные посредством форманта *-и: АхIмед-и, МахIамед-и, Баз-и, Бадж-и* и др.

У агулов встречаются антропонимы, которые соотносятся с нарицательными именами. Среди них употребляются личные имена *Бав, ХIадад* и *ХIабаб,* что переводится как «мать», «дедушка» и «бабушка». Подобные личные имена встречаются и у других дагестанских народов. Так, у У.А. Мейлановой и Э.Я. Сафаралиевой мы читаем: «У многих народов, в том числе и у лезгин, детям принято давать имена умерших предков. Бездетность же считается величайшим несчастьем и потому, что некому будет передать свое имя**.** Детей часто нарекают именем деда или бабушки, отца, если он умер до рождения ребенка, но и в быту нередко называют из суеверных соображений просто *Буба* «отец», *Баджи* «сестра», *Гада* «мальчик», *Диде* «мать», *Баде* «бабушка» и т.д.» [1988: 294].

К названиям, относящимся к предкам, а также к слову *руш* «девушка» приставляются атрибутивные компоненты, характеризующие лицо, например: *Ачабав (ача* – аффикс со значением «вовнутрь»), *БатIарбаб (батIарф* – «красивая»), *БицIибаб (бицIиф* – «маленькая»), *БицIируш (бицIи* – «маленькая»), *Къарибав (къари* – «старуха»), *Багъадад (багьа* «дорогой»), *Таубаб (тау ← тав* «кунацкая») и др. Указанные слова – приставки проливают свет на уклад жизни агулов. Здесь мы имеем отголосок прошлого: они характеризуют социальное положение женщины в обществе. В данном случае налицо обычай, разрешающий мусульманской религией многоженство. Среди них различались женщины, которые вели внутренние домашние дела *(Ачабав);* любимая и потому красивая, хорошая *(БатIарбаб),* младшая в семье из жен (*БицIибаб);* самая старая из женщин (*Къарибав)*; женщина или жена, которая обслуживала гостей *(Таубаб).*

Атрибутивный компонент *бицIи* «маленький» может сочетаться с другими антропонимами: *БицIимазай, БицIирамазан* (мужские имена); *БицIиIашура, БицIиIашур* (женские имена). Этот же компонент присоединяется к звательной форме *ччиччай (чи* – «сестра»): *БицIиччиччай.* Или второй компонент присоединяется к личному имени, образуя новый антропоним: *ХIуриччай.*

Из двухкомпонентных сложных имен можно отметить женское личное имя *ЦIайеваз* (букв. «новая луна»), в котором находит отражение языческий культ. У многих народов лик девушки сравнивают с луной. Луна являет собой символ красоты.

Очень редки личные имена, состоящие из трех компонентов: *ХIабавруш (хIа* «большой» + *бав* «мать» + *руш* «девушка»).

Суффикс -вал (-вел).

При помощи данного суффикса образуется широкий круг имен существительных абстрактного значения. Словообразующей основой для указанных субстантивов служат имена существительные, прилагательные и причастия.

От имен существительных: соб.-аг. *хIалашуй* «гость» → *хIалашуй-вел* «гостеприимство; *дустт дустт-вел* «дружба»; *къурагъ* «засуха» → *къурагъ-вел* «засушливость»; *чу* «брат» → *чу-вел* «братство»; *чи* «сестра» → *чи-вел* «сестринство»; *инсан* «человек» → *инсан~вел* «человечность»; *шиниккв* «ребенок» → *шиникккв-вел* «ребячество» и др.

Отсубстантивные отвлеченные имена «могут быть образованы практически от всех основ, являющихся наименованиями видов деятельности, лиц по родству, по характерным признакам и т.д., ср. *гаван* «пастух» – *гаванвал* «пастушничание», *къараваш* «слуга» – *къаравашвал* «прислужничание», *меълим* «учитель» – *меълимвал* «учительствование». Инвариантная сема всех подобных слов может быть обозначена как «деятельность» [см. Тарланов 1994: 91].

От прилагательных: *джагвар-ф* «белый» → *джагвар-вел* «белизна»; *идже-ф* «хороший» → *идже-вел* «доброта»; *куче-ф* «горячий» → *куче-вел* «горячесть»; *мучIе-ф* «темный» → *мучIе-вел* «темнота»; *илле-ф* «мужской» → *илле-вел* «мужество»; *цIуре-ф* «ветхий» → *цIуре-вел* «ветхость»; *багун-ф* «родственный» → *багун-вел* «родство»; *гашин-ф* «голодный» → *гашин-вел* «голодность»; *бицIи-ф* «маленький» → *бицIи-вел* «малость»; *финдигар* «хитрый» → *финдигарвел* «хитрость».

От причастий: *цIакуф* «кривой» → *цIаку-вел* «кривизна»; *ацIу-ф* «наполненный», «сытый» → *ацIу-вел* «наполненность», «сытость»; *хуру-ф* «ученый, образованный» → *хуру-вел* «ученость, образованность»; *утIу-ф* «гнилой» → *утIу-еел* «гнилость»; *ушу-ф* «ушедший» → *ушу-вел* «уход»; *IутIу-ф* «съевший» → *IутIу-вел* «съедание» и др.

Суффикс -б

От глагольной основы совершенного вида при помощи суффикса -б образуется отглагольное имя действия или масдар: *акьу-на* «сделав» → *акьу-б* «делание»; *кIи-на* «умерев» → *кIи-б* «умирание»; *джикIи-на* «найдя» → *джикIи-б* «нахождение»; *уху-на* «выпив» *уху-б* «выпивание»; *ликIи-на* «написав» → *ликIи-б* «написание»; кош. *хи-с* «идти» → *ху-б* «походка». Очевидно, в кошанском *хуб* получен цз *хиб* (результат влияния губно-губного -*б* на гласный) и др.

Сравнивая масдарные формы с предыдущими формами отвлеченных существительных, З.К. Тарланов замечает, что «масдарные формы сохраняют семантическую конкретность производящей основы, в то время, как дериваты *-вал* семантически абстрактны и представляют действия и признаки как «определенные» состояния. Кроме того полученные формы осознаются как хронологически расширенные, ориентированные на длительность, а первые – как локализованные во времени, хронологически непротяженные» [1994 : 91].

Многие субстантивные словообразовательные суффиксы в агульском языке представляют собой класс малопродуктивных аффиксов.

Суффикс -акI

При помощи суффикса *-акI* образуется незначительное количество слов от имен существительных. Образованные таким способом дериваты являются словами культурного круга, ср. *чIичI* «ботва» → *чIичI-акI* «лук»; соб. аг *тIаб* «пень, чурбан, кряж» → *тIаб-акI* «деревянный поднос». В гехюнском диалекте производное слово выступает с несколько иным значением, ср. *тIав* «чурбан, кряж, пень» → *тIав-акI* «медная тарелка».

Суффикс –рикI

Ограниченное количество имен существительных в агульском языке образуется от глаголов при помощи деривационного суффикса *-рикI.* В словах, образованных данным суффиксом семантическая связь с словообразующими основами прозрачна, а сами производные являются названиями лиц, которые обладают отрицательными характеристиками: соб.-аг. *Iэаш-ас* «плакать» → *Iэш-рикI* «плакса»; *хъад-икI-ен-ас* «украсть» → *хъатт-рикI* «вор». В глагольных основах с детерминативным суффиксом *-ен* при словообразовании, обычно, он выпадает. Во втором примере в словообразовательной основе выпал и слог *икI,* предшествующий детерминативному суффиксу.

Суффикс -гъ-ан

Сложный словообразовательный суффикс *-гъ-ан* условно членится на две составляющие части *гъ* и *ан,* так как первый из них в агульском языке отдельно не встречается в роли деривационного суффикса, а встречается в функции формообразующего форманта с локальным значением «перед» (*цал* «стена», эрг, *цил-и,* лок. *цили-гъ* «перед стеной»).

Примеры: соб.-аг. *ракк* «дверь» → *ракк-а-гъа-ан* «прополис»; *мухур* «грудь» → *мухур-и-гъ-ан* «передник», фартук»; кош. *йекк* «мясо» → *йекк-у-гъ-ан* «прыщ»; *кIарчар* «рога» → *кIарчар-и-гъ-ан* «повод» (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)».

Суффикс –ул

Незначительное количество субстантивных слов образуется от имен существительных и глаголов при помощи суффикса *-ул: тIуб* «палец» → *тIуб-ул* «кольцо»; *итIан-ас* «привязать» *итI-ул* «узел». Данный суффикс применяется и в других близкородственных языках, ср. лезг. *тIуб* «палец» → *тупI-ал* «кольцо»;

*суффикс **-агъ:*** соб.-аг.: *хал* «дом, комната» → *хул-агъ* «потолок» [Данный суффикс может осложниться компонентом *-ил* и такой (сложный) деривационный суффикс служит для образования нового слова, по своему значению близкого к данному кругу лексем, ср. *хулагъ*→ *хулагъ-ил* «крыша»]; суффикс *-ив:* соб. -аг.: *гъил* «рука» → *гъил-ив* «рукав» (кош. *хил хыл-ив*)*;*суффикс *-учI: тIуб* «палец» → *туб-учI* «веретено» (вариант данного суффикса встречается и в близкородственных языках, ср. лезг. *тIуб* «палец» → *тыпп-ычI* «веретено);

суффикс ***-рахI****: гучI* «страх» → *гучI-рахI* «трус»;

суффикс ***-атI*** *(-етI, -утI):* соб.-аг. *суьр* «звукоподражательное слово, имитирующее звук, который похож на свист» → *суьр-етI* «свирель» (кош. *швур* → *швур-утI);* гех. *ул* «глаз» → *ул-атI* «глазастый»; *хъуъхъ* «нос» → *хъуьхъ-етI* «курносый»;

суффикс ***-рак:*** кош. *кьацI-рак* «слепень» (*къацI айкIис* «кусать»), *хицI- рак* «слепень» (*хицI* «клещ»);

суффикс ***-араг****: руц-ас* «крутиться, вертеться» →*руц-араг* «волчок»;

суффикс ***-рахъил****: цIаб* «лист, ботва» → *цIаб-рахъил* «бабочка, мотылек».

К этим словообразовательным суффиксам агульского языка можно добавить еще несколько суффиксов, выделяемых З.К. Тарлановым. *-аттай: ракк -ас* «нищенствовать» → ракк-*аттай* «нищий»; ***-хур:*** *фун* «живот» → *фун-хур* «обжора»;

-ат*: кканчч* «клык» → *кканчч-ат* «клыкастый», «зубастый»; *хух* «храп» →*хух-ат* «храпун»;

-итI*: къарг* «обветшалая шкурка» → *къарг-итI* «оборванец» [Тарланов 1994: 92].

Значительное число деривационных суффиксов в агульском языке являются непродуктивными.

Заимствованные суффиксы

Определенное количество имен существительных образуется при помощи деривационных суффиксов, которые относятся к восточным заимствованиям. Среди них представлены словообразовательные суффиксы из тюркских языков. Широкое распространение имеет суффикс ***-чи.*** В агульском языке при помощи данного словообразовательного суффикса образуются имена существительные, обозначающие лиц по роду занятий. Производящей основой для таких дериватов служат субстантивы, ср. кош. *машин* «швейная машина» → *машин-чи* «портной» (в соб.-аг. диалекте данное наименование обозначается заимствованным словом *дерзичи); къуллугъ* «служба, работа, должность» → *къуллугъ-чи* «служащий»; *чIигъан* «гармонь» – *чIигъан-чи* «гармонист»; *фал* «гадание» → *фал-чи* «гадальщик»; *чакма* «туфля, ботинок; сапог» → *чакма-чи* «сапожник»; соб.-аг. *къала* «олово; полуда» → *къалай-чи* «лудильщик»; кош. *кьальи-чи* «лудильщик»; соб.-аг. *сунна* «зурна» (духовой музыкальный инструмент) → *сунна-чи* «зурнист тот, кто играет на зурне»; *файттун* «фаэтон» → *файттун-чи* «фаэтонщик»; *дамдам* «барабан» → *дамдам-чи* «барабанщик»; *футна* «клевета»; сплетня»; «кляуза; склока» → *футна-чи* «клеветник, сплетник, кляузник» и др.

Среди других тюркских суффиксов можно отметить ***суз****: хIайа* «совесть» → *хIайа-суз* «бессовестный»; *ламус* «честь, достоинство» → *ламус-суз* «бесчестный, не дорожащий своей честью»; *кеф* «состояние» → *кеф-суз* «больной, нездоровый», *Iэкъул* «ум» → I*экьул-суз* «неумный»; - ***лу****: гудж* «сила» → *гудж-лу* «сильный»; *баркал-лу* «благословенный»; *ь 'акьул-лу* «умный»; *къудрат-лу* «сильный».

Представлены деривационные суффиксы из персидского языка. Это:

-кар*: зулум-кар* «притеснитель, изверг»; *дегIви-кар* «агрессор»; *пиша-кар* «ремесленник»;

-дар*: замин-дар* «тот, кто берет поручительство»; *Iэмал-дар* «хитрец»; *заIиф-дар* «дистрофик»;

-ба*н: куьча-бан* «болтающийся по улицам, уличный зевака»; *нахир-бан* «пастух»;

-хана*: дафттар-хана* «библиотека»; *чай-хана* «чайная»; *хIежат-хана* «туалет» [Тарланов 1994 : 91-92];

-гар: фенди-гар «ловкач, трюкач, прощелыга»; *савда-гар* «купец, торговец» и др.

Деривационные суффиксы, заимствованные из персидского в дагестанские языки, рассматриваются в докторской диссертации И.И. Эфендиева. Они охватывают в основном лезгинские языки, но вместе с тем они наравне с ними в некоторых случаях прослеживаются и в центрально-дагестанских языках. Ср. лезг. *пеше-кар,* таб. *пише-кар,* уд. *пеше- кар,* лак. *пиша-кар* «специалист, ремесленник»; лезг. *темягъ-кар,* таб. *тямягъ-кар,* буд. *тIамагъ-кар,* лак. *тамахI-кар* «корыстолюбец, алчный человек, жадный человек»; лезг. *савда-гар,* таб. *севди-гар* «торговец, купец»; лезг., таб. *зар-гар* «золотых дел мастер»; лезг., таб. *фенди-гар* «хитрец, ловкач» [Эфендиев 2003: 42].

Словосложение

Способ сложения слов (основ) является одним из древних способов словообразования, на что указывалось в специальной литературе. «Основосложение, – например, пишет Р.И. Гайдаров, – надо полагать, один из древних типов словообразования в лезгинском языке» [см. 1966: 96]. Многие наименования, образованные путем словосложения, относятся к жизненно важным сторонам человеческой деятельности и охватывают наиболее древний слой лексики, касающейся родственных отношений, быта и материальной культуры, природных явлений и др.

З.К. Тарланов, касаясь лексики дагестанских языков и в частности агульского языка, также отмечает о ведущем месте данного способа словообразования. «В лексике дагестанских языков, в том числе и агульского, – пишет он, – немалую роль играют слова, полученные путем основосложения...» [Тарланов 1994 : 58]. К наиболее продуктивным моделям он относит сложение двух слов, которые относятся к одному и тому же понятийному полю *(хъуър-пур* «конские принадлежности», где *хъуър* – «ленчик», *пур* – «седло»; *кан-лек* «одежда–обувь»; *хурув-ликIив* «грамота, успехи в учении»; *ушуб-адиб* «общение»; *тIушубл-руцуб* «манеры», *ттур-гур, гъвар-гаджин* «пожитки»; *къари-къуджа* «все»; *хал-мал* «собственность»; *гаш-мекI* «нужда»; *кеф-хIал* «самочувствие» и др.; двусловные сочетания, в которых один из компонентов не имеет лексического значения, но по своему звучанию гармонирует с первым (ядерным) компонентом (*къаб-къафил* «скарб», где *къаб* «посуда», а *къафил* звукокомплекс без содержания; *гуни-муни* «еда», т.е. «хлеб» + *муни; ттур-мур* «что–по подобное ложке»). Далее автор пишет: «Таких образований в языке много, и сама модель подобного словосложения весьма активна. Общее значение, выражаемое ею, – это «что-нибудь подобное предмету, названному ядерным (базовым) словом».

Второй компонент сочетания способен присоединиться ко многим словам, с которыми он созвучен, его роль сугубо служебная, ср. *пул-мул, сул-мул, хул-мул, ку-мул* и т.д. Это – способ наименования неопределенных предметов, неопределенной номинации целого класса предметов. Таким образом, выражается семантика, которая близка к семантике, например, русского сочетания типа «ручка или что-нибудь пишущее». Кроме собственно семантической функции, рассматриваемые построения выполняют также модально–субъективную роль, реализуя оттенки неопределенности, приблизительности» [Тарланов 1994: 59].

С.Н. Гасанова выделяет слова, образованные редупликацией: «Среди слов, образованных таким способом, встречаются разные тематические группы слов: соматизмы, фитонимы, названия орудий труда и т.д.: *джар-джарай* «название одного отделов желудка человека и животных, состоящего из множества слоев», *ул-улай* «название внутреннего органа, поверхность которого представляет собой рисунок, напоминающий форму глаз», *бадбад* «гребешок петуха» (состоит из множества зазубрин»), *бак-бакьай* «мать и мачеха» (Гасанова 2012:31).

Слова-композиты как по своей форме, так и по содержанию представляют собой различные сложные образования. В одних сложных словах, части из которых они состоят, пишутся через дефис, в других – они слились, и нередко для восстановления исходного их облика требуется этимологический анализ.

Среди сложений представлено достаточное количество конструкций, у которых первый компонент является атрибутивным членом при имени существительном. Такие препозитивные члены дают качественную характеристику предмету, а вместе с именным компонентом образуют семантически единое понятие. Ударение у таких сложных слов стоит на одном месте (компоненте). К ним относятся наименования, которые выражают родственные отношения: соб.-аг. *хIабаб* «бабушка» (букв. «старшая / большая мать»), *хIадад* «дедушка» (букв. «старший / большой отец»). В керенском диалекте атрибутивный член заменяется синонимом *къабан* «старший(-ая)», который при слиянии с именным членом усекает конечный слог, ср. *къабав* «бабушка». В кошанском диалекте слово *хIа* заменяется другим атрибутивным словом *кьуссе* «старый»: *къуссебав* «бабушка» («старая» + «мать») *къуссебудай* «дедушка» («старый» + «отец»).

В этом ряду стоит и сложное образование *кIарантIур* «бородавка», где *кIареф* «черный» и *тIур* «прыщик».

Среди данных сложных слов встречаются единицы с метафорическим значением: кош. *иребав* «домовой», где оба компонента употребляются в переносном значении (*ире* «красный» + *бае* «мать»). Таким же переносным значением обладает и сложное слово, у которого атрибутивный член выражен причастием: *руха гаджин* «свисток, свистулька» (букв. «поющий кувшин»).

Определенное число сложных слов представляют собой образования, у которых оба члена выражены именем существительным в именительном падеже и соединены между собой сочинительной связью. Оба компонента играют одинаковую роль в образовании значения сложного слова; ср. *варнекI* «улей, сплетенный из прутьев и обмазанный глиной и навозом», где и *вар* «пчела», и *некI* «деревянная кадушка» одинаково влияют на формирование семантики составного наименования. В составе

данных сложных слов встречаются такие, у которых оба компонента синонимичны между собой, но при этом отдельно взятые они не представлены в самом агульском языке или если и представлены, то выступают с другим значением. Ср. соб.-аг. *ттаргъун* «надмогильный камень», где первый компонент *ттар (дар)* обозначает «лес», «засов» (лезг. *ттар* «дерево», «засов»), а второй компонент встречается в других дагестанских языках, ср. цез *гъун* «дерево». Такая затемненность основы сложения создает семантически неразложимое единство сочетающихся слов. Сложение, состоящее из имени существительного в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже, если и состоит из имен, которые в отдельности встречаются в агульском языке, образуют единое целое наименование, по своему значению отличающееся от его составляющих: соб.-аг. *тIурвакъ* «деревянный половник с короткой ручкой» [*тIур* (←*ттур*) «ложка» и *вакъ* «миска»].

Среди данных сложных слов имеют место и такие конструкции, которые состоят из двух близких по значению слов. Производное слово имеет близкое к производящим основам значение, ср. лезг. *фур* «яма» + аг., лезг. *тIун* «ясли, кормушка» → *фуртIун* «углубление под печью для выпечки хлеба, куда складывают выпеченный хлеб»; «ящик, куда из–под жернова сыплется мука».

У некоторых сложных слов складывающиеся части претерпели изменения. Это происходит у тех сложений, которые состоят из атрибутивного члена – имени существительного в родительном падеже и имени существительного в именительном падеже. Первый член, у такого сложения утрачивает показатель родительного падежа, ср. соб.-аг. *харалачак* «покрывало невесты», которое получено из *харайин лачак,* где *харайин* – род. п. от *харай* «парча» и *лачак* «маленький головной платок». Выпадение форманта родительного падежа вызвало слияние двух самостоятельных слов и семантическую спайку, вылившихся в отдельную самостоятельную номинацию.

Соединение слов *вартт* «вверх» и *кIил* «голова» дало сложное слово *варттĸIил* «склон, крутой подъем». У второго компонента *кIил* происходит семантическое опустошение, то есть, в этом сложении нет и намека на то, что бы указывало на часть человеческого тела (на голову). Это обстоятельство вызвало спайку двух слов: вместе с наречием *вартт* слово *кIил* создает семантическое целое – сложное слово обозначающее «склон, крутой подъем». Замена наречного слова *вартт* наречием с противоположным значением *ахтт* «вниз» образует сложное слово – антоним *ахттĸIил* «спуск».

Ряд сложений представляют собой конструкции, отдельные части которых подверглись частичной редукции или содержат в себе слово затемненного содержания. Так, например, в кошанском диалекте в сложном слове *гъаркIар* «плевел» значение первого компонента *гъар* неизвестно, а второй компонент является основой адъектива *кIаред* «черный». В связи с этим ср. соб.-аг. форму *кIареф,* употребляющуюся в значении «головня» – одного из видов грибка у хлебных злаков. Если учесть, что в восточно-лезгинских языках часто сложные слова образуются при помощи синонимичных или близких по значению слов [см. Сулейманов I997], то можно предположить о сходном значении компонента – слова *гъар* – со словом

кIар(еф) «головня». Ср. также кош. *гьерхаъл (← гъархаьл)* «плевел», где начальный компонент *гъер / гъар* – общий с *гъаркIар.*

В агульском языке представлены и такие сложные слова, в которых грамматические связи между компонентами непрозрачны. Это образования, состоящие из числительного и имени существительного: кош. *кьулахай* «близнец» *[къу(д)* «два» и *хай* «дееприч. несоверш. вида от глагола *хас* «рождаться»]; соб.-аг. *къуттрихъелар* «рогатка» (*къутт* «камешек» и *хъелар* «стрелы»).

В сложении, складывающееся из двух имен существительных в именительном падеже, второй компонент имеет переносное значение и в семантику сложного слова оба компонента вносят одинаковый вклад: *цIухур* «древесный уголек» *[цIу (←*цIа*) «огонь» + *хур* «горошина»].

В сложениях, состоящих из двух основ, имеются такие основы, у которых один из компонентов является именем существительным в именительном падеже, а другой – глагольная основа. Значение в таких сложных словах не вытекают из прямых значений их составляющих. Такие образования эмоционально окрашены, ср. кош. *уджкIур* «деревянная лопаточка, которой переворачивают хлеб в печи» (*уджас* «печь» и *кIур* «дерево»), соб.-аг. *къуруц,* кош. *къириц* «деревянная палка, загнутая на конце, для помешивания зерна в печи для выпечки хлеба» (*къур* «зерно» и *уцас* «жарить»). Идентичная структура («субстантив + глагол») представлена и в сложном слове *тIубруц* «вертушка» *(тIуб* «палец» и *руц-(ас)* «вертеть»).

Очень редко встречаются сложные слова, состоящие из трех компонентов. Среди них встречаются конструкции, образующиеся из имени существительного в именительном падеже, глагола и имени существительного в именительном падеже, где первый из них вместе с глаголом выступает в роли атрибутивного члена. Глагольный компонент подвергается сильной редукции, в результате которой от него сохраняется один лишь гласный: соб. *уджас*, аг. *кьарк але гIуб* «черепаха» (букв. «кору имеющая лягушка») → *къаркагIуб.*

В двухкомпонентных сложных словах, образованных от полнозначных субстантивов – от имени существительного в эргативе и имени существительного в именительном падеже – постпозитивное слово может играть роль аффикса: *гIалашуй* «гость» и *гIалахъир* «гостья», где *гIал* «гость» (ср. рич. *хIулар* «гости»). Второй компонент *шуй* «мужчина» и *хьир* «женщина» в данных конструкциях выступают в грамматической функции – для разграничения половой принадлежности. В соседнем с агульским табасаранском языке грамматикализация слов, обозначающих «мужчина» и «женщина» доведена до логического конца, где «дифференциация по полу в данных словах выражается всего лишь символами *-жв* и *-ш*, которые сохранились от слов *жви* «мужчина» и *шив* «женщина»: *халижв* «гость» и *халиш* «гостья» [см. Сулейманов 2000: 185].

Определенное место среди компонентов занимают парные слова, которые на письме пишутся через дефис. В отличие от предыдущих сложных слов, где ударение падает на один слог, в данных наименованиях ударение фиксируется на обоих компонентах. Парные слова охватывают различные сферы агульской лексики, относящейся к строительному делу, одежде, органам животных, утвари, родственным отношениям, атмосферным явлениям, абстрактным понятиям и др. Такие парные

наименования представляют собой семантически неделимые образования. Они складываются из самостоятельных слов, входящих в данный круг реалий, объединенных по семантическому принципу. Это такие названия как *гІанар-джанар* «внутренности (потроха, требуха)» [букв. «внутренности-души»], соб.-аг. *йиркІвар-лекІер* «внутренности» (букв. «сердца-печени»). В диалектах агульского языка это понятие может иметь и другие варианты, в которых один из компонентом заменяется словом, относящимся к данному кругу наименований, например, ср. кош. *хурдлар-ликІар* «внутренности» (букв. «легкие-печени»). Ср. также кош. *гІанар-кьулар* «желудок» (букв. «внутренности-крышки»); соб.-аг. *кІилар–тІурІэр* «голова и ноги зарезанного животного» (букв. «головы-ноги»).

Представлены парные наименования, у которых компоненты, как и у предыдущих наименований, выражены именем существительным в именительном падеже множественного числа. Обозначаемые ими названия представляют собой собирательные наименования типа кош. *къаъчар-къулар* «посуда» (букв. «керамические изделия-крышки»). В собственно агульском диалекте данное наименование обозначается предметами, которые объединяются общим понятием «посуда» – *къабар-ттурар* (букв. «посуды-ложки»). По диалектам здесь возможны и случаи метатезы, ср. кош. *ттурар-гъабар.* Эти конструкции «могут относиться к номинациям, объединенным на основе однородности предметов и вещей, а также объектов, образующих единство» [Сулейманов 2000: 184]: *кулакар-мекІер* «холод» (букв. «ветры-холода»), *кунар-лекар* «одежда–обувь», *ккане-дакканф* «необходимое» (букв. «нужное–ненужное»).

Многие парные наименования-композиты выражены именем существительным в именительном падеже единственного числа. Такие названия часто выражены синонимичными словами, ср. кош. *исв-мукъ* «фундамент» (букв. «место-место»), соб.-аг. *киф-хІал* «здоровье» (букв. «состояние, наслаждение-состояние»). Или компоненты, образующие композиты, представляют собой контекстуальные синонимы, ср**.** *хІакь-хІисаб* «расчет» (букв. «плата-счет, расчет»), *мал-девлет* «богатство» (букв. «скот-богатство»), *гаш-мекІ* «голод и холод».

Среди композитов встречаются и такие единицы, сумма частей которых составляет общее понятие: *дад-баб* «родители» (букв «отец-мать»). Здесь встречаются и такие композиты, у которых один из. компонентов представляет собой созвучное другому члену в паре бессмысленное слово, ср. *кьада-бала* «беда, бедствие» (букв. «бессмысленное слово–беда, напасть») *гъарай-вургъай* «крик, шум, сутолока» (букв. «крик-бессмысленное слово») и др.

Субстантивация

Среди способов словообразования агульского языка представлена и субстантивация. Субстантивация – один из видов транспонирования, при котором определенное слово или основа из одной части речи переводится в функцию имени существительного. При этом переход в существительные осуществляется без всякого материального приращения: способом словообразования в данном случае служит морфологическая парадигма. Слово переводится в парадигму с ее окончаниями, для

передачи функций существительного. «Употребление слова в новой синтаксической функции сопровождается не только его использованием в соответствующей синтаксической позиции, но и приобретением им нового морфологического показателя, свойственного классу слов, функции которого оно перенимает» [ЛЭС 1990: 235].

Субстантивация в агульском языке представлена не столь широко. Здесь представлено три вида субстантивации: а) переход причастий в имена существительные; б) переход прилагательных в имена существительные; в) переход именной части глагола в имена существительные. Имеет место и переход, основанный на вторичном переосмыслении, ср. *гиргенф* «круглый» → *гирген* «моток»; *гирген* «моток» → *гирген* «тряпичный мяч».

В агульском языке, как известно, прилагательные и причастия формально не различаются, но различие их заключается в семантике: первые – выражают процесс, действие, а вторые – признак и качество. Поэтому различаются и субстантивы, образованные от причастий и прилагательных. Если в отадъективных субстантивах переход имеет одноступенчатый характер *(музеттар* «мелкие» *музеттар* «мелочь, мелкота»), то в субстантивах, перешедших из причастий, они имеют двухступенчатый характер *(ух-ас* «пить» → *ух-аф* «питьевой, предназначенный для питья» → *ухаф* «напиток»).

У существительных, образованных от причастий, не всегда значение совпадает со значением последних. Значение у такого слова идентично или приближается к значению глагола (инфинитива), но не причастия, ср. *уг-ас* «сгореть» → *уг-уф* «сгоревший», но *угуф* «зуд». Последнее, хотя по своей форме и совпадает с причастием, но имеет совершенно иное значение. В данном случае имеет место развитие переносного значения у глагола *угас* «зудеть», которое передалось субстантивированному прилагательному «зуд».

В данной группе представлены производные, семантика которых не отошла от семантики производящих или эти различия в семантике незначительны: *хъиликI-ес* «околеть» → *хьиликI-еф* «околевший» →*хъиликIеф* «падаль»; *(ух-ас* «пить» → *ух-аф* «питьевой, предназначенный для питья» → *ухаф* «напиток», *гунагь кейаф* «грешный» → *гунагъ кейаф* «грешник». Значения производного и производящего могут значительно разойтись, то есть они не полностью совпадают. Однако значение производного мотивировано значением производящего и эта нить прослеживается, ср. *фац-анас* «держать, поймать» → *фац-уф* «пойманный, задержанный» → *фацуф* «пленник», *ацI-ас* «наполняться» → кош. *ацI-ад* «наполненный» → *ацIад* «колбаса местного производства», *уг-ас* «гореть» → *уг-аф* «горящий» → *угаф* «горючий материал, топливо», *хур-ас* «учиться» *хур-уф* «грамотный» → *хуруф* «ученый»; *хъаттхур-ас* «сплетничать, обсуждать (кого-либо)» → *хъаттхур-аф* «человек, который обсуждает кого-либо, сплетничает» → *хъаттхураф* «ханжа, лицемер».

Единичны случаи перехода именной части глагола в существительное: *гъурз-ар акьас* «ставить в вертикальное положение» (например, ружье у стены) → кош. *гъурз* «надмогильный камень».

Отадъективные субстантивы, образованные путем метафоризации, представляют собой единицы. В основе таких существительных лежит определенное качество или

признак, присущий премету: соб.-аг. *кьулкъунф* «горький» → *кьулкьун* «полынь», *кIареф* «черный» → *кIареф* «головня»; *музеттар* «мелкие» → *музеттар* «мелочь, мелкота», кош. *гъазер* «зеленый» → *гъазер* «съедобная трава», *джагваред* «белый» → *джагваред* «бязь», соб.-аг. *гиргенф* «круглый» → *гирген* «моток»; *гирген* «круглый» → *гирген* «тряпичный мяч».

Ограниченное число существительных получены способом субстантивации относительных прилагательных. Последние, в свою очередь, образованы от существительных, ср. соб.-аг. *хIур* «село» → *хIур-инф* «сельский» → *хIуринф* «сельчанин, земляк»; кош. *гъул* «село» → *гъуланед* «сельский» → *гъуланед* «земляк, сельчанин».

Семантические преобразования

Семантические преобразования являются самыми слабоизученными в сфере словообразования дагестанских языков. Не является исключением в этом отношении и словообразовательная система агульского языка. Отдельные семантические модификации рассматриваются в связи с фонетическими реконструкциями и этимологическими исследованиями [см. Трубецкой 1987; Гудава 1964; 1979; Лексика 1971; Гигинейшвили 1977; Алексеев, Загиров 1992 и др.], а также в лексических [Мусаев 1978] и диалектологических [см. Микаилов 1959; Гайдаров 1961; 1963 Мейланова 1964] работах при рассмотрении слов, которые в диалектах различаются по своему значению. Данный (семантический) аспект в словообразовании нашел отражение в работах Р.И. Гайдарова [1966: 134-146], Загирова [1987: 122-128], Н.Д. Сулейманова [2000: 175-80], где наряду с материалами других лезгинских языков, привлекается и агульский.

Многие слова в агульском языке имеют сходную форму при различении их значений, то есть они носят полисемантический характер. В основе этих сходств лежат различные семантические признаки.

Большая часть семантических преобразований строится на основе сходств объектов или на основе сходства выполняемой ими функций, ср. *гIуй* «бутень кавказский» – *гIуй* «картошка», *даги* «осел» – *даги* «колодка под осью арбы», *ул* «глаз» – *ул* «люк», *хил* «крыло» – *хил* «спица колеса», *хутI* «пупок» – *хутI* «жало (пчелы)» – *хутI* «краник (чайника, самовара)», *чамбур* «повод» – *чамбур* «подвязка для удержания чохты на голове», кош. *рев* «игла» – *рев* «вилка», *бармак* «папаха» – *бармак* «одуванчик», *бармакар* «земляника», *гиштта* «чижик, свинка» – *гиштта* «деревянная деталь в виде чижика, служащая для закрепления груза», *хур* «горошина» – *хур* «плевел», *хал* «дом, комната» – *хал* «послед», *рес* «палка» – *рес* «цепь (орудие для молотьбы хлеба), *рагI* «гребень» – *рагI* «чесалка», соб.- аг. *хибхел* «град» – *хибхел* «калина», *багв* «бок» – *багв* «косяк (дверной или оконный)», кош. *къвани* «короб» – *кьвани* «сундук».

Часть этой лексики может быть эмоционально окрашена, то есть отношения производности строятся на основе метафорического переноса значений, ср.*Iабкьун* «ряженый, шут» – *Iабкъун* «пугало», *муъул* «клюв» – *муъул* «козырек фуражки», кош. *чIире гулу* «дикая слива» – *чIире гулу* «чирей» и др.

Отмечая многозначность как одну из характерных черт, присущих лезгинским глаголам и именам существительным, Р.И. Гайдаров объясняет это тем, что «1) имена существительные и глаголы по сравнению с другими словами в большей степени и непосредственно подвержены семантическим изменениям в связи со всякого рода новшествам в производстве и духовной жизни людей; 2) благодаря лексико-грамматическому своеобразию, данные части речи обладают сравнительно большой лексической валентностью» [Гайдаров 1966: 135]. Это положение в равной степени относится и к агульскому языку.

Отношения производности, основанные на семантической модификации, настолько многообразны в языке, что часто трудно поддается описанию тот или иной признак или действие, которое лежит в основе многозначного слова, послужившие образованию семантического варианта. Так, к примеру, в основе кошанского полисемантического слова *гутай,* которое выступает со значениями: 1. «подушка» и 2. «подмост→ под арку» лежит концепт «нечто подкладываемое». В этой связи интересно отметить, что в лезгинском языке представлен глагол *ккуттун / гуттун / куттун* со значением «подкладывать» [например, *кIаник мутак куттун* «под низ (под себя) подложить подушку»], где общая основа *гутт- (← *гут~) / кутт-* с агульской (*гут-ай*) налицо.

Интересен случай семантической модификации, при котором развитие значения у слова основано на эвфемизме – на запрете называния жены – процессе, так широко распространенном в дагестанских языках. Ср. агульское *хъир* «женщина» → *хьир* «жена».

В основу образования ряда наименований положен определенный признак, который характерен для объектов, вступающих в отношения производности, например, кош. *мекI* «холод» /*мекI* «ревматизм, радикулит», т.е. болезнь как следствие холода. «Так, – пишет Н.Д. Сулейманов – корреляция значений «куцехвостый» (о животном) и «ложка с короткой ручкой» происходила на базе выделения признака ущербности, недостаточности чего–либо у объекта и на человеческую сферу родственных отношений. Этот признак переносится и на человеческую сферу родственных отношений. Данным словом – *бакьатI* – называют человека, у которого мало или вовсе нет родственников [2000:117].

Перенос значения от общего к частному. От целого к части предмета также имеет место в агульском языке, ср. кош. *машин* «швейная машина» → *машин* «нитка» или *хил* «крыло» → *хил* «перо».

Семантические отношения могут складываться и между объектами, один из которых в качестве семантического варианта выступает в агульском языке, в то время как исходное значение представлено в лезгинском, ср. лезг. *ттар* «дерево» →*ттар* «засов (для ворот)», аг. *дар* «то же».

Контаминация

Имеет место в агульском языке и контаминация. Так как данный способ словообразования связан с слиянием частей слов и при дальнейшей эволюции производного слова оно подвергается кардинальным изменениям. Ведущим к

затемнению внутренней формы слова. Поэтому выявление контаминированных форм затруднено. Ср соб.-аг. *къалпусак* «арбуз», «дыня», которое получено из *къалпус* (← *къарпуз*) «арбуз» + *халбасак* «арбуз», «дыня».

Фонетическое обособление

Явление, называемое в специальной литературе фонетическим обособлением, характеризуется тем, что фонетические варианты морфем служат семантической дифференциацией слов, близких по своему значению. На данное явление в лезгинском языке впервые обратил внимание проф. Р.И. Гайдаров [см. 1966]. «Это один из многих способов языковой экономии, когда язык стремится ограниченными средствами выразить многообразие объектов окружающей действительности» [Сулейманов 2000: 196].

В агульском языке фонетическое обособление не получило широкого распространения. Здесь дифференциация значений слов ограничивается тем, что она строится на основе различения согласных, ср. *ухъас* «сосать грудь» и *ухас* «пить»; *муджур* «борода» и *мучIур* «отвал – режущая часть плуга, которая переворачивает пласт земли»; *гъил* «рука» и *хил* «крыло».

Описательный способ

В словообразовательном корпусе агульского языка описательный способ занимает первое место. Это может свидетельствовать об ограниченности префиксального и суффиксального словообразования, и как следствие этого возместительная способность языка в виде описательного способа словообразования. Или это может свидетельствовать об аналитическом строе агульского языка.

Данный способ словообразования в специальной литературе также определяется как один из основных в агульском языке [см. Магометов 1970: 90]. Названия, образованные таким способом, охватывают широкий круг жизненно важных понятий. Это различные соматизмы (*къвакъван Iэгв* «голень», *ачIан уркI* «подмышка», *улин къарк* «веко», *мавун чарккв* «почка», *бицIи тIуб* «мизинец» и др.), номинации, которые обозначают различные недостатки в облике человека (кош. *тIелтIемар кейед* «рябой», *тIучIни хъуьхъер* «курносый», *цIакре илар айед* «косоглазый»), названия, обозначающие определенные характерные черты человека (соб.-аг. *даваттин гунтI* «забияка, задира»), номинации, относящиеся к растительному миру (соб.-аг. *хъибу цIаб але IуькI* «клевер», *къацI икIа медж* «крапива», кош. *чIар али машмаш* «персик»), номинации, которые обозначают продукты питания (кош. *рахIуйин тум* «закваска для теста», соб.-аг. *ацIу руд* «колбаса местного производства»), реалии, относящиеся к быту и хозяйству (кош. *рукъ акъацIеред* «совок», *цIила ашенед* «ящик для хранения ложек», соб.-аг. *цIа диркIа къецI* «щипцы для углей»), реалии, которые относятся к сельскому хозяйству (соб.-аг. *кIарчаригъ гIархьа тил* «повод», *Iурдикк акъуф* «пар, невспаханная земля»), реалии, относящиеся к строительству (соб.-аг. *хулагъин зуран* «карниз (крыши)» *па Iарин хал* «курятник», кош. *куман ул* «дымоход»), номинации, выражающие родственные отношения и,

связанные с свадебными обрядами (соб.-аг. *хьиджар дад* «тесть», *сусан баб* «женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха» и др.), наименования, которые относятся к фауне (кош. *вакъали гъ у* «черепаха», соб.-аг. *цIа ата милехьв* «светлячок» [см. Сулейманов 2000: 181–182] и др.

Среди описательных словообразовательных моделей агульского языка встречаются двухкомпонентные, трехкомпонентные и редко – четырехкомпонентные. Из 129 составных наименований доля двухкомпонентных словообразовательных моделей составляет 106 единиц трехкомпонентных – 21 и четырехкомпонентных – 2.

Двухкомпонентные модели

В двухкомпонентных описательных моделях по своему составу на первом месте стоит структура «имя существительное в родительном падеже + имя существительное в именительном падеже». В данных структурах имеет место лексическое варьирование как первого, так и второго компонентов. Семантическая слитность компонентов, образующих наименования данной структуры может быть различной.

1. Ряд наименований здесь образуется с постоянным компонентом *чарккв*, который в агульском имеет два значения «птенец» и детеныш» и занимает конечную позицию: *хIучан чарккв* «волчонок (букв. «волка детеныщ»), *багнишин чарккв* «медвежонок» (букв. «медведя детёныш»), *паIалан чарккв* «цыпленок» (букв. «курицы детёныш»), *улусумдин чарккв* «птенец горной индейки» (букв «горной индейки детеныш"), *къазалан чарккв* «гусёнок» (букв. «гуся птенец») и др. Подобные составные наименования, которые Н.М. Шанский именует фразеологическими выражениями, имеют номинативный характер «Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно другим словам, выполняют в языке номинативную (т.е. назывную функцию) [см. Шанский 1972:204]. В указанных составных наименованиях замена компонентов или слов синонимичными словами, как для слов со связанным значением в фразеологических сочетаниях, невозможна [Шанский 1962:203].

Парадигматическая связанность таких наименований 2заключается не в характере или степени прикрепленности к определенному парадигматическому ряду, а в том, что они вообще остаются на уровне лексических отношений. На уровне лексической парадигматики. Этим и определяется их «эквивалентность слову» – замечает Д.Н.Шмелев [см. 1977:312].

Данная структура «имя существительное в родительном падеже ед.ч. + имя существительное в именительном падеже ед.ч.» реализуется и в идиомах агульского языка, представляющих собой единственные номинации определенных реалий. У таких дериватов семантическая целостность общего значения создается за счет семантической неразложимости компонентов, входящих в их состав [Сулейманов 1986: 4]. Составные наименования данной структуры в агульском языке единичны, ср. *мавун чарккв* «почка» (букв. «жира птенец, детеныш»). У данного типа идиом неразложимое, слитное значение образуется на основе необычной сочетаемости компонентов. Они не имеют соответствующих эквивалентов среди свободных

словосочетаний, а если имеют, то значения составных наименований совершенно не вытекает из прямых значений свободных словосочетаний, то есть из значений компонентов (в данном случае из *мавун* и *чарккв).*

2. Другая группа со структурой «имя существительное в родительном падеже ед. ч. + имя существительное в именительном падеже ед. ч.» выступает с общим словом *кIур* «дерево, саженец», которая образует названия фруктовых и нефруктовых деревьев. Словом *кIур* в агульском языке обозначается не только «дерево (растущее)», но и «дерево (материал)».

В агульском языке название определенного дерева передается словосочетанием, где первое слово в форме родительного падежа единственного числа (атрибутивное слово) передает название плода или вида дерева, а второе слово в форме именительного падежа единственного числа обозначает дерево: *хутун кIур* «сливовое дерево», *машмашин кIур* «абрикосовое дерево», *хIачун кIур* «яблоня», *джихерин кIур* «грушевое дерево», *гъибгъерин кIур* «рябиновое дерево», *джимилин кIур* «кизиловое дерево», *кидикин кIур* «дерево мушмулы» и др. Аналогичная картина представлена и в других дагестанских языках. А.Е. Кибрик пишет, что в дагестанских языках «Названия деревьев (...) в некоторых языках обозначает класс и не имеют простого обозначения для одного дерева данного вида» [Кибрик 1985: 18]. Степень семантической спайки в таких наименованиях может быть различной. Если в вышеуказанных словосочетаниях слова не ограничены в своем свободном употреблении, то этого нельзя сказать в отношении составного наименования *суван кIур* «береза» (букв. «горы или горное дерево»). Здесь слово *кIур* имеет, связанное значение, а само сочетание *суван кIур* по степени спаянности составляющих его компонентов представляет собой фразеологическое сочетание. В отличие от составных наименований *хIачун кIур* «яблоня», *машмашин кIур* «абрикосовое дерево» и др. в наименовании *суван кIур возможна* замена атрибутивного компонента, ср. *даран / ХIадарн кIур* «береза» (букв. «леса (название урочища) дерево»).

Возможность замены постоянного компонента *кIур* «дерево, саженец» при постоянном атрибутивном слове другими, такими как *вец* «бык», *кьун* «козел» образуется другой ряд составных наименований, обозначающих животных: *суван вец* «горный бык», *суван кьун* «горный козел».

С заменой переменного слова при постоянном компоненте *кIур* в составном наименовании может происходить семантическое усечение, что делает связь между компонентами непроницаемой, а потому семантически более устойчивой. Ср. соб.-аг. *хайатIин кIур* «катушка для ниток», где двусловное сочетание получено из *хайатI але кIур – хайатI-ин кIур.*

3. Данная модель образует ряд составных наименований, характеризующих род занятий человека. В таких номинациях первый атрибутивный член обозначает материал, с которым имеет дело работник или ремесленник, а второй постоянный член обозначает «мастер»: *гъвандин устта* «каменщик» (букв. «камня мастер»), *кIуранин устта* «плотник, столяр» (букв. «дерева мастер»), *рукъан устта* «кузнец» (букв. «железа мастер»), *ифан устта* «медник» (букв. «меди мастер»). По степени

спаянности компонентов, образующих единое понятие, данные составные наименования можно характеризовать как фразеологические выражения.

4. В агульском языке представлена группа составных наименований, в которых постоянный компонент представляет собой слово (*къул)* с переносными значениями «крышка», «обложка», а переменный – атрибутивное слово. Прямое значение постоянного компонента *къул,* «доска» отходит на задний план, ср. *китабин къул* «обложка» (букв. «книги (род. п.) доска»). Данное составное наименование примечательно тем, что свидетельствует об обложке, которое в прошлом состояло из доски. В этой связи ср. русский фразеологизм *прочитал от доски до доски* (книгу), где присутствует мотивировка, указывающая на материал, из которого состоит обложка. Ср. также агульские наименования *хIуйагин къул* «крышка кастрюли», *бадрайин къул* «крышка ведра», где постоянный компонент также имеет переносное значение – «крышка». (В отдельных агульских селениях еще сравнительно недавно можно было встретить деревянные крышки кастрюли). По степени спаянности компонентов, данные составные наименования – *китабин къул, хIуйагин къул, бадрайин къул* – относятся к фразеологическим сочетаниям, так как один из компонентов *(къул)* имеет переносное значение.

Еще более спаянный характер в агульском языке носят компоненты таких составных наименований как *хъуьссуйин къул* «щека» (букв. «лица или лицевая крышка»), *абанкъул* «лоб» (букв. «значение слова неизвестно + крышка»). У первого наименования возможна лексическая замена атрибутивного слова: *хъьуссуйин / суратин къул.* Эти наименования представляют собой фразеологические единства.

5. Если в предыдущих группах в составных наименованиях указанной модели переменным компонентом является атрибутивный (сущ. в род. п.) член, то в данную группу входят названия, у которых атрибутивный член является общим. Эти составные наименования обозначают родственные отношения: *шуван чу* «деверь» (букв. «мужа брат»), *шуван чи* «золовка», *хьиран чу* «шурин» (букв. «жены брат»), *хъиран чи* «свояченица» (букв. «жены сестра») и др. По своей семантической спаянности компонентов внутри словосочетания они образуют фразеологические выражения, в которых семантическое единство достигается ограниченностью сочетающихся компонентов. Круг слов сочетающихся с атрибутивным словом не выходит за рамки слов, обозначающих кровное родство («брат», «сестра»).

6. К предыдущей группе примыкает и составное наименование *дадарин дадар* «предки» (букв. «отцов отцы»). В отличие от предыдущей группы здесь семантическая спайка компонентов более высокая и сама структурная единица может характеризоваться как фразеологическое единство. Именно сочетание атрибутивного слова со словом *дадар* «отцы» – существительное в родительном падеже множественного числа + существительное в именительном падеже множественного числа» – дает общее понятие «предки». Ср. сочетание *бабарин бабар* «матерей матери», которое не складывается в единое целое понятие.

7. И, наконец, представлена группа атрибутивных составных наименований, в которых также, как и в предыдущих двух группах, атрибутивный член является постоянным, например: *галун хIуни* «жук» (букв. «равнины корова»), *галун хур* «боб» (букв. «равнины горох»). Степень спаянности компонентов здесь различна. В первом

наименовании значение не вытекает из составляющих его компонентов «кутан» и «корова» и потому само сочетание может быть охарактеризовано как фразеологическое сращение. Семантическая структура второго составного наименования более прозрачна. Здесь слово «горох» или «боб» имеет связанное значение. То, что боб в агульском языке характеризуется как «горох из равнины», свидетельствует о том, что он был завезен из плоскостных районов.

Сюда же относятся семантические названия – составные наименования, у которых при постоянном атрибутивном члене находятся компоненты со связанным значением, ср. *улин къарк* «веко» (букв. «глаза кожура»), *улин гавгъар* «зрачок» (букв. «глаза жемчуг»).

Большое количество двухкомпонентных составных наименований, не образующих серий подобно вышеуказанным группам, представляют собой фразеологические единицы с различной степенью устойчивости. Сюда входят материалы различных диалектов. Здесь представлены как эмоционально окрашенные единицы типа *къуркъан кулагъ* «кадык, адамово яблоко» (букв. «горла серьга»), *йирхIунин цаб* «подорожник» (букв. «раны лист». «Агульцы, чтобы рана заживала быстро, прикладывают к ней лист подорожника»), *кьвакъван Iэгв* «голень» (букв. «колена зеркало»), *сивин гъвад* «нёбо» (букв. «рта потолок») – собственно-агульский диалект; *авин рувар* «наметка, стежок» (букв. «дяди иглы»), *джакъвран цуц* «ячмень на глазу» (букв. «воробья зад»), *лекрин кIуртIум* «икра ноги» (букв. «ноги почка»), *куман ул* «дымоход» (букв. «дыма глаз») – кошанский диалект, имеют место так и стилистически неокрашенные единицы: *сусан баб* «женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха» (букв. «невесты мать»), *паIарин хал* «курятник» (букв. «кур дом»), *зибзарин муг* «муравейник» (букв. «муравьев гнездо»), *хъэхъуьран багв* «ноздря» (букв. «носа сторона») – собственно-агульский диалект и др.

Значительное место среди двухкомпонентных составных наименований занимают названия со структурой «адъектив + имя существительное в именительном падеже единственном числе». Здесь представлены различные группы наименований со значением некровного родства, национальной принадлежности, пола животных и др.

1. Данную группу образуют составные наименования некровного родства. В них при адъективе *хьиджар* (значение неизвестно) переменными членами выступают имена существительные *дад* «отец» и *баб* «мать». Вместе они образуют названия со значением «тесть» (*хъиджар дад)* и «теща» *(хъиджар баб).* Другая корреляционная пара «отчим» – «мачеха» образуется от неизменяемого члена – адъектива *дахе* «неродной» при помощи тех же имен существительных: *дахе дад* «отчим», *дахе баб* «мачеха».

2. Названия лиц определенной национальности в агульском языке образуются от этнонимической основы, выраженной адъективом, при помощи слов *шуй* «мужчина», *хъир* «женщина», например: *йаркка туй* «лезгин» (*йарккар* – этническое название «лезгин», бытующее среди народов лезгинской группы), *йаркка хъир* «лезгинка», *йахул шуй* «лакец» (*йахулар* – название лакцев, имеющее хождение среди народов лезгинской группы) *йахул хъир* «лачка» и др.

Аналогично образуются и названия лиц из определенного населенного пункта. «Для обозначения лиц по их происхождению из того или иного населенного пункта к названию населенного пункта, – пишет А.А. Магометов, – присоединяется слово *шуй (хъуъй, швуй)* «мужчина». Если речь идет о женщине, то вместо *шуй* «мужчина» употребляется слово *хъир* «женщина» [Магометов 1970: 89]. Примеры: *гъудгъул шуй* «хутхулец» («житель селения Хутхул»), *гъудгъул хъир* «хутхулка» («жительница селения Хутхул»), *буршагъ шуй* «буршагец», *буршагъ хъир* «буршагка», *чIаъ шуй* «ричинец», *чIаъ хъир* «ричинка» и др.

3. Названия мужских и женских особей животных и птиц образуются от общего названия вида при помощи атрибутивных слов, выражающих пол: *илле даги* «осел – самец» (букв. «мужской осел»), *хумбе даги* «ослица» (букв. «женский осел»), *илле багниш* «медведь-самец» (букв. «мужской медведь») *хумбе багниш* «медведица» (букв. «женский медведь»), *илле урдаг* «селезень» (букв. «мужская утка»), *хумбе урдаг* «утка – самка» (букв. «женская утка») и др.

Многие составные наименования не входят в словообразовательные серии с общими компонентами для ряда наименований. Они представляют собой названия, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности человека: окружающему миру, предметам домашнего обихода и продуктам питания, растительности, к характеристике человека по внешним признакам и т.д. Большинство из них являются устойчивыми словосочетаниями и обладают эмоциональной окрашенностью.

Примеры: *цIайе ваз* «новолуние» (букв. «новая луна»), *бакку ру* (кош.) «булавка» (букв. «бакинская иголка»), *даваттин гунтI* «задира, забияка», *кIилле ус* «мелководье, брод» (букв. «тонкое место»), *ацIу руд* «колбаса местного производства» (букв. «наполненная, начиненная кишка»), *Iьурус кьутIур* «подсолнух» (букв. «русский пирог»), *Iаджеттарин хал* «кладовая», *куче муссу* «каша из толокна с маслом» (букв. «горячее толокно»), *тIучIни хъуьхъер* (кош.) «курносый» (букв. «помятый нос»), *фуре гуни* «толстый круглый хлеб», *чIире хут* «терн» (букв. «дикая слива»), *чуьлле некъв* «глина для побелки» (букв. «синяя глина») и др.

Определенное число составных наименований образуют структуру «имя существительное в именительном падеже единственного числа + имя существительное в именительном падеже единственного числа». Препозитивный компонент таких номинаций выступает в роли атрибутивного члена, ср. соб.-аг. *хазина хал* «кладовая» (*хазина* «казна, богатство» + *хал* «комната»), *кIачIалай тIуб* «мизинец» (*кIачIалай* – значение неизвестно + *тIуб* «палец»), *бурма кьэцI* «тиски» (*бурма* «кудрявый + *къэцI* «клещи»), *къазан сагIбун* «хозяйственное мыло» *(къазан* «казанское» + *сагIбун* «мыло»). Возможно, первоначально мыло завозили из Казани). В кошанском диалекте начальное слово *къазан* заменяется словом *хIалаварин* «одежное»: *хIалаварин сагIбун.*

Очень интересным способом образуется составное наименование, обозначающее «кот», в хпюкском говоре. В отличие от других диалектов и говоров агульского языка (где слово *къурмев* «кот» неясного происхождения, а также в составном наименовании *гIуйе гет* и слово *гIуйе* темного происхождения), в хпюкском говоре

аналитическая конструкция *укьар китан* состоит из «баран + кошка». Все животные мужской особи, как правило, обозначаются словом *илле* «мужской, самец».

Небольшое место среди двухкомпонентных составных наименований занимают номинации структуры «имя существительное в именительном падеже + причастие»: кош. *цIилаъашенед* «ящик для хранения ложек» (*цIила* «ложка» + *ашенед* «вкладываемый»), *руькъ акъацIеред* «совок» (*руькъ* «зола» + *акъацIаред* «выгребающий»), соб.-аг. *улар цIакуф* «косой (*улар* «глаза» + *цIакуф* «кривой»).

Незначительна и доля составных наименований структуры «имя существительное в местном падеже + причастие» в составе двухкомпонентных названий: соб.-аг. *рушахъ ахъавереф* «женщина, сопровождающая невесту в дом жениха» (*рушахъ* «за девушкой» + *ахъавереф* «идущий вслед»), *Iурдикк акьуф* «пар – оставленная на отдых земля» (*Iурдикк* «под зиму» + *акьуф* «сделанный»), *чибхарас хеттар* «троюродный брат, троюродная сестра» (*чибхарас* «двоюродному брату, двоюродной сестре» + *хеттар* «родившиеся»), кош. *урчарихъ хъайед* «пастух телят» (*урчарихъ* «за телятами» + *хъайед* «находящийся»).

Единичны составные наименования, образующие модель «деепричастие + существительное в именительном падеже». В кошанском диалекте «грабли» называются *чIахари къуьй,* что значит «тащущие вилы». Такой способ образования новых наименований на основе имеющихся путем присоединения атрибутивных слов, выделяющих характерные признаки реалий, является особенностью агульского языка.

Трехкомпонентные модели

Трехкомпонентные модели образуют составные наименования, которые относятся к ограниченному кругу реалий, связанных с бытом и хозяйственным укладом агулов, а также с некоторыми названиями фауны и флоры и др.

Среди трехкомпонентных моделей наибольшее число падает на структуру «существительное в именительном падеже + причастие + существительное в именительном падеже». Здесь представлены наименования с различной степенью спаянности компонентов – от свободных словосочетаний (где общее значение складывается из суммы слов, образующих наименование) до метафорических образований с ярко выраженной экспрессией.

Представлена группа составных наименований с опорным компонентом, обозначающим *кьэц.I* «щипцы». Слово занимает конечную позицию. Препозитивных два слова в таких наименованиях выступают в роли атрибутивного члена (в значении «предназначенные для ...»), который характеризует главный член.

Примеры: *цIа дирка кьэцI* «щипцы для помешивания углей» (букв. «огонь помешивающие щипцы»), *къадакъар аттива кьэцI* «щипцы для выдергивания гвоздей, клещи» (букв. «гвозди выдергивающие щипцы»), *шаккар ругIа кьэцI* «щипцы для раскалывания сахара» (букв. «сахар дробящие щипцы»). В этом ряду стоит и двухкомпонентное составное наименование *бурма кьэцI* «тиски» (букв. «кучерявые (то есть с резьбой) щипцы»).

Ряд трехкомпонентных наименований указанной структуры представляют собой свободные словосочетания, которые в сумме своей образуют целостные понятия. Эти единственно возможные словесные образования, передающие значения конкретных предметов. К ним относятся такие реалии как «доска, на которой месят тесто» (*гIур тIиршан кьул,* букв. «муку месящая доска»), «швейная машина» (*кунар диркьван машин*, букв. «одежду шьющая машина»), водопад» *хьед алайча дагьар*, букв. вода переливающая скала»), «пряха» (*ттунар аркьа хьир*, букв. «пряжу делающая женщина»). «большая игла с тремя гранями для починки обуви» (*муртт але руб*, букв. «углы грани) имеющая игла»), «кремень» (*цIа кеттархьа гъван, бук*в. «огонь высекающий камень»).

Редки составные наименования описываемой структуры, у которых один из компонентов имеет переносное значение. Это трехкомпонентные составные названия типа *некк ата машин* «сепаратор», где причастие *ата* выступает с переносным значением «перерабатывающий» (ср. глагол *атас* «бить, от которого образовано причастие *ата*), а все словосочетание переводится как «молоко перерабатывающая машина»

Среди трехкомпонентных наименований встречаются и эмоционально окрашенные единицы, которые можно приравнять к фразеологическим единствам. В таких единицах обычно эмоционально окрашены препозитивных два компонента. Последние представляют собой причастные формы от аналитических глаголов и образуют постпозитивное слово с качественной стороны, ср. *кьацI икIа* «кусающий» (от глагола кьац*I икIас* «кусать»), *цIа ата* «огонь источающий» (от глагола *цIа атас* «огонь источать») в составе названий *кьацI икIа медж* «крапива» (букв. «кусающая трава», то есть трава, обладающая свойством кусать», *цIа ата миляхъв* «светлячок». Сюда же входят и составные образования с препозитивными членами, передающими свойство или качество, которое выражается конечным членом: кош. *рагI али джакъв* «дятел» (букв. «гребень имеющий воробей», то есть «воробей, обладающий гребнем»), *вагъ али гъ'у* «черепаха» (букв. «миску имеющая лягушка», то есть «лягушка, покрытая миской»). Последний член в данных составных наименованиях стилистически нейтрален. В таких названиях возможна и замена постпозитивного члена, ср. кош. *чIар али худ/чIар али машмаш* «персик» (букв. «волос находящаяся слива (абрикос)», то есть «волосом покрытая слива (абрикос)»).

Единичны составные наименования со структурой «числительное +существительное в родительном + существительное в именительном падеже». В кошанском диалекте, где представлена тенденция перехода д*→р,* в связи с развитием на этой почве омонимичных форм язык прибегает к средствам разграничивающим наименования одинакового звучания одно из омонимичных названий из простого переходит в составное наименование. Так, например, собственно агульским простым наименованием *гIуд* «куропатка» и *гIур* «заяц» в кошанском диалекте соответствуют *гIур* «куропатка» и *йакъу ликрин гIуд* «заяц» (букв. «четырехногая куропатка»).

Также весьма ограничены трехкомпонентные составные наименования со структурой «существительное в местном падеже + причастие + существительное в именительном падеже»: кош. *силеварихъ хъайи йаккар* «десна» (букв. «за зубами находящееся мясо»).

Четырехкомпонентные модели

Очень малочисленны четырехкомпонентные модели. Здесь можно указать на составные наименований структуры «причастие + существительное в именительном падеже + причастие + существительное в именительном падеже»: соб.-аг. *кIе инсан Iурччан кьул* «носилки, на которых моют тело умершего» (букв. «умерший человек моющая доска») и структуры «числительное + имя существительное в единственном числе + причастие + существительное в именительном падеже»: *хьибу цIаб але IьукI* «клевер» (букв. «три листа имеющая трава»).

Адъективное словообразование

Адъективы в диалектах агульского языка снабжены разными суффиксами, которые представляют собой окаменелые классные показатели: *ф* (собственно агульский, керенский, гехюнский диалекты, а также хпюкский и цирхинский говоры), *-т* (фитинский говор), *-д* (арсугский, худигский говоры кошанского диалекта), *-р* (буршагский говор кошанского диалекта): *ире-ф, ири-т, ире-д, ире-р* «красный»). В атрибутивной функции классные элементы выпадают. Относительные прилагательные в агульском языке, как и во всех дагестанских языках, представляют собой форму родительного падежа, ср. *сув* «гора»→ *сув-а-н* «горный», *хIач* «яблоко»→ *хIач-у-н* «яблоневый», *гIуд* «куропатка»→ *гIуд-ур-ан* «куропачий».

Имена прилагательные в агульском языке образуются суффиксальным сложением основ. Семантические преобразования также имеют место в сфере адъективного словообразования.

1. *Образование имён прилагательных от существительных*

Суффиксальный способ словообразования

Большой блок адъективов образован от субстантивов при помощи суффикса *-ин(ф),* которые представляют собой атрибутивные слова, относящиеся к годовому циклу времени: *хьид* «весна» → *хьид-ин(ф)* «весенний» *гIул* «лето» → *гIул-ин(ф)* «летний» *цул* «осень» → *цул-ин(ф)* «осенний» *(ъ 'урд* «зима» → *ъ 'урд-ин(ф)* «зимний».

Имена прилагательные образуются при помощи суффикса *[-(а)н(ф)],* также от имён существительных, выражающих временные отрезки суток: *Iуьш* «ночь» → *Iуьш-ан(ф)* «ночной» *йагъ* «день» → *йагъ-ан(ф)* «дневной» *гIубахъ* «вечер» → *гIубахъ-ин(ф)* «вечерний».

От субстантивов при помощи различных адъективных суффиксов образуются имена прилагательные, обозначающие: физическое состояние человека *(гаш* «голод» → *гаш-ин(ф)* «голодный»; характеризующие человека с отрицательной стороны *(гучI* «страх» → *гучI-а(ф)* «трусливый»).

От имён существительных при помощи заимствованного суффикса *-лу* образуются прилагательные, которые характеризуют человека с физической или умственной стороны: *Iакъул* «ум, разум» → *Iакьул-лу* «умный, разумный»; *къуват* «сила, мощь» → *кьуват-лу* «сильный, мощный»; *гудж* «сила» → *гудж-лу* «сильный».

Большое число адъективов образуется от имён существительных при помощи различных суффиксов, выступающих в форме гласного (если слово употребляется в атрибутивной функции). Часто такие словообразовательные аффиксы присоединяются к производящей основе, которая не представлена в самом агульском языке, но присутствует в близкородственных языках, ср. лезг. *йаргъ* «длина» → аг. *ирх-е* (лезг. *йаргъ-и)* «длинный», лезг. *къаз* «зелень, всходы посевов зерновых культур» аг. *гъаз-е* (лезг. *къацц-у)* «зелёный»; аг. *Iаш* «сырость» →*Iаш-у* «сырой» (лезг. *къеж → къеж-ей)* и др. Такое состояние свидетельствует о едином словообразовательном процессе и общем исходном (производящем) материале в этих языках.

1. Образование имён прилагательных при помощи префикса

Имена прилагательные, образованные посредством префикса *д-*, представляют собой отрицательные формы адъективов, ср. *артIаф* «режущий» → *д-артIаф* «тупой» (о металлических предметах); *хеф* «родной» → *да-хеф* «неродной»; *ухаф* «пьющий» → *д-ухаф* «непьющий».

2. Образование имён прилагательных от глаголов

Глагольные основы в качестве производящих занимают определённое место в адъективном словообразовании: *рукъ-ас* «сохнуть» → *рукъ-уф* «высохший»; *тIакьван-ас* «испачкаться» → *тIакьван-ф* «грязный»; *х-ас* «родиться» → *хе-ф* «родной» *ацI-ас* «наполниться» → *ацI-уф* «наполненный» *кикъв-ас* «приклеиться, прицепиться» → *кикъв-аф* «клейкий, вязкий» *дахъас* «остыть» → *дахъ-уьф* «остывший».

3. Образование имён прилагательных от наречий

Незначительное число адъективов образуется от наречий при помощи адъективного суффикса *-нф: хьилаба* «пешком» → *хьилаба-нф* «пеший»; *удигъ* «перед» → *удигъ-анф* «ранний, прошлый, прежний»; соб.-аг. *удигъди* «ранее, в прошлом» → *удигъди-нф* «ранний, прошлый, прежний» (кош. *илагьди илагъди-н)/ къабахъ* «назад, позади» → *къабахъ-инф* «задний».

4. ***Семантические преобразования прилагательных***

При изменениях содержательной структуры прилагательных происходит сдвиг в сторону переосмысления (переноса значения) адъектива, ср. *джагварф* «белый» → *джагварф* «седой»; *кикъваф* «вязкий, клейкий» → *кикъваф* «драчливый»; *угаф «горящий»* → *угаф* «горький» (на вкус). Здесь представлены и этнонимы, преобразованные из названий местности, ср. *ухан* «лесной» → *ухан* «табасаранский».

5. ***Образование сложных прилагательных***

В словообразовании агульского языка представлены сложные прилагательные, состоящие из препозитивных компонентов – имён существительных и различных утвердительных и отрицательных причастных форм, образованных от вспомогательных глаголов *айа* «есть, имеется», *кейа* «находится в вертикальном положении». Такие имена прилагательные являются оценочными и характеризуют человека со стороны обладания (положительная коннотация) или отсутствия (отрицательная коннотация) каких-либо качеств, например: *кьайгъу* «забота» → *къайгъу адаваф* «беззаботный», «безразличный» (букв. «заботу неимеющий»); *бала* «несчастье, напасть» → *бала адаваф* «беспечный, беззаботный» (букв. «заботу,

напасть не имеющий»); *ъ'акьул* «ум, разум» → *Iакъул адаваф* «глупый, нерассудительный» (букв. «разум не имеющий»); *къуват* «сила» → *къуват кейаф* «сильный» и др.

В некоторых сложных прилагательных агульского языка возможна замена субстантивного компонента, который в языке имеет синоним. В таких случаях значение сложного прилагательного не изменяется, ср. *гудж* «сила» → *гудж кеф* «сильный» и *къуват* «сила, мощь» → *къуват кеф* «сильный» (букв. «силой обладающий»).

Сложные прилагательные могут заменяться синтетическими словообразовательными формами, образованными от тех же имён существительных, что и сложные адъективы, при помощи заимствованных суффиксов, ср. *Iакъул* «ум, разум» → *Iакъул кеф / Iакъул-лу* «умный, рассудительный»; *Iакъул адаваф / Iакъул-суз* «глупый, нерассудительный»; *къайгъу адаваф / къайгъусуз «*беззаботный*»; гудж кеф / гудж-лу «сильный»;* къуват кеф / къуват-лу «сильный, мощный»; *гудж кидаваф / гудж-суз «*бессильный»; *къуват кидаваф / къуват-суз* «бессильный, немощный».

Среди сложных прилагательных встречаются и фразеологические единицы. Здесь, в отличие от предыдущих составных образований, где причастия образованы от вспомогательных глаголов, причастный компонент представляет собой полнозначную (знаменательную) единицу, а также, если у первых основным значением обладает субстантив, то у вторых оба компонента в равной мере участвуют в образовании значений. В отличие от первых, у вторых оба компонента выступают с переносным (метафорическим) значением: *эл ккикуф* «скучный» (букв. «дыхание задерживающий»).

Некоторые сложные прилагательные образуются от наречий места посредством причастия «находящийся», оформленного различными пространственными морфемами: *удигь* «перед» *→удигъ гъаеф* «передний»; *кьабахъ* «сзади, позади» → *къабахъ хьаеф* «задний, последний»; *багулив* «рядом, около, возле» → *багулив фаеф* «ближний»; *варттиъ* «вверху» → *варттиъ аеф* «верхний»; *адиъ* «внизу» → *адиъ аеф* «нижний» *вархаь* вдали» → *вархаъ аеф* «дальний».

Среди сложных прилагательных представлены также адъективы– композиты, в которых оба члена выражены прилагательными, при этом первый из них теряет адъективный суффикс: *кIаре-хуршеф* «смуглый» (букв. «чёрный»).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Образование количественных числительных

Производными в агульском языке являются числительные от одиннадцати до девятнадцати и десятки от тридцати до девяноста. Сложные числительные от одиннадцати до девятнадцати во всех агульских диалектах и говорах образуются одинаково – путём сложения десятка и единиц, при этом единицы занимают конечную позицию. От названия десяти *(йицIуд)* сохраняется коренная морфема с

огласовкой *(цIе-),* префиксальная *(йи-)* и суффиксальная (-д) части выпадают. Примеры: *цIе-сад* «одиннадцать», *цIе-Iуд* «двенадцать», *цIе-хъибуд* «тринадцать», *цIе-йакъуд* «четырнадцать», *цIе-гIифуд* «пятнадцать», *цIе-ерхъид* «шестнадцать», *цIе-ерид* «семнадцать», *цIе-муйад* «восемнадцать», *цIе-ерчIуд* «девятнадцать».

«В сложных числительных после «двадцати», – отмечает А.А. Магометов, – единицы к десяткам присоединяются посредством союза *на «и».* При этом исходный классный показатель числительного *къад* «20» ассимилируется с согласным *н* союза *на* «и»: *къан-на сад «21».*

Посредством союза *на* присоединяются и числительным к сотням и тысячам: *верш-на сад «101», вергина цIисад* «111», *агьзур-на хъибу верш «1300».*

Исходный ***р*** в десятках, начиная с «тридцати» обычно не ассимилируется с согласным *н* союза *на* «и», но возможна и ассимиляция (в зависимости от говоров).

Говор аула Фите: *хъимцIур-на сад* «31»*, йагъцIур–на сад* «41»*, йуьфцIур-на сад* «51» и т.д**.** Ср. Речь аула Буршаг: *йишвцIур-на сар // йишвцIун-на сар* «51» [см. Магометов 1970: 97].

При образовании названий сложных числительных «тридцать», «пятьдесят», «шестьдесят», «семьдесят», «восемьдесят» и «девяносто» названия единиц занимают начальную позицию, а названия десятков – конечную. В диалектах и говорах, где представлена децимальная система, вышеназванные сложные числительные образуются посредством сложения основ простых единиц и числительного «десять». В этом случае простые единицы утрачивают классный показатель (-д), а числительное «десять» меняет суффикс *-д* на *-р: хъиб-цIур* «тридцать», *гIиф-цIур* «пятьдесят», *ехъ-цIур* «шестьдесят», *йар-цIур* «семьдесят», *май-цIур* «восемьдесят», *едж-цIур* «девяносто».

В тех диалектах и говорах, где представлена двадцатеричная система счисления числительных, нечётные десятки сложных числительных образуются посредством союза *на* «и», который соединяет двадцатки с числительным «десять», при этом сонорный *н* ассимилирует предшествующий *д.* Чётные десятки образуются при помощи числительных «три» и «четыре» плюс «двадцать». У первого компонента такого сложного числительного классный показатель *д* также ассимилируется сонорным *н,* ср. хп., кер. *къанна ицIуд* «тридцать», *йахьцIурна ицIуд* «пятьдесят», *хьибукъанна ицIуд «девяносто».*

В некоторых говорах собственно агульского диалекта, а также в фитинском говоре числительные «шестьдесят», «семьдесят», «восемьдесят» и «девяносто» образуются по десятичной системе, но в отличие от других говоров десятичной системы, здесь они образуются простым сочетанием единиц и десятков, при котором обе части при конструировании теряют суффиксальную часть: хутх. *ерхьи йицI* «шестьдесят». фит. *ерхьи йицI*; хутх. *ери йицI* «семьдесят»; фит. *ери йицI*; хутх. *муйа йицI* «восемьдесят», фит. *муйи йицI*; хутх. *йарчIу йицI* «девяносто», фит. *еркIуь йицI*.

«Наличие данной модели. Кроме агульского языка. в северо-западном ареале дагестанских языков, отдаленном от лезгинских языков даргинским и лакским ареалом, – пишет Н.Д.Сулейманов, – свидетельствует об общедагестанском ее характере» [Сулейманов 1993:121].

Образование сложных числительных в диалектах и говорах агульского языка по двадцатеричной и десятеричной системам могут чередоваться, но при этом в них образование числительных по децимальной системе превалирует над двадцатеричной. К примеру, в керенском диалекте под влиянием соседнего лезгинского языка, где представлен двадцатеричный счет счисления. Децимальная система заменяется вигезимальной. В ричинском говоре – самой северной периферии керенского диалекта черты десятеричной системы сохранились лучше, чем в юго-восточной, непосредственно смыкающейся с лезгинской языковой плоскостью. В ричинском говоре сложные числительные *хьимцӀур* «тридцать» и *гӀафцӀур* «пятьдесят» образованы по десятичной системе («три +десять» и «пять +десять»). В бедюкском говоре указанные числительные вытесняются числительными, образованными по вигезимальной системе: здесь эта тенденция вызвала параллельное употребление этих форм. Ср. *хьимцӀур/къанна ицӀуд* («три +десять» / «двадцать и десять», *гӀифцӀур /йагъцӀурна ицӀуд* («пять +десять»/ «сорок и десять»).

Такое положение параллельного употребления производных числительных по десятичной и двадцатеричной системам в некоторых из них отмечается и в северо-восточной оконечности агульского языка, ср. фит. *йерхьи йицӀ / хьибукъад* «шестьдесят», *муйи йицӀ / йакъукъад* «восемьдесят». В собственно агульском диалекте (в речи села Тпиг) также наравне с *ехьцӀур* «шестьдесят», *майцӀур* «восемьдесят» могут употребляться и формы двадцатеричной системы *хьибукъад* «шестьдесят», *йакъукъад* «восемьдесят» [Сулейманов 1993].

В северных говорах агульского языка сложные числительные последовательно образуются по децимальной системе счисления. Имеющиеся различия между ними касаются фонетического оформления числительных, ср.: гех., цир. *хъивцӀур,* кош. *шибцӀур* «тридцать»; гех. *ифцӀаӀр,* кош. *ишвцӀур* (арс., бурш.), *йуьхьцӀур* (худ.) «пятьдесят»; гех., цир. *йахъцӀур,* кош. *йаршцӀур* «шестьдесят»; кош. *йарцӀур* «семьдесят»; кош. *майцӀур* «восемьдесят»; гех. *йарцӀаӀр,* цир. *йарчӀузул,* кош. *еркӀуьзур* (худ.), *ерчӀвузур* (арс., бурш.) «девяносто».

Образование порядковых числительных

Порядковые числительные в агульском языке образуются от количественных числительных посредством присоединения причастной формы глагола *пас* «сказать», «назвать». По диалектам постпозитивное причастное слово имеет различные формы: *пеф, пуф, пут, пид, пир* «сказанный, названный»; соб.-аг. *йакъуд пеф;* гех., цир. *йакъуд пуф;* кош. *йакъуд пид* (арс, худ.), *йакъур пир* (бурш.); фит. *йакъуд пут* «четвёртый»; *соб.-аг.* къанна сад пеф; *гех., цир. къанна сад пуф; кош.* къанна сад пид *(арс., худ.), къанна сар пир (бурш.); фит. къанна сад пут* «двадцать первый» *и др.*

При атрибутивной функции порядкового числительного причастная форма выступает без классного показателя: *Ӏуд пе дарс* «второй урок», *хьибуд пе идеми»* «третий мужчина» и т.д.

При самостоятельном употреблении причастное слово порядкового числительного изменяется по числам и падежам: ном. *сад пеф* «первый» мн.ч. *сад*

петтар «первые»; эрг. *сад петти/ сад петтари*; род. *сад петтин сад /петтарин;* дат. *сад петтис / сад петтарис.*

При атрибутивной функции порядковое числительное не изменяется по числам и падежам: *сад пе шиниккв* (ном.) «первый ребёнок», *сад пе шиникквис* (дат.) «первому ребёнку», *сад пе шиникквин* (род.) «первого ребёнка» и т.д.

Образование распределительных числительных

Распределительные числительные образуются от количественных при помощи префикса, которым сопровождается производящее числительное, и наречного суффикса -*ди (-тти),* например: соб.-аг. *йи-йицIу-тти (←* йи- йицIуд-ди),* кош. *йи-йицIуд-ди* «по десять». В керенском диалекте происходит слияние префиксальной части, в результате чего удлиняется последующий гласный: *хъиибу-тти (←*хъи-хъибуд-ди)* «по три»*, иицIу-тти (←*йи-йицIуд-ди)* «по десять».

В тех случаях, когда числительное не сопровождается префиксом – классным показателем, распределительные числительные образуются посредством удвоения основ, например: соб.-аг. *са-са-тти***,** кош. *са-сад-ди* «по одному», соб.-аг. *Iу-Iу-тти,* кош. *кьу-къ уд-ди* «по два» и др.

Образование наречий

В агульском языке определённое место занимает адвербиальное словообразование. Здесь представлены различные способы образования наречий: суффиксальный, конверсия, сложение основ.

Суффиксальный способ

Суффиксальное словообразование наречий в агульском языке насчитывает около полутора десятка формантов, которые имеют разную степень продуктивности.

Среди них наиболее продуктивным суффиксом является -*ди.* При помощи суффикса -*ди(-тти)* от имён существительных образуются наречия времени. Такие наречия обозначают непрерывное действие, которое длится в продолжение того отрезка времени, которое обозначено именем существительным, например: *йагъ* «день» → *йагъ-ди* «в продолжение, в течение всего дня»; *Iуш* «ночь» → *Iуш-ди* «в продолжение, в течение всей ночи»; *ваз* «месяц» → *ваз-ди* «в течение, в продолжение всего месяца»; *ис* «год» → *ис-тти* «в течение, в продолжение всего года»; *гIул* «лето» → *гIул-ди* «в продолжение, в течение всего лета».

При помощи суффикса -*ди* от прилагательных образуются также наречия образа действия: *гашинф* «голодный» → *гашин-ди* «будучи» голодным»; *кукф* «жирный» → *кук-ди* «жирно, тучно»; *кьацIулф* «голый, обнажённый» → *къацIул-ди* «голышом, нагишом»; *камф* «недостающий» → *кам-ди* «недостаточно, неполно»; *кIилинф* «целый» → *кIилин-ди* «целиком»; *рахIат* «лёгкий»→ *рахIатти (← * рахIат-ди)* «легко»; *къалинф* «густой (о шерсти)» → *къалин-ди* «густо, плотно»; *кьулкъунф* «горький» *къулкъун-ди* «горько»; *джагварф* «белый»→ *джагвар-ди* «бело»; *ширинф* «сладкий» → *ширинди* «сладко» и др.

Своей продуктивностью отличается и суффикс *-и,* при помощи которого от имён прилагательных образуются наречия образа действия, например: *тагIдеф* «быстрый, спешный» → *тагIд-и* «быстро, спешно»; *дихьеф* «прямой» *дихь-и* «прямо»; *Iайеф* «плохой, нехороший» → *Iай-и* «сильно, крепко»; *дихьеф* «жидкий» →*дихъ-и* «жидко»; *чIиреф* «испорченный, плохой» → *чIир-и* «плохо»; *гъазеф* «зелёный» → *гъаз-и* «зелено»; *кIареф* «чёрный» → *кIар-и* «черно»; *цIуппеф* «крепкий» → *цIупп-и* «крепко»; *амсеф* «пасмурный»→ *амс-и* «пасмурно» и др. В кошанском диалекте суффиксу *-и* собственно агульского диалекта может соответствовать суффикс *-ай (-ей),* ср. соб.-аг. *джикъ 'еф* «короткий» → *джикъ и* «коротко», но кош. *джагъ ар, джагъ ад* «короткий» → *дажгъай* «коротко»; кош. *бехер, бехед* «красивый, изящный» → *бех-ей* «красиво, изящно».

Ряд наречий времени образуется при помощи разных суффиксов от имён существительных. При помощи суффикса *-анас: хъид* «весна» → *хъид-ана* «весной»; *Iурд* «зима» → *Iурд-ана* «зимой»; *цул* «осень» *цул-ана* «осенью»; *гIул* «лето» → *гIул-ана* «летом». При помощи суффикса *-ас (-ис): Iуьш* «ночь» *Iуьш-ас* «к ночи»; *цул* «осень» → *цул-ис* «к осени»; *гIул* «лето» → *гIул-ис* «к лету»; *хъид* «весна» → *хъид-ис* «к весне»; *I'урд* «зима»→ I*урд-ис* «к зиме».

Идентичное значение образуется при помощи сложного суффикса - *ихъди: цул* «осень» → *цул-ихъди* «к осени»; *гIул* «лето» → *гIул-ихъди* «к лету»; *Iурд* «зима» *Iурд-ихъди* «к зиме»; *хъид* «весна» → *хъид-ихъди* «к весне».

При помощи суффикса *-уй: Iуьш* «ночь» → *Iуьш-уй* «ночью»; *йагъ* «день» → *йагъ-уй* «днём».

При помощи суффикса *-ми: гIубахъ* «вечер» → *гIубахъми* «вечером»; *багагъ* «завтра» → *багагъ-ми* «утром».

Наречия образа действия образуются от имён существительных при помощи различных суффиксов: *ала, -ила: гучI* «страх» → *гучI-ала* «со страху»; *гаш* «голод» → *гаш-ила* «с голоду»; *-аба: хъил* «след» → *хьил-аба* «пешком». Мотивировка производного слова затемнена: семантическая связь производящего слова с производным улавливается с трудом. Можно попытаться увязать первое со вторым – «пешком» – на основе сравнения действия в виде движения по проторенному (обозначенному) пути. В кошанском диалекте слово оформлено суффиксом *-авди: шил* «след» → *шил-авди* «пешком». При помощи суффиксов *-ра* и *~иъас* от имён существительных также образуются наречия образа действия: *ахир* «конец» → *ахир-ра* «наконец»; *кIил* «начало» → *кIил-иъас* «сначала».

Посредством суффикса *-ахъди* образуется ограниченное количество наречий места. Данный суффикс присоединяется к именам прилагательным, ср. *хIурджал* «правый» → *хIурджал-ахъди* «направо», *чеппил* «левый» → *чеппил-ахъди* «налево».

В агульском языке представлен суффикс ***-ч,*** который присоединяется к указательным местоимениям *ме* «этот», *те* «тот», *ле* «тот» (который находится наверху), *ге* «тот» (который находится внизу)» и образует наречия места. При этом гласный основы ***е*** переходит в *и: ми-ч* «сюда», *ти-ч* «туда», *ли-ч* «туда (наверх)», *ги-ч* «туда (вниз)». Данные наречия места могут присоединять к себе префиксальный усилительный аффикс *гьа,* ср. *гьа-мич* «вот сюда», *гъа-тич* «вон туд», *гъа-лич* «вон туда (наверх)», *гьа-гич* «вон туда (вниз)».

Образование наречий-послелогов

В агульском языке наряду с пространственными аффиксами имеют место и наречия-послелоги. Они выражают различные направления, которые, образуют корреляционные пары с противоположными значениями: *варттал* «сверху» – *кIаннакк* «под, снизу», *багулив* «рядом, возле, около» – *вархал* «вдали», соб.-аг. *удигь,* кош. *илагь,* цир. *инагъ* «перед» – *къабахъ* «сзади, позади», *гIанаъ* «внутри» – *байирдиъ* «снаружи».

Некоторые наречия–послелоги образованы от имён существительных посредством прибавления пространственных аффиксов, идентичных или близких по своему значению субстантивам, к которым они присоединяются, ср. *КIан* «дно, низ» и пространственный аффикс *кк* «под» *(кIан + акк)г/ан* «нутро, внутренность» и ъ «в, внутри» (*гIан + аъ).*

Другие наречия-послелоги также образованы путём присоединения к знаменательным словам суффиксов пространственной семантики, на что указывают финальные согласные: *багв* «бок» + *л-ив (л* «на горизонтальной поверхности», *в* «возле, рядом»), *варха-л* «вдали» (ср. форму с другим пространственным аффиксом ъ «в, в полом пространстве»: *варха-ъ),* соб.-аг. *уди-гъ* «перед» *(уди* в агульском языке ничего не обозначает, но формант *ь* «перед» по своему значению аналогичен значению целого слова), кош. *ил* «глаз» + *(а)гь,* цир. *ин* «этот» + *(а)гъ, къаб* «основание» + *(а)хъ* «за, позади», *байир* «вне, за пределами чего-либо» + *(и)ъ* «в, внутри».

В диалектах агульского языка в образовании наречий-послелогов имеются различия. Так, например, наречие-послелог *хьибел* «ниже, на низине», который употребляется в керенском диалекте, а также встречается в фитинском и хпюкском говорах, образован по аналогии наречий-послелогов *варттал* «наверху, сверху», *гъавал* «на высоте». В кошанском диалекте по говорам представлены формы *исва-ди (исв* «место»), *айикк-ди (айикк* «внизу»).

Наречия-послелоги могут иметь парадигматические формы направительного и исходного падежей: *варттал* «сверху, наверху», направ. *варттал-ди* «наверх», исход. *варттал-ас* «сверху»; *гIанаь* «внутри», направ. *гIанаъди* «вовнутрь», исход. *гIанаъас* «изнутри» и т.д.

Образование сложных наречий

Сложные наречия в агульском языке занимают большое место. Здесь представлены различные конструктивные типы, среди которых в количественном отношении выделяется модель «указательное местоимение + имя существительное».

Модель «указательное местоимение + имя существительное» Данная модель отличается большим набором парадигматических форм у субстантивного компонента, который реализует все парадигматические формы местных падежей.

Ср. реализацию всех форм локальных падежей субстантивным компонентом: *тисаъ* «там – в полом пространстве» (сложение от *те* «тот» + *усаъ* «месте»); *тисал* «там – на горизонтальной поверхности» [*те* + *усал* «на месте (на горизонтальной

поверхности)»]; *тисагъ* «там – перед определённым ориентиром» [*те* + *усагъ* «на месте (перед определённым ориентиром)»]; *тисагI* «там – между определёнными объектами» (например, между скалами, развалинами...) [*те* + *усагI* «на месте (между определёнными объектами)»]; *тисакк'* «там – под определённым объектом» [*те* + *усакк* «месте (под определённым объектом)»]; *тисак* «там – на вертикальной поверхности» (например, на склоне горы, скалы, или на стене) [*те* + *усак'* «месте (на определённом объекте, находящемся в вертикальном положении)»]; *тисахь* «там – за определённым ориентиром» [*те* + *усахъ* «за местом (за определённым ориентиром)»]; *тисав* «там – у определённого ориентира» [*те* + *усав* «у места (возле определённого ориентира)»].

Данные составные наречия места могут иметь формы исходного (*тисаъ-ас* («из того места»), *тисал-ас* «с того места»...) и направительного (*тисаъди* «в то место», *тисал-ди* «на то место»...) падежей, а также префигировать усилительную частицу *гьа- (гьа-тисаъ* «вон в том месте», *гьа-тисаади* «вон в то место», *гъа-тисаъ-ас* «вон из того места»...). См. таблицу образования сложных наречий у данной модели.

Некоторые из указанных сложных наречий в сочетании с наречием *хаб* «после» образуют новые сложные наречия времени, ср. *тисалас хаб* «после того», *мисалас хаб* «после этого».

Сложные наречия образуют различные структурные типы, состоящие из:

а) «указательное местоимение + имя существительное»: *гьате саъ'ати* «сразу, тотчас, мигом»; *те вахттуни* «в то время». В данную модель входят наречия образа действия (первый пример) и времени (второй пример). Связь между компонентами у данной модели – подчинительная;

б) «имя числительное + деепричастие»: *сад пуна* «моментально, в один миг, мгновенно; вдруг, неожиданно». Данная модель образует сложное наречие образа действия;

в) «имя существительное + деепричастие». При помощи данной модели также образуется сложное наречие образа действия: *еагIда ами* «вовремя, своевременно, заблаговременно, пока не поздно»;

г) «имя существительное + имя существительное». При помощи данной модели образуется сложное наречие времени: *суре йагъ* «полдня»;

д) «имя прилагательное + имя существительное»: *гъвр усаъ* «везде, всюду» (наречие места);

е) «имя существительное + наречие»: *зав курастти* «до рассвета» (наречие времени).

Некоторые структурные типы образуют количественные наречия, к ним относятся «имя числительное + имя существительное»: *са уд* «немного, самую малость (о сыпучих веществах)»; *са къадар* «много» (букв. «некоторое количество, счёт); «имя существительное + наречие»: *са чIукъ* «немного» (букв. «несколько мало»); «имя числительное + имя числительное»: *хьимудна сад* «много» [букв. «много и некто (нечто)»].

Образование сложных наречий по модели
а) «указательное местоимение + имя существительное (локат.)»

мисаъ, мисал, мисагI, мисакк, мисак, мисахъ, мисав, мисагъ тисаъ, тисал, тисагI, тисакк', тисак', тисахь, тисав, тисагъ лисаъ, лисал, лисагI, лисакк, лисак, лисахъ, лисав, лисагь гисаъ, гисал, гисагI, гисакк, гисак', гисахь, гисав, гисагъ гьамисаъ, гъамисал, гьамисагI, гъамисакк, гьамисак', гьамисахъ, гъамисав, гьамисагъ

гьатисаъ, гъатисал, гъатисагI, гъатисакк', гьатисак, гьатисахъ, гьатисав, гъатисагъ

гьалисаъ, гьалисал, гьалисагI, гъалисакк', гьалисак', гъалисахъ, гъалисав, гъалисагъ

гъагисаъ, гъагисал, гьагисагI, гьагисакк', гъагисак', гьагисахъ, гьагисав, гъагисагъ

гьоотисаъ, гьоотисал, гьоотисагI, гъоотисакк', гьоотисак', гьоотисахъ, гьоотисав, гъоотисагъ

гьоолисаъ, гъоолисал, гъоолисагI, гьоолисакк', гьоолисак', гъоолисахъ, гьоолисав, гъоолисагъ

гьоогисаъ, гъоогисал, гъоогисагI, гьоогисакк', гьоогисак', гъоогисахъ, гьоогисав, гъоогисагь;

б) «указательное местоимение + имя существительное (направит.)»

мисаади,' мисалди, мисагIди, мисаккди, мисакди, мисахъди, мисавди, мисагьди, тисаъди, тисалди, тисагIди, тисакк'ди, тисак'ди, тисахъди, тисавди, тисагьди, лисаъди, лисалди, лисагIди, лисакк 'ди, лисакди, лисахъди, лисавди, лисагъди, гисаъди, гисалди, гисагIди, гисакк'ди, гисак'ди, гисахъди, гисавди, гисагъди, гьамисаъди, гамисалди, гьамисагIди, гьамисакк 'ди, гьамисак 'ди, гьамисахъди, гъамисавди, гьамисагьди,

гъатисаъди, гъатисалди, гъатисагIди, гьатисакк'ди, гьаттисак'ди, гьатисахъди, гьатисавди, гьатисагъди, гъалисаъди, гъалисалди, гьалисагIди, гъалисакк'ди, гъалисак'ди, гьалисахъди, гъалисавди, гьалисагьди, гьагисаъди, гъагисалди, гъагисагIди, гьагисакк'ди, гъагисакди, гъагисахъди, гьагисавди, гъагисагьди, гъоотисаади, гьоотисалди, гьоотисагIди, гьоотисакк'ди, гьоотисак'ди, гъоотисахъди, гъоотисавди, гъоотисагъди, гьоолисаъди, гьоолисалди, гьоолисагIди, гьоолисакк'ди, гъоолисак'дщ гьоолисахъди, гъоолисавди, гъоолисагъди

гъоогисаъди, гъоогисалди, гьоогисагIди, гьоогисакк'ди, гъоогисак'ди, гъоогисахъди, гъоогисавди, гъоогисагъди;

***в)* «указательное местоимение + имя существительное (исход.)»**

мисаъас, мисалас, мисагIас, мисаккес, мисакес, мисахъас, мисафас, мисагъас

тисаъас, тисалас, тисагIас, тисаккес, тисакес, тисахъас, тисафас, тисагьас, лисаъас, лисалас, лисагIас, лисаккес, лисакес, лисахъас, лисафас, лисагьас, гисаъас, гисалас, гисагIас, гисаккес, гисакес, гисахъас, гисафас, гисагьас гьамисаъас, гьамисалась, гъамисагIас, гьамисаккес, гъамисакес, гъамисахъас, гъамисафас, гъамисагъас, гъатисаъас, гъатисалась, гъатисагIас, гъатисаккес, гъатисакес, гъатисахъас, гъатисафас, гьатисагьас, гьалисаъас, гъалисалас, гъалисагIас, гьалисаккес, гъалисакес, гъалисахъас, гьалисафас, гъалисагъас, гьагисаъас, гъагисалас, гьагисагIас, гъагисаккес, гъагисакес, гъагисахъас, гъагисафас,

гъагисагъас, гьоотисаъас, гьоотисалас, гьоотисагIас, гъоотисаккес, гъоотисакес, гьоотисахъас, гъоотисафас, гъоотисагъас, гъоолисаъас, гъоолисалас, гъоолисагIас, гъоолисаккес, гъоолисакес, гьоолисахъас, гъоолисафа, гъоолисагъас, гьоогисаъас, гьоогисаласъ, гьоогисагIас, гьоогисаккес, гьоогисакес, гъоогисахъас, гьоогисафас, гъоогисагъас.

Наречия-композиты

Наречия-композиты составляют довольно большой пласт в словообразовании сложных наречий. Среди них представлены различные модели. Наиболее продуктивной из них является модель «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже», то есть представляют собой редуплицированные формы, которые пишутся через дефис: *къат-къат* «слоями» (букв. «слой-слой»); *ара-ара* «поминутно, то и дело» (букв. «промежуток времени - промежуток времени»); *джалга-джалга* «рядами, шеренгами» (букв. «ряд-ряд») и др. Данный структурный тип образует наречия образа действия.

Менее продуктивной является модель «деепричастие + деепричастие», данная модель также образует наречия образа действия: *хъай-хъай* «подряд, один за другим» (букв. «находясь позади – находясь позади»); *аргвай-аргвай* «явно, заметно, на глазах» (букв. «видя-видя»); при присоединении ко второму компоненту префикса – отрицательной частицы композит приобретает противоположное значение, ср. *аргвай-даргвай* «незаметно, быстро».

В кошанском диалекте два последних композита выражаются другими лексическими единицами: *ракъай-ракъай* «явно, заметно, на глазах» и *ракъай-даракъай* «незаметно, быстро».

Ряд композитов образует модель «наречие + наречие». Такие сложные наречия выражают *образ действия*: *йаваш-йаваш* «медленно» (подобные парные наименования, базирующиеся на повторе основы, усиливают содержание компонента); *времени*: *Iуьтти-йагъди «целыми* днями и ночами» (букв. «в продолжение ночи – в продолжение дня»), *йагIа-багагъ* «в ближайшие дни, со дня на день» (букв. «сегодня-завтра»). Инверсия компонентов у последних двух сложных наречий невозможна.

Многие наречия-композиты образованы от существительных, выраженных различными падежными формами:

«имя существительное в именительном падеже + имя существительное в локативном падеже»: *вахтт-вахттуни* «время от времени, иногда»; здесь возможно и варьирование второго компонента в форме *вахттунди (вахтт-вахттунди);*

«имя существительное в родительном падеже + имя существительное в родительном падеже»: *ъ 'ушан-ъ 'ушан* «каждую ночь, еженощно»;

«имя существительное в исходном падеже + имя существительное в эргативном падеже»: *йагъалас йагъа* «ежедневно, каждодневно» (в кошанском диалекте данное сложное наречие структурно выражается двумя типами, отличающимися от собственно агульского диалекта – «имя существительное в исходном падеже + имя существительное в именительном падеже»: *йагIналас-йагI* и «имя существительное в

родительном падеже + наречие»: *йагънан-йагъуй*); «имя существительное в эргативном падеже + имя существительное в именительном падеже»: *гуджа-гудж* «с трудом, через силу».

Ограниченное количество наречий-композитов образовано по модели «причастие + наречие»: *хъаф-хъагъилди* «последовательно, по порядку».

Среди композитов встречаются и такие структурные типы, которые сложены из заимствованных слов, ср. *ара-бир* «иногда, временами» или такие, у которых значение первого компонента неизвестно, а второй компонент является заимствованным наречным словом: *дуппа-дуз* «точно, тютелька в тютельку».

Семантические преобразования в дагестанских языках, в том числе и в агульском языке, являются слабо разработанной проблемой. Совершенно не рассматривались семантические трансформации в области наречий. Здесь вторичное значение, наблюдаемое у наречия, является переносным. Случаи семантических преобразований в агульском языке не так часты, ср. соб.-аг. *удигъди* «вперёд» → *удигъди* «в прошлом, в прошлые времена», кош. *илагъди* «вперёд» → *илагъди* «в прошлом, в прошлые времена».

Случаи конверсии в сфере наречий агульского языка также имеют место. Единичны переходы адъективов в наречия образа действия, ср. *дуз* «прямой» → *дуз* «прямо», а также кратных числительных в наречия времени: *сагелай* «раз» → *сагелай* «однажды».

В агульском языке значительное место в адвербализации занимают деепричастия совершенного и несовершенного вида: *зурзай* «дрожа», *зурзуна* «задрожав»; *Iелди «кушая», IуьтIуна* «съев»; *фарцанди* «держа», *фацуна* «задержав»; *ачатай* «впуская», *ачатуна* «впустив»; *гьишай* «убегая», *гъишина* «убежав»; *гъургьай* «разговаривая», *гъургъуна* «поговорив»; *гъадивай* «поднимая», *гъадивуна* «подняв» и др.

В агульском языке имеются некоторые деепричастия, которые образуют только форму несовершенного вида. К таким формам относится деепричастие несовершенного вида *гучIай* «боясь» → *гучIай* «боязливо». И сама форма наречия в отличие от наречий, образованных от форм деепричастий совершенного и несовершенного вида (ср. *гъикай* «отправляя» и *гъикуна* «отправив»), имеет свою форму, отличительную от деепричастных форм. Это связано с образованием деепричастия не от глагольной основы, а от имени существительного *гучI* «страх» → *гучай* «боясь» (деепричастие несовершенного вида) –» *гучIай* «боязливо» (наречие образа действия). Деепричастия совершенного и несовершенного вида с данной основой *гучI* – образованы аналитическим способом – *гучI вей* «пугаясь» (деепричастие несовершенного вида) и *гучI хьуна* «испугавшись» (деепричастие совершенного вида). Соответственно и наречия образа действия от данных деепричастий имеют аналогичные формы *гучI вей, гучI хъука).*

Как отмечает С.З. Алиханов, «неизменяемость деепричастия и его синтаксическая роль (обстоятельства) являются той основой, на которой совершается переход деепричастий в наречия» [Алиханов 1994 : 25].

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Большое место в системе агульского словообразования занимает глагольное словопроизводство. В качестве словообразовательных средств здесь представлены деривационные суффиксы (префиксы или превербы, инфиксы), а также глагольные наименования, представляющие собой аналитические конструкции. Среди них выделяются двух-, трехкомпонентные модели, где препозитивными членами являются имена существительные, прилагательные, наречия, а постпозитивными – глаголы. Глагольные компоненты в составных наименованиях играют различную роль: они могут придать аналитической конструкции вербальный характер, то есть играть чисто грамматическую функцию, а также вместе с именным компонентом принимать участие в образовании общего значения наименования. Глагольные превербы помимо локальных значений способны внести и существенные изменения в семантическую структуру глагола.

Двухкомпонентные модели

В составных глагольных наименованиях представлены различные словообразовательные модели. Наиболее продуктивной среди них является модель «имя существительное + глагол».

Модель «имя существительное + глагол».

Настоящую модель отличает разнообразие падежных форм именного компонента, среди которых доминирующее положение занимает:

а) *модель «имя существительное в именительном падеже + глагол»*. В данную модель входят устойчивые составные наименования, которые состоят из существительного и глагола. В таких аналитических образованиях степень семантической спайки между именным и глагольным компонентом различна. Здесь представлены составные наименования, где глагольный компонент семантически опустошен и в словосочетании несет грамматическую функцию. К таким глаголам относятся глаголы *акъас* «делать» и *хьас* «становится, мочь». В таких аналитических формах основную семантическую нагрузку на себе несет именной компонент. Примеры: *къизмиги хьас* «испытывать жажду» (букв. «жажда становиться»); *гучI хьас* «испугаться» (букв. «страх стать»); *фалиджа хьас* «парализоваться» (букв. «паралич становиться»); *гудж акъас* «совершить насилие» (букв. «силу делать»); *хийал акъас* «думать» (букв. «думу делать»); *гъара акъас* «грабить» (букв. «грабеж делать»).

В агульском языке в образовании ряда составных наименований модели «имя существительное в именительном падеже + глагол» в качестве глагольного компонента участвуют также глаголы, которые имеют связанное значение. Они отошли от своих прямых значений и вместе с именным компонентом образуют одно единое понятие. Указанные глагольные компоненты сочетаются с ограниченным количеством имен существительных. Это такие глаголы, как *йирхIас* «бить», *атас* «бить, ударять», *агъархъас* «подниматься», *дивас* «тянуть», *икIас* «сунуть», *йес* «дать», *гъуйанас* «брать», «покупать», *адес* «приходить», *вес* «идти» и др. Все данные глаголы ограничены в употреблении, то есть словообразовательные возможности их ограничены: одни из них сочетаются с четырьмя, тремя, двумя именами

существительными, сочетания других сводятся к единичным именам существительным.

Составные наименования с глаголом *йирхIас: телеграмм йирхIас* «дать телеграмму» (букв. «телеграмма + бить»); *къала йирхIас* «лудить» (олово, полуда + бить»); *махъ 'в йирхIас* «заржаветь» («ржавчина + бить»); *ттур йирхIас* «помолвиться, обручиться» («имя + бить»).

Составные наименования с глаголом *дивас: чапар дивас* «загородить» («плетень + тянуть»); *эл дивас* «дышать» («дыхание + тянуть»).

Составные наименования с глаголом *икIас: шутI икIас* «ущипнуть» («щипок сунуть»); *мач икIас* «целовать» («поцелуй сунуть»).

Составные наименования с глаголом *йес: гаф йес* «дать слово, обещать что либо» («слово + дать»); *хабар йес* «извещать» («известие, сообщение + дать»); *уф йес* «дуть, дунуть» («дуновение + дать»).

Составные наименования с глаголом *гъуйанас: хабар гъуйанас* «спрашивать» («сообщение, известие + брать»); *хатир гъуйанас* «уважать, оказывать уважение» («уважение + брать»); *къисас гъуйанас* «мстить, брать реванш» («место + брать»).

Многие из составных наименований представляют собой единичные образования, ср. *уъстт атас* «свистеть» («свист + бить»); *уц агъархьас* «закипеть» («кипение + подняться»); *чаш алатIас* «залатать» («заплата + залатать»); *шир алдаркас* «покрасить» («краска + нанести»); *цIа куъхъвас* «разжечь огонь» («огонь + зажечь»); *хъир адикас* «развестись» («жена + выгнать»); *хал атIас* «ограбить дом (со взломом)» («дом + резать»); *чIал хъукъас* «заикаться» («слово + цепляться»); *хъ'ал адес* «разгневаться» («злость + придти»), *ниъ хъархъас* «протухнуть» («запах + завалиться»); *кушар ухас* «есть кашу» («каша + пить»); *шавла ккеетас* «отдыхать» («усталость + отпустить»); *шулугъ ъаттивас* «скандалить» («скандал втащить»); *тук адархъас* «цвести» («цветок + высыпать»); *рукъал ахъатас* «проклинать» («проклятие + отправить вслед»); *шак вес* «подозревать» («подозрение + идти») *ранг алайхъас* «линять» («цвет + скинуть»); *зур хъайчас* «обмочиться» («моча + пролиться»).

Все эти наименования носят устойчивый характер, семантическая спайка между именным и глагольным компонентом такого рода производных выражены в разной степени. Именная часть является носителем основного содержания наименования, а глагольная часть переводит все наименования в категорию вербальности, но помимо этого она привносит различные коннотативные оттенки.

О связанном, устойчивом характере данных образований, свидетельствует и тот факт, что при антонимии, осуществляющейся глагольными компонентами в составных наименованиях, при свободном их употреблении они не являются таковыми. Ср. эл *дивас* «дышать» и *эл фацанас* «задыхаться», где *дивас* «тянуть» и *фацанас* «держать» при свободном их употреблении не выступают антонимами;

б) *модель «имя существительное в родительном падеже + глагол»* в агульском языке является самой непродуктивной. В наших материалах мы обнаружили всего лишь один пример составного наименования данной структуры: *эмкIен хьас* «вспотеть» («пота + становиться»). Здесь также как и в предыдущей модели, основное значение несет именной компонент, глагольный компонент выражает категориальное значение, а вместе они образуют единое неделимое понятие;

в) среди составных глагольных наименований определенное место занимает модель *«имя существительное в местном падеже + глагол».* Среди них наиболее продуктивной является структура «имя существительное в локативном падеже на -ъ «внутри + глагол»: *хири-ь ъикIас* «посадить на колени (ребенка)» *(хир* «передний подол рубашки, платья» и *ъикIас* «сунуть»); *гъавурди-ъ ъархьас* «понимать» *(гъавур* «понимание» и *ьархьас* «провалиться»); *ракъ у-ъ ъархьас* «отправиться в путь» *(ракъ'* «дорога» и *ъархьас* «провалиться»); *фуни-ъ хьас* «забеременеть» (*фун* «живот» и *хьас* «становиться»).

Здесь встречаются также структурные типы с именным компонентом, выраженным локативным падежом на *-к* «на наклонной поверхности»: *хийалди- к хьас* «быть задумчивым» (*хийал* «мысль, дума» и *хьас* «быть, становиться»), локативным падежом на *-л* «на горизонтальной поверхности»: *ракъ'ул-и хьас* «собираться в путь» *(ракъ'* «дорога» и *хьас* «становиться»), а также направительным: *дарсунии-ди ахъекъвас* «присутствовать на уроке, придти на урок (при открытом уроке)» (*даре* «урок» и *ахъекъвас* «сесть сзади») и исходным падежами, ср. *ахуникес кетIас* «проснуться» (*ахун .* «сон» и *кетIас* «отрезать»).

Составные глаголы с компонентом акъас «делать»

В агульском языке подавляющее большинство составных (аналитических) глаголов представляют собой образования с постпозитивным глаголом *акъас* «делать». Он выполняет различную функцию в составе двухкомпонентных глаголов. В одних случаях он активизирует нейтральную глагольную основу, в других выполняет грамматическую функцию глагольности, в третьих случаях он играет одинаковую роль с именным компонентом в образовании общего значения составного глагола. Наряду с превербами в качестве словообразовательного аффикса З.К. Тарланов выделяет вспомогательный глагол *акъас.* Он пишет: «Аффиксами словообразования агульский глагол не богат. Среди активно используемых можно отметить лишь так называемые превербы, изоморфные формантам локативных падежей и служащие для пространственной характеристики действия, а также некоторые вспомогательные глаголы типа – *акъас* (лезг. *авун,* таб. *апIуз* и т.д.), часто выступающие как средства синтаксического словообразования. Вопросы, связанные с их описанием, должны быть рассмотрены отдельно» [Тарланов 1994 : I84].

В составных глаголах с компонентом *акъас* «делать» между словами, образующими данные двухкомпонентные словообразовательные модели складываются различные семантические отношения. На этой основе все аналитические образования с глаголом *акъас* делятся на три группы.Основное значение составного глагола выражает именной компонент, а глагольный компонент выполняет грамматическую функцию – придает словосочетанию вербальный характер, ср. *шурук* «клевета» → *шурук акъас* «клеветать»; *къавахIан* «упрек» → *къавахIан акъас* «упрекать»; *къадагъа* «запрет» → *къадагъа акъас* «запрещать»; *уълуъхIуъм* «припой» → *уълуъхIуъм акъас* «спаять, припаять»; *уътIул* «узел» → *уътIул акъас* «сделать узел»; *гъарай* «крик» → *гърай акъас* «кричать»; *чакмачивел* «занятие сапожника, сапожничание» → *чакмачивел акъас* «сапожничать»; *чIиреф*

«испорченный» → *чIир акъас* «испортить»; *гъалат!* «ошибка» → *гъалатI акъас* «ошибаться»; *гъара* «грабеж» → *гъара акъас* «грабить»; *фатфа* «подстрекательство» → *фатфа акъас* «подстрекать»; *къуртI* (звукоподражательное слово) «квохтанье» → *къуртI акъас* «квохтать»; *васийат* «завещание» → *васийат акъас* «завещать»; *хийал* «дума, мысль» → *хийал акъас* «думать»; *лихун* «работа» → *лихун акъас* «работать»; *лихъун* «танец» → *лихъун акъас* «танцевать»; *хабар* «вести, известие, сообщение» → *хабар акъас* «известить, сообщить»; *чIукъ* «мало» → *чIукъ акъас* «убавить»; *шад* «радостный» → *шад акъас* «обрадовать»; *шак* «подозрение» → *шак акъас* «подозревать» и др.

В словообразовательной модели «имя + глагол» семантическая сцепка компонентов может быть выражена в разной степени. Здесь встречаются и такие единицы, у которых сумма значений компонентов и общее значение не совпадают, что усиливает устойчивость аналитических форм, ср. *ниъ акъас* «нюхать» (букв. «запах делать»); *пай акъас* «делить» (букв. «часть делать»); *гудж акъас* «совершить насилие» (букв. «силу делать»); *хъир акъас* «пожениться» (букв. «жену делать») и др.

1. В двухкомпонентной словообразовательной модели *«глагол + глагол»* глагольный компонент *акъас,* как и **в** модели *«имя + глагол»,* занимает постпозицию. **В** такой модели («*глагол + глагол»)* второй компонент *(акъас)* активизирует действие глагола, переводит его из пассивного в активный, ср. *уьцIас* «растопиться» → *уьцIас акъас* «растопить»; *утIас* «гнить» → *ут/ас акъас* «гноить»; *гъишас* «бежать» → *гъишас акъас* «обратить в бегство»; *фачакъвас* «приближаться вплотную» → *фачакъвас акъас* «приблизить вплотную»; *хъугъас* «верить» → *хъугъас акъас* «убеждать»; *кикъвас* «Соединиться» → *кикъвас акъас* «соединить, «прицепить»; *ъ 'ашас* «мокнуть» → *ъ 'ашас акъас* «мочить» и др.

3. Среди аналитических глаголов (модель «имя + глагол») с компонентом *акъас* «делать» встречаются и такие образования, у которых именной компонент в агульском языке отдельно не встречается, ср. *духIуба акъас* «поменять»; *табагъ акъас* «дубить»; *джуфттар акъас* «брыкаться»; *завал акъас* «собирать».

Составные глаголы с именным компонентом, выраженным соматонимом Некоторые наименования, связанные с определенными процессами, в агульском языке передаются аналитическими формами глагола с именным компонентом, выраженным соматизмом. Они обозначают единые неделимые понятия, связанные с различным состоянием человека и его действиями: *чIепI акъас* «хлопать» (букв. «хлопок делать»), *цамп акъас* «сделать шаг» (букв. «шаг делать»), *ул афирхIас* «мигнуть, моргунть». Глагольный компонент у таких устойчивых комплексов часто носит метафорический характер и потому эмоционально окрашен, ср. *джилар фацас* «охрипнуть, потерять голос» (букв. «голосовые связки держать»); *мухур хъархъас* «кашлйть» (букв. «грудь отпасть»); *ибур алийанас* «слушаться» (букв. «ухо положить»); *ибур ахъихъас* «слушать» (букв. «ухо положить за...») и др.

Составные глаголы, обозначающие древние производственные процессы

Значение словообразования для истории того или иного языка неоспоримо. Многие номинации проливают свет на уклад жизни и хозяйственную деятельность

народа. Особенно это касается составных наименований, какими являются аналитические глаголы. Благодаря глагольным составным наименованиям агульского языка раскрываются некоторые стороны быта агулов, так например, благодаря понятию «бороновать» – *кул дивас* – становится известным, что в прошлом агульцы пользовались кустом, которым водили по вспаханному участку. Агульская фразеологическая единица *кул дивас* буквально обозначает «куст тянуть». К земледельческой деятельности относятся и такие составные глагольные наименования как *тум узас* «засевать» (букв. «семена сеять», *къур алирхIас* «сбивать зерно с колосьев» (букв. «зерно бросать на...»). Другие занятия агулов отражены в следующих аналитических формах глагола: *къудакъ ккейхьас* «снимать со шкуры шерсть» (букв. «овчинку соскрести, снимать, очищать»), *тIаб хъикIас* «запереть (дверь)» (букв. «пень, кряж запереть»), *тIабар гьахъас* «поставить капкан, мышеловку» (букв. «капкан, мышеловку сыпать перед...»), *чапар дивас* «загородить» (букв. «плетень тянуть») и др.

Модель «имя прилагательное + глагол»

Данную модель отличает от предыдущей тем, что глагольные компоненты, сочетающиеся с адъективными компонентами, ограничены двумя вспомогательными глаголами *акъас* и *хьас.* Такие составные наименования обозначают различные процессы, действия и состояния. Основное значение словосочетания содержится в адъективном слове. Глаголы *акъас* и *хьас* семантически опустошены и служат для выражения грамматического значения вербальности. Первый из них придает действию активный характер и здесь на лицо воля деятеля, а словосочетания с недостаточным глаголом *хьас* выражают непроизвольное действие, ср. *куче акъас* «подогревать» *(куче* «горячий», *акъас* «делать») и *куче хьас* «нагреваться» *(куче* «горячий» и *хьас* «становиться»); *инанмиш акъас* «уверять, убеждать» *(инанмиш* «верящий») и *инанмиш хьас* «верить»; *мертт акъас* «чистить» *(мертте* «чистый») и *мертт хьас* «быть чистым»; *шад акъас* «обрадовать» *(шадф* «радостный») и *шад хьас* «обрадоваться»; *ъ'ар акъас* «опорожнить» *(ъ'ареф* «пустой, порожний») и *ъ'ар хьас* «опорожниться»; *ъ'абаб акъас* «заставить онеметь» *(ъ'абабф* «немой» и *ъ'абаб хьас* «онеметь»; *сакин акъас* «успокоить» *(сакинф* «спокойный») и *сакин хьас* «успокоиться»; *сагъ акъас* «вылечить» *(сагъф* «здоровый») и *сагъ хьас* «вылечиться»; *чIир акъас* «испортить» *(чIиреф* «испорченный») и *чIир хьас* «испортиться»; *вардиш акъас* «приучать, прививать навыки» *(вардишф* «привыкший») и *вардиш хьас* «привыкнуть»; *мутIагI акъас* «подчинить» *(мутIагIф* «подчиненный») и *мутIагI хьас* «подчиниться»; *хIа акъас* «растить» *(хIаф* «большой») и *хIахъас* «расти, стать большим».

Однако не всегда значения у составных наименований с компонентами *акъас* и *хъас* различаются только на основе активности и инактивности выражаемого действия. Эти различия между ними могут быть более существенными ср. *дуз акъас* «выпрямлять, выравнивать, исправлять» *(дузф* «прямой») и *дуз хьас* «подходить (к чему-л.)»; *батIар акъас* «починить, поправить, заштопать» *(батIарф* «красивый») и *бат!ар хьас* «приобрести хороший вид»; *джуре акъас* «отделить (например, молодую

семью)» [*джуреф* «иной, другой, посторонний»] и *джуре хъас* «развестись». Такое положение, очевидно, объясняется омонимией семы, выражаемой прилагательным.

Представлены и случаи, когда составные наименования с указанными глагольными компонентами выражают одно и то же понятие: *тегIде акъас / тегIде хъас* «торопиться» *(тагIдеф* «быстрый»). В отдельных примерах представлен только один член корреляции *{акъас–хъас): ъ'гвал хъас* «жалеть» *(ъ 'агвалф* «жалкий»).

Модель «глагол + глагол»

Данную модель образуют в основном составные образования каузативного характера. Основное значение сосредоточено в препозитивном глаголе, а второй компонент таких сочетаний представляет глагол *акъас* «делать», активизирующий действие, выраженное первым глаголом. Оба компонента таких структур имеют форму инфинитива: *утIас* «гнить» → *утIас акъас* «гноить»; *гъишас* «бежать» → *гъишас акъас* «обратить в бегство»; *фачакъвас* «приближаться вплотную» → *фачакъвас акъас* «приближать вплотную»; *хъугъас* «верить» → *хъугъас акъас* «убеждать»; *кикъвас* «цепляться, приклеиваться» → *кикъвас акъас* «соединять, приклеить»; *ъ'ашас акъас* «намочить»; *уъцIас* «растопиться» → *уъцIас акъас* «растопить» и др.

Очень редки формы некаузативного образования. Здесь представлено составное наименование, первый компонент которого имеет форму повелительного наклонения, а второй компонент инфинитива: *тин пас* «просить (что-либо без намерения вернуть)» (букв. «дай сказать»). В содержательную структуру наименования оба компонента вносят одинаковый вклад.

Модель «наречие + глагол»

В составных наименованиях с наречным препозитивным компонентом основное значение выражается наречием: *хаб алдаркас* «вернуться, возвращаться» (букв. «обратно повернуть»); *чукъ акъас* «убавить» (букв. «мало сделать»); *хаб адес* «вернуться» (букв. «обратно придти»); *хаб акъас* «повернуть назад; подать (машину) назад» (букв. «обратно сделать»); *кьана акъас* «опаздывать» (букв. «поздно сделать»); *чIукъ хъас* «не доставать, не хватать» (букв. «мало становиться»).

Трехкомпонентные модели

Трехкомпонентные модели, в отличие от двухкомпонентных, встречаются реже. Они представляют собой в основном устойчивые сочетания: «имя существительное в дательном падеже + имя существительное в именительном падеже + глагол» – *кIилис чара акъас* «спасаться» (букв. «голове найти выход из положения»); «прилагательное + имя существительное в именительном падеже + глагол – *чIирхIа чIалар пас* «ругаться, сквернословить» (букв. «плохие слова сказать»).

Среди трехкомпонентных глагольных составных наименований встречаются единицы, у которых именной компонент выражен композитом – удвоенным словом:

джар-джар хъас «слоиться» (*джар-джар* «слоями» + *хъас* «становиться»); *парча-парча акъас* «разорвать на куски» (*парча-парча* «по кускам» + *акъас* «сделать»); *парча-парча хъас* «разорваться на куски» (*парча-парча* «по кускам» + *хъас* «становиться»).

Фонетическая специализация

Некоторые из глагольных номинаций образованы на основе фонетического обособления: сходные по семантике глаголы различаются исключительно вариативными формами одной и той же фонемы, ср. *ухас* «пить» и *ухъас* «сосать (грудь)». О роли фонетического обособления в словообразовательном процессе лезгинского языка ранее высказался Р.И. Гайдаров [см. 1966]. Данный способ словообразования был продемонстрирован на материале восточно-лезгинских языков [см. Сулейманов 2000].

Семантические преобразования глаголов «повернуть назад; подать (машину) назад» (букв. «обратно сделать»); *кьана акъас* «опаздывать» (букв. «поздно сделать»); *чIукъ хъас* «не доставать, не хватать» (букв. «мало становиться»).

Образование глаголов при помощи превербов

В глагольном словообразовании агульского языка важное место принадлежит превербам. При характеристике глагольных превербов встает вопрос о соотношении их с серийными показателями или показателями местных падежей в именах существительных. Генетически они восходят к одному источнику, на что было указано еще А.М. Дирром [1905: 55], впоследствии – К. Боуда [1939].

Рассматривая вопрос об изоморфизме, З. К. Тарланов отмечает, что «Чем дальше от нашего времени, тем строже и последовательнее проявление этой закономерности (соответствие аффиксов местных падежей глагольным превербам – *прим.авт.*). Из современных восточнолезгинских языков она полностью подтверждается агульским» [Тарланов 1980: 67–77].

Показатели местных падежей и пространственные превербы в агульском языке полностью совпадают как по своей форме, так и по содержанию. Они указывают на различное расположение предмета в пространстве; в агульском языке их насчитывается восемь единиц: *ъ-* «в, внутри (полого пространства)», *хъ-* «за кем-, чем-либо», *гъ-* «перед, спереди», *гъ'-(гI~)* «между кем-, чем-либо», *кк-* «под кем-, чем-либо», *к-* «на вертикальной плоскости», *л-* «на горизонтальной плоскости», *в-(ф-)* «рядом, около кого-, чего-либо». Однако функциональные возможности глагольных превербов, в отличие от послелогов (серийных показателей), шире. В именах существительных показатели местных падежей в основном выполняют словоизменительную функцию [замена одного показателя местного падежа другим в именах отражает только изменения, происшедшие в связи с локализацией предмета в пространстве: *сала-хъ* «за сараем», *салагъ* «перед сараем», *сала-кк* «под сараем», *сала-в* «рядом с сараем» и т.д.; в единичных случаях в агульском языке показатель местного падежа может выполнять словообразовательную функцию – это в случаях,

когда отдельные формы слов лексикализуются, например: *тIуб* «палец» → *тIубу-л* «на пальце» → *тIубул* «кольцо (предмет украшения)»].

В отличие от имен существительных, где замена простого показателя местного падежа другим показателем ведет лишь к изменению локализации предмета в пространстве, не затрагивая содержательной структуры слова, варьирование превербов в глаголе может привести к кардинальным изменениям значения глагола: *ъи-кIас* «сунуть (в полое пространство)» *хъи-кIас* «запереть» *али-кIас* «надеть» и др.

В агульском языке, как было сказано выше, представлены восемь превербов, которые, присоединяясь к той или иной глагольной основе привносят различные оттенки значений. Продемонстрируем это на глаголе *хъас* «быть, становиться»: *ъ-ихъас* «бросить (в полое пространство)», *хъ-ихъас* «положить сзади», *аф-ихъас* «бросить, положить сбоку», *ал-ихьас* «положить на горизонтальную плоскость», *кк-ихъас* «положить, подложить снизу», *к-ихъас* «повесить», *гI-ыхъас* «бросить между кем-либо, чем-либо» *гь-ихьас* «положить спереди кого-, чего-либо».

В различных диалектах агульского языка возможно различие в передаче координации между именным и глагольным компонентами при изоморфизме. Согласно наблюдению Н.Д. Сулейманова, «В диалектах агульского языка наблюдаются функциональные различия в употреблении глагольных превербов, они отмечаются даже в пределах одного и того же диалекта, например, ср. соб.-аг. *чукъваригI аг/акьвас* (речь села Тпиг) и *чукъвариъ ъикьвас* (речь села Кураг) «сесть на арбу» [Сулейманов I993 : 101].

В диалектах же имеет место различие в объеме содержания того или иного преверба. Так, к примеру, преверб *хъ-* помимо своего основного значения «позади кого-, чего-либо, за кем-, чем-либо» в керенском диалекте выражает и повторное действие, ср. речь села Рича: *пас* «сказать» → *хъу-пас* «вновь сказать, повторить» *хъу-пI* «повтори!»; *рухас* «читать» → *хъу-рухас* «перечитать». Ср. отр. ф. ду-рухас - *хъу-д-рухас, ликIес* «писать» → *хъу-ликIес* «писать вновь». Ср. отр. ф. *ди-ликIес* - *хьу-д-ликIес; акъас* «делать» → *хъ-акъас* «переделать; починить» *ухас* «пить» → *хъ-ухас* «вновь пить» *угас* «гореть; жечь» *хъ-угас* «вновь гореть; чесаться».

В собственно агульском диалекте повторность действия в глаголе выражается наречным словом *хъара* «еще; вновь», которое предшествует основному глаголу. Здесь необходимо отметить некоторые модальные оттенки, которые могут отсутствовать, например: *пас* «сказать» → *хъара пас* «повторить», *хъара уп!* «повтори!» *хурас* «читать» → *хъара хурас* «перечитать» *ликIенас* «писать» → *хъара ликIенас* «писать вновь» *акъас* «делать» → *хъара акъас* «повторно, дополнительно делать» *ухас* «пить» → *хъара ухас* «вновь пить»; *угас* «гореть; жечь» → *хъара угас* «вновь жечь, вновь гореть».

«Элемент *хъ,* – пишет А.А. Магометов, – выражающий категорию повторности в ряде говоров агульского языка, выступая в качестве преверба, видимо, получен из наречия *хъара* «вновь» [Магометов 1970: 164].

Количество пространственных превербов в зависимости от диалектов может быть и меньшим, как, например, в квардальском и усугском говорах керенского диалекта, в хпюкском самостоятельном говоре. Здесь «Речь идет о пространственных превербах *к-* «на наклонной плоскости» и *кк-* «под», которые в данных локальных

единицах не различаются материально и передаются посредством *к-*. Такое неразличение данных форм наблюдается в лезгинском и рутульском языках. Ср. кер. *зе шавларик чирнил к-ийа* «на моих брюках находится чернильное пятно» и *зе кIеник усттул кийа* «подо мной находится стул»; *соб.аг. зе шавларик чирнил к-ейа и закк усттул кк-ейа*» [Сулейманов 1993: 162].

Помимо пространственных превербов, в словообразовании агульского языка большую роль играют направительные превербы. В агульском языке представлены четыре направительных преверба, которые указывают на направления в двух плоскостях – вертикальной и горизонтальной: *гъ* «вверх» *д (р, и)* «вниз» *ч* «к ориентир» (по горизонтали), *д (тт)* «от ориентира» (по горизонтали) [см. Сулейманов I980]. В агульском языке, как и в даргинском, где превербная система хорошо развита, направительные превербы, обычно, следуют за пространственными:

-гъ- «вверх» / *-д-* «вниз» *хъа-гъи-кас* «погнать (за что-либо... вверх)» - *хъа-да-й-кас* «погнать (за что-либо ... вниз)»;

фа-гъи-кас «погнать (рядом ... вверх)» / *фа-да-й-кас* «погнать (рядом ... вниз)»;

кке-гъи-кас «погнать (под ... вверх)» / *кке-да-й-кас* «погнать (под'... вниз)»;

ке-гъи-кас «погнать (по вертикальной плоскости вверх)» / *ке-да-й-кас* «погнать (по вертикальной плоскости вниз)»;

гIа-гъи-кас «погнать (между чем-нибудь ччерх)» / *гIа-да-й-кас* «погнать (между чем-нибудь вниз)»;

ал-гъи-кас «погнать (на верх)» / *ал-да-й-кас* «согнать (вниз)» *гъа-гъи-кас* «погнать (спереди вверх)» - *гъа-да-й-кас* «погнать (спереди вниз)»;

ъа-гъи-кас «погнать (в полое пространство вверх) / *ъа-да-й-кас* «погнать (в полое пространство вниз)»;

-ч- «к ориентиру» (по горизонтали) / *-д-* «от ориентира» (по горизонтали);

хъу-чи-кас «поганть (за...)» / *хъа-ди-кас* «отогнать (из-за...)»; *фа-чи-кас* «пододвинуть вплотную» / *фа-ди-кас* «отодвинуть»; *кки-чи-ксю* «подсунуть» / *кке-ди-кас* «извлечь (из-под...)»; *ки-чи-кас* «подсунуть (по вертикальной плоскости)» / *ке-ди-кас* «извлечь (по вертикальной плоскости)»;

ал-чи-кас «натравить» / *ал-ди-кас* «отогнать»; *гIа-чи-кас* «загнать (между...)» / *гIа-ди-кас* «выгнать (промеж...)»; *гъу-чи-кас* «продвинуть (вперед)» / *гьа-ди-кас* «убрать (спереди)»; *ъа-чи-кас* «загнать (скот)» / *ъа-ди-кас* «выгнать (скот)».

В диалектах и говорах агульского языка направительные превербы претерпевают различные фонетические изменения. Направительный преверб *-д* со значением «вниз» трансформируется в соответствующую геминату *тт* (в фитинском самостоятельном говоре), в *-р* (в цирхинском самостоятельном говоре), в – ноль звука (в керенском и гехюнском диалектах, в хпюкском самостоятельном говоре и некоторых говорах собственно агульского диалекта). В речи некоторых говоров собственно агульского диалекта (Тпиг, Хутхул) *д* в зависимости от позиции в слове не изменяется или трансформируется в ноль звука.

Направительный преверб *д* со значением «от ориентира» (по горизонтали) трансформировался в *тт* или сохранился без изменений в речи села Тпиг, изменился в *тт* или дал редукцию звука в гехюнском диалекте, в некоторых говорах керенского диалекта, в хпюкском самостоятельном говоре, а также в некоторых говорах

собственно агульского диалекта. В фитинском самостоятельном говоре *д* перешел в *т.*

В кошанском же диалекте представлены направительные превербы «от ориентира» (который здесь, как и в фитинском говоре, трансформировался в негеминированный *т),* «вверх» *(гI).* Направительный преверб *д* со значением «вниз» в кошанском диалекте изменился в соответствующий геминированный *тт.* Помимо направительного преверба» от ориентира» в форме *т(← *д),* общий с другими диалектами агульского языка, в кошанском представлен так же направительный преверб в форме *къ,* который употребляется только в значении «от ориентира (изнутри)». Здесь (в кошанском диалекте) отсутствует направительный преверб *ч* «к ориентиру», представленный в других диалектах и говорах агульского языка:

ъа-хис «войти» – *ъа-къа-хис* «выйти»,

хъа-хис «подойти (сзади...)» – *хъа-т-хис* «отойти (сзади...)»,

гIа-хис «подняться» – *атта-хис* «спускаться»,

ала-хис «идти (на ... по горизонтальной плоскости)» – *ал-т-хис* «сойти» (с горизонтальной плоскости)»,

гI-ала-хис «подняться (на...)» – *ал-тта-хис* «спускаться (с ...)»,

ъа-р-кас «загнать (скот)» – *ъа-къа-р-кас* «выгнать (скот)», *гIа-р-кас* «загнать (между чем-либо)» – *гIа-къа-р-кас* «выгнать (между...)», *ала-р-кас* «натравить» - *атта-р-кас* «отогнать»,

гIа-р-кас «погнать (вверх...)» – *атта-р-кас* «согнать (вниз...)» [Сулейманов I980].

В кошанском диалекте направительные превербы не так продуктивно образуют новые глаголы, то есть не так свободно присоединяются к глагольному корню, как в других диалектах агульского языка (например, в собственно-агульском).

Наряду с направительными превербами, встречающимися в составе сложных превербов (а их подавляющееся большинство), в агульском языке можно обнаружить простые (не осложненные пространственными превербами) направительные превербы, присоединенные к непроизводным глагольным основам. Если сложные превербы легко вычленяемы из состава глагольной основы, то выделение простого направительного преверба из состава глагольной основы сопряжено с некоторыми трудностями. Здесь метод, применяемый для вычленения сложного преверба, не годится. Направительный преверб в составе сложных превербов в какой-либо глагольной основе можно проследить на восьми примерах (столько же, сколько пространственных превербов), подменяя один пространственный преверб другим:

ъи-хъас «бросить» (в полое пространство)» – *ъа-гъи-хьас* «бросить (в полое пространство ... вверх)»;

али-хьас «поставить (на печь кастрюлю)» – *ал-гъи-хъас* «поднять (на...)»;

гIи-хъас «бросить (между чем-либо)» – *гIа-гъи-хъас* «поднять (между чем–либо)»;

кки-хъас «подложить (под что-либо)», «подложить (под что-либо наверху)»;

ки-хьас «повесить» (сверху с вертикальной плоскости)» – *афи-хьас* «положить (вплотную)» (наверху, вплотную)»;

гъи-хъас «бросить (вперед)» (вперед наверх)» – *хъи-хъас* «положить (позади)»;

гьа-гъи-хьас «бросить вверх перед чем-либо; «подняться вверх по подъему *(рекъуьлди гьагъихьас»)*

хъа-гъи-хьас «вскинуть вверх что-либо, находящееся позади чего-либо» (*унетIар хъагъихьас* «брови вскинуть», *гам хъагъихьас* «отпереть засов вверх»);

ке-гъи-хъас «снять что-либо плотно сросшееся, выросшее: *луз кегъихьас* «штукатурку снять»; *узуттар кегъихьас* «посеянное срезать, снять»;

фа-гъи-хъас «кинуть, положить рядом, бросив его снизу вверх»;

кке-гъи-хъас «снять, положить (снизу наверх)»

Для выявления простого направительного преверба необходимо учитывать семантическую сторону. В словах с семантикой, связанной с движением вверх, мы обнаруживаем аффикс *гъ:*

гъайшас «подняться, встать», ср. данный глагольный корень *-ш-* с сложными превербами, в составе которой присутствует направительный преверб *-гъ-: хъа-гъа-й-шас* «вспрыгнуть сзади вверх...», *кки-гъа-й-шас* «прыгнуть под что-либо вверх....»;

гъайкас «поднять (например, стаю птиц)»; «устраивать свадьбу», ср. *ъа-гъи-кас* «погнать вверх в полое пространство», *хъа-гъи-кас* «погнать сзади вверх» ;

гъадивас «поднять», ср. *хъа-гъ-дивас* «поднять сзади», *ал-гъа-дивас* «поднять (на горизонтальную плоскость)», «натянуть», *гIа-гъ-дивас* «поднять между...»;

гъузанас /гъузас «стоять»;

гъирхIас «находиться в вертикальном положении» и т.д. В слове, обозначающем «открывать (например, дверь)», в агульском языке, в зависимости от диалектов, имеем форму с направительным превербом и без него: соб.-аг. *да-хъас,* кер. *ахъ-урас,* ср. лезг. *ахъ-ай-ун.*

В данном случае наличие направительного преверба, указывающего на движение, которое направлено «от ориентира», мотивировано тем, что в глагольной форме *ал-ча-кьас* «закрыть» с противоположным значением, выступает преверб *-ч-*, антонимичный направительному превербу *д.*

Необходимо отметить тот факт, что в агульском языке представлена картина неравномерного распространения \ направительных превербов в диалектах. Наиболее полно они представлены в центральном ареале распространения агульского языка (собственно-агульский диалект). Весьма ущербными оказались направительные превербы с указанием на движение, направленное «к ориентиру» и «вниз»: первый из них не представлен в кошанском диалекте, а второй – в гехюнском, керенском диалектах, в хпюкском говоре, в речи села Мисси. В кошанском диалекте, в отличие от других диалектов агульского языка, движение, направленное «от ориентира», передается дифференцированно: при помощи направительного преверба *къ,* который служит для передачи направления «от ориентира (изнутри)» и *-т- (← д)* – для передачи движения, направленного «от ориентира (вообще)» [см. Сулейманов I980 : 205].

В агульском языке направительный преверб со значением «к ориентиру» стоит при направительном падеже, а направительный преверб со значением «от ориентира» – при исходном падеже, например: *Малар салаа-ди ъа-чи-к!* «Загони скот в хлев!» и *Малар салаъ-ас ъа-ди-к!* («Выгони скот из хлева!».

Направительный преверб со значением «вверх» стоит при направительном падеже, а направительный преверб со значением «вниз» – при исходном: *Малар майданал-ди агъи-кI*«Выгони скот на площадь (вверх)» и *Малар майданил-ас ада-йкI* «Погони скот с площади (вниз)!» В диалектах же, где отсутствуют направительные падежи, направительные превербы со значением «к ориентиру» и «вверх» стоят при локативных падежах [Сулейманов I980: 208].Деривация глаголов при помощи отрицательных и запретительных частиц Отрицательные и запретительные частицы также участвуют в словообразовании агульского языка. В глаголе они стоят перед основой.

Сначала рассмотрим глаголы с отрицательной частицей. В роли отрицательной частицы в агульском языке выступает д-: *агвас* «видеть» – *д-агвас* «не видеть» *адес* «придти» – *д-адес* «не приходить»; *архас* «крошить, кромсать, шинковать» – *д-архас* «не крошить, не кромсать, не шинковать»; *архIас* «стричь (овец)» – *д-архIас* «не стричь (овец)» *атас* «оставить» – *д-атас* «не оставить» *атIас* «резать» – *д-атIас* «не резать» *ацIас* «наполняться» – *д-ацIас* «не наполняться».

Если глагол начинается с согласного, то между отрицательной частицей *д-* и глагольной основой появляется вставочный гласный *а,* например: *вес* «идти» – *д-а-вес* «не идти»; *хьас* «стать, становиться» – *д-а-хъас* «не стать, не становиться» *йес* «дать» – *д-а-йес* «не дать»; *гъузанас* «стоять» – *д-а-гъузанас* «не стоять» и др. В глаголах, оформленных окаменелыми классными показателями, в зависимости от диалектов отрицательная частица может предшествовать им или вклиниваться между ними, ср.: соб.-аг. *йирхIас* «бить, ударять» – *да-йирхIас* «не бить, не ударять», но кер. *йарх'ас* «бить, ударять» – *йа-да-рх'ас* «не бить, не ударять».

«В агульских глаголах с превербами отрицательная частица вставляется между превербом и корневой морфемой, в некоторых случаях сложные превербы могут быть расчленены указанной частицей» [Сулейманов 2000:245]. Примеры: ср. *алархъас* «упасть» – *ал-д-архъас алгъархъас* «попасть на поверхность» – *алгъа-д-архьас гъархъас* «упасть (спереди)» – *гъа-д-архьас/хъучархъас* «достигать, догнать» – *хъуча-д-архьас,* но алайчIвас *«слезать» – ал-д-айчIвас* «не слезать».

Рассмотрим отрицательную частицу *д* в парадигматическом ряду образованном при помощи глагольных превербов. Возьмем глагол *дивас* «тянуть» – *д-а-дивас* «не тянуть»; *ача-дивас* «втащить (по горизонтали)»; *атт-дивас* «вытащить (по горизонтали)» – *агъ-дивас* «тащить (вверх)» *ада-дивас* «тащить (вниз)»; *ача-да-дивас, атт-да-дивас, агъ-да-дивас, ада-да-дивас, кки-ча-дивас* «тащить (под что-, кого-либо)» ; *хъу-ча-дивас* «тащить (за что-, кого-либо)» – *ал-ча-дивас* «тащить (на что-, кого–либо)» – *гьу-ча-дивас* «подтянуть (вперед)» *фа-ча-дивас* «подтянуть (к ...)» *гIа-ча-дивас* «тянуть (между...)» *ъа-ча-дивас* «тянуть (внутрь ...)» *ки-ча-дивас* «тащить (по верт. пл.)», *кки-ча-да-дивас* « не подтягивать под себя», *хъу-ча-да-дивас* «не подтягивать к себе», *ал-ча-да-дивас* «не натягивать на себя», *гьу-ча-да-дивас* « не придвигать к себе», *фа-ча-да-дивас* «не притягивать, прижимать к себе (рядом с собой)», *гIа-ча-да-дивас* «не тянуть в середину, между чем-либо», (*ъ)а-ча-да-дивас* « не втягивать вовнутрь», *ки-ча-да-дивас* « не подкладывать под себя», *кке-тт-дивас* «не вытащить (из-под)» *хъа-тт-дивас* «отпереть, оттащить (сзади)» - *ал-тт-дивас* «снять (с гор. пл.)», *кке-тт-да-дивас хъа-тт-да-дивас ал-тт-да-дивас, гъа-тт-дивас*

«убрать (спереди) – *гъа-тт-да-дивас, фа-тт-дивас* «убрать (от...)» – *фа-тт-да-дивас, гIа-тт-дивас «*убрать (между...)» – *гIа-тт-да-дивас, ъа-тт-дивас* «вынуть (из полого пространства)» – *ъа-тт-да-дивас, ке-тт-дивас* «снять (с верт. пл.)» – *ке-тт-да-дивас //кке-гъ-дивас* «вытащить (из-под ... вверх)» – *кке-гъ-да-дивас, хъа–гъ–дивас* «вытащить (из-за ... вверх)» – *хъа-гъ-да-дивас, ал-гъа-дивас* «вытащить (на гор.пл. ... вверх)» – *ал-гъа-да-дивас, гьа-гъ-дивас* «вытащить (спереди ... вверх)» – *гьа-гъ-да-дивас, фа-гъ-дивас* «вытащить (от ... верх)» – *фа-гъ-да-дивас, гIа-гъ-дивас* «вытащить (между ... вверх)» – *гIа-гъ-да-дивас ъа-гь-дивас* «вытащить (из полого пространства... вверх)» – *ъа-гъ-да-дивас, ке-гъ-дивас* «вытащить (по верт. пл. ... вверх)» – *ке-гь-да-дивас, кке-да-дивас* «тащить (из-под ... вниз)» – *кке-да-да-дивас хъа-да-дивас* «тащить (из-за ... вниз)» – *хъа-да-да-дивас ал-да-дивас* «тащить (с гор. пл. ... вниз)» – *ал-да-да–дивас,* гъа-да-дивас *«тащить (спереди ... вниз)»* – гъа-да-да-дивас фа-да-дивас *«тащить (от ... вниз)»* – фа-да-да-дивас, *гIа-да-дивас* «тащить (между ... вниз)» – *гIа-да-да-дивас ъа-да-дивас* «тащить (из полого пространства... вниз)» – *ъа-да-да-дивас ке-да-дивас* «тащить (по верт. пл. ... вниз)» – *ке-да-да-дивас.*

Определенное место в глагольном словообразовании агульского языка занимает отрицательная частица ***м,*** которая присоединяется к глагольной основе. При образовании запретительной формы от простой основы запретительная морфема занимает начинальную позицию: *дивас* «тянуть» – *ма-дива* «не тяни» *ликIенас* «писать» – *ма-ликIен* «не пиши»; *ухас* «пить» – *м-уха* «ней пей»; *вес* «идти» – *ме-ва* «не иди»; *гъас* «принести» – *ма-гъа* «не приноси»; *гъуйанас* «брать, покупать» – *ма–гъуйана* «не бери, не покупай»; *атIас* «резать, порвать» – *м-атIа* «не режь, не рви»; *хурас* «читать» – *ма-хурана* «не читай»; *хъас* «стать, становиться» – *му-хьа* «не становись»; *укъас* «драться» – *м-укъа* «не дерись».

В тех случаях, когда глагольная основа осложнена превербом, запретительная морфема занимает позицию между превербом и глагольной основой, например: *ахъи-хъас* «гнаться» – *ахъи-ми-хьа* «не гонись» *ахъу-тIанас* «ждать» – *ахъу-му-тIана* «не жди» *ахъу-чIас* «сесть сзади (кого, чего-либо)» – *ахъу-му-чIа* «не садись сзади (кого-, чего-либо)» *фади-хъас* «бросить» – *фад-ми-хьа* «не бросай» *фагъ-вес* «подниматься (рядом...)» – *фагъ-ме-ва* «не поднимайся (рядом...)»; *ккеди-хъас* «уничтожить, истребить» – *ккед-ми-хъа* «не уничтожай, не истребляй»; *куъчу-чIас* «подлезть» – *куъчу-му-чIа* «не подлезай»; *гIача-гъас* «вносить» – *гIача-ма-гъа* «не вноси»; *гIа-тас* «подливать» – *гIа-ма-та* «не подливай»; *гъу-чIас* «влезать (спереди)» – *гъу-му-чIа* «не влезай (спереди)».

В хпюкском говоре агульского языка запретительная морфема всегда выступает в препозиции: *хьас* «быть, становиться» – *ма-хъа кIес* «убить; умереть» – *ма-кIе хъар-хIас* «толкнуть; стучать» – *ма-хъархIа.*

В хпюкском же говоре, как и в керенском диалекте, в отличие от других локальных единиц, существует еще один способ образования запретительной формы глагола. Здесь запретительная форма глагола образуется от масдара при помощи глагола *макьа* «не делай».

Примеры: кер. *руху макьа* «не читай» (букв. «чтение не делай»), *рукку макьа* «не режь» (букв. «резание не делай»), *кихьу макьа* «не пиши» (букв. «писание не делай»);

хп. *хъархIу макьа* «не толкай», *гъуджу макьа* «не бери» и т.д. [см. Сулейманов 1993: 155].

Каузативное словообразование

Каузатив в агульском языке подобно другим лезгинским языкам употребляется в узком и широком смысле. В узком значении переходному глаголу благодаря каузативу придается значение действия, пополняемого по поручению, принуждению, то есть действие глагола опосредовано третьим лицом [см. Топуриа 1975]. Каузатив в узком смысле образуется описательным (аналитическим) способом.

В агульском языке казутив образуется при помощи глагола *хъучикас* «заставить» или *акъас* «делать» [Магометов 1970: 158].

Примеры: *Дада зун хурас хъучикуне* «Отец заставил меня учиться». *Су с хулаъди адегуна, вун те курар акъас хъучик* «Когда невеста придет домой, ты ее заставь работать». *Зун вун дадавди йирхIас акъасе. «Я* заставлю отца побить тебя».

В широком смысле кузатив обозначает активизацию нейтральной глагольной основы, служит средством изменения непереходного глагола в переходный. Каузатив в широком значении передается органическими формами, то есть имеет морфологическое выражение. В лезгинском языке морфологическое выражение каузатив получает в префиксах и суффиксах – исторических классных' показателях. В качестве каузативного форманта здесь выступают аффиксы *д (тт), р (→й),* которые встречаются в ряде лезгинских языков [см. Топуриа 1959; Мейланова 1975]. Исходной формой является *д.* По диалектам агульского языка представлено состояние, при котором следы каузативного форманта сравнительно хорошо сохранились всобственно агульском диалекте, чем в других диалектах.

Каузативные формы делятся на три группы.

1. Каузативные формы глагола имеют противопоставление «переходный – непереходный». Эта группа, в свою очередь, делится на каузативные глаголы, которые имеют корреляцию, а именно: основы глагола отличаются противопоставлением предкорневых элементов: *й ~ р: кейхъас* «сбросить по вертикали» ~ *керхъас* «упасть по вертикали»; *гIайхъас* «сбросить (между...)» ~ *гIархъас* «провалиться (между ...)» и каузативные глаголы, которые не выражены морфологически: *хъихьас* «надеть (через руки), накинуть на тело».

2. Глаголы, которые не имеют противопоставления «переходный ~ непереходный».

Данная группа делится на

а) каузативные глаголы с суффиксальным показателем *-р- чIиркъвас* «жевать», *чIархIас* «тащить», *чIиргъвас* «разорвать», *алирхIас* «кинуть (со злости)»;

б) каузативные глаголы с префиксальным каузативным аффиксом: *дакъас* «качать», *ттуттанас* «трясти», *рукIас* «копать» и др. Здесь же встречаются по диалектам метатезированные формы типа *акуранас* «белить, мазать», ср. кош. *арквас;*

в) глаголы, в которых формант каузатива оставил след в предшествующем гласном в виде долготы: *алаакъас* «брить (голову)» (ср. деепричастную форму

несовершенного вида *аларкьай,* где всплывает аффикс каузатива *-р-); алаатас* «вылить, слить» (ср. цир. *арайзвас; й* – формант каузатива).

3. В третью группу входят лабильные глаголы, которые совмещают формы «переходный ~ непереходный», то есть, глаголы, в которых формы «переходности ~ непереходности» не дифференцированы. Это глаголы *кIес* «убить» (с переходным значением), *кIес* «умереть» (с непереходным значением); *руьхьес* «кипятить; варить» (с переходным значением), *руьхьес* «кипеть; вариться» (с непереходным значением) и др.

Литература

Абдуллаев И.Х. К истории некоторых словообразовательных моделей лакских географических названий // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986.- С.83-90).
Алексеев М.Е., Загиров В.М.. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992. 96 с.
Алексеев М.Е.. Вопросы сравнительно–исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 158 с.
Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане.- Махачкала, 1988. 127с.
Алиева С.А. Ономатопы в разносистемных языках: структурно–семантическое описание// Известия гочудартсвенного университета им. А.И. Герцен, 2009. –.126 – 131.
Алпатов В.В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопросы ономастики. – 2010. – № 2 (9). – С. 85–94.
Алхасов Г.А. К вопросу об этимологии агульских ойконимов // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. Вып.2. ДГУ. Махачкала, 2004.- С.19-31.
Ахмедова З.Г., Багомедов М.Р. Семантика топонимических единиц губденского говора даргинского языка // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Вып.з. Махачкала, 2007.- С.73-80.
Багомедов М.Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка. Автореф. дисс… канд.филол.н. Махачкала,2001. 21 с.
Багомедов М.Р. Структурные особенности даргинского языка (на материале муиринского диалекта) // Дагестанская ономастика. Вып.2. Махачкала. 1996. –С.38-45.
Багомедов М.Р., Гасанова С.Н. Антропонимический фонд новописьменных языков полиэтнического региона // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе северного Кавказа. Ставрополь, 2010.- С. 156-158.
Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И, Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – нач. XX в. Историко–этнографическое исследование. – Махачкала, 2007. – 483 с.
Гайдаров Р.И.. Лексика лезгинского языка (Основные пути развития и обогащения). Спецкурс. Махачкала, 1966. 265 с. ^
Гайдаров Р.И.. О категории числа в лезгинском литературном языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 78–83.
Гайдаров Р.И.. Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке. Пособие для учителя. Махачкала,
*Ганиева Ф.*А. Отраслевая лексика лезгинского языка. Махачкала, 2004.
Ганиева Ф.А. Словосложение как один из способов словообразования в хиналугском языке // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С. 121–126.
Гасанова М.А. Волк и собака в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 54–56.
*Гасанова М.*А. Концепт «труд» в табасаранской языковой картине мира // Вест– ник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 193–199.
Гасанова С.Н, Ванатиева., Н.Г. Метафора в топонимах агульского языка// Вестник ДГУ. Вып.3. 2014. – С. 195=198
Гасанова С.Н. Структурно-семантическая классификация микротопонимов агульского языка (на материале микротопонимов сел. Тпиг) // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Вып.2. Махачкала, 2006. – С.68-73.
Гасанова С.Н., Ванатиева Н.Г. Метафора в топонимах агульского языка//Вестник ДГУ, № 3, 2014. – С. 195–198.
Гасанова С.Н., Самедов Д.С. К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания в агульском языке // Вестник Адыгейского ун-та. Вып 1. Серия «Филология и искусствоведение» . Майкоп, 2012, №2. –С.197-203.
Гигинейшвили Б.К.. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во ун–та, 1977. 165 с.
Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Махачкала, 1991.

Дирр А.М.. Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК. Вып. 35. Тифлис, 1905.
Загиров В.М. Словообразовательные суффиксы имен существительных в языках восточнолезгинской подгруппы^// Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С. 144–149.
Загиров В.М.. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 143 с.
Ибрагимов И.Г. Агулы VIII- первая половина XIX века. Махачкала, 2008,231 с.
*Исрафилов Н.Р.*Фитинский говор агульского языка. Махачкала, 2013.
Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М., 2012. – 204 с. 6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 **с.**
Курбанова М.Б.. Типы и виды омонимов в современном лезгинском языке // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 20 с.
Лакофф Дж., *Джонсон* М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. Поступила в редакцию 22 января 2013 г. UDK 811.351.31"366.58
Левковская К.А.. О специфике префиксации в системе словообразования (На материале немецкого языка) // Вопросы грамматического строя. М.: Изд–во АН СССР, 19565. С. 299–321.
Магомедов Н.Г.. Семантико–словообразовательные связи многозначных существительных со значением лица в русском и лезгинском языках // Автореф. дис. ... кан^. филол. наук. Махачкала, 2000. 23 с.
Магомедова С.Д. Склонение имен в агульском языке // Автореф. дис. канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 21 с.
Магомедова Э.Дж. Фоно-морфологические и лексические особенности буркиханского диалекта агульского языка. Автореф дисс. канд.филол.н. Махачкала, 2001.
Магометов А.А.. Агульский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 242 с.
Магометов А.А.. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках) // Иберийско–кавказское языкознания. Т. 8. Тбилиси, 1956. С. 315–340.
Мейланова У. А.. Очерки лезгинской диалектологии. М.: Наука, 1964. 416 с.
Мейланова У.А, Сафаралиева Э.Я.. О лезгинских домусульманских именах и адаптации некоторых имен восточного происхождения в лезгинском языке // Ежегодник иберийско– кавказского языкознания. Тбилиси, 1988. Т. XV. С. 293–301.
Мерданова С.Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка. М., 2004.
Мерданова С.Р. Фонетическая интерференция при взаимодействии языков с контрастными фонологическими системами (на материале русской речи агульцев). Автореф. дисс. канд.филол.н. Ленинград, 1986.
Мерданова С.Р., Даниэль М. Концептуализация числа в языке без дефектных числовых парадигм (Агульский язык – взгляд извне и изнутри) // Труды международного семинара Диалог- 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, Т. 1. Аксаково. М., 2001.
Мерданова С.Р., Федорова О.В. Дейктическая система хпюкского говора агульского языка // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С.220-231.
Минлос Ф.Р. Неточная редупликация как средство выражения значения репрезентативной множественности» // Труды международного семинара Диалог-2002 по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям». Протвино. 6-11 июня 2002
Мусаев М.–С.М.. Лексика даргинского языка (Сравнительно–исторический анализ). Махачкала, 1978. 129 с.
Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 56
Насрулаев А. Этногенез агулов. Махачкала. 30 с.
Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования. Махачкала, 1984.
Отраслевая лексика дагестанских языков. Названия животных и птиц. Махачкала, 1988.
Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала, 1986.
Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала 1985.

Самедов Д.С.. Некоторые вопросы лексики арчинского языка// Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 29 с.
Сравнительно–историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. 295 с.
Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка// Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1986. 22 с.
Сулейманов Н.Д. Некоторые аспекты сравнительно– исторического исследования словообразования дагестанских языков // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 1. Материалы межвузовской конференции, посвященной 65–летию Даг. ун–та. Махачкала, 1996. С. 106–108.
Сулейманов Н.Д. Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках (Сравнительно–исторический аспект). Махачкала, 2000.318 с.
Сулейманов Н.Д. Сравнительно–историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 19936. 210 с.
Сулейманов Н.Д. Структура сложных имен существительных в восточно лезгинских языках // Наука и молодежь. Сборник статей молодых ученых и аспирантов по гуманитарным проблемам. Махачкала, 1997. С. 335–339.
Сулейманов Н.Д.. Словообразование в агульском языке // Журнал «Дружба». Махачкала, 1981, № 2. (на лезг. языке). С. 103–106.
Сулейманов Н.Д.. Способы словообразования агульских антропонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 50–52.
Суперанская А.В. Что такое топонимика. М.:Наука, 1984. – 182 с.
Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
Тарланов З.К. 100 агульских пословиц с переводами на русский язык и толкованиями. Петрозаводск. 2000. 56 с.
Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. 287 **с.** *Тарланов З.К.* Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки . Петрозаводск, 2005.
Тарланов З.К. Агульские песни и пословицы. Петрозаводск, 2003. 132 с.
Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск,2005. 783 с.
Тарланов З.К. К вопросу об изоморфизме глагольно– именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания, 1980, №3. С. 69–78.
Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 6. Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639 с.
Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М.: Наука, 1961
Хайдаков С.М. Сравнительно–сопоставительный словарь даггестанских языков .– М.: Нака, 1973.
Хайдаков. С.М. Сравнительно–сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. 179 с.
Ханмагомедов Б.Г.–К, Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско–кавказские языки. М.: Наука, 1967. С. 545–
Ханмагомедов Б.Г.–К. Об одной группе прилагательных в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический
сборник. Вып. 3. М,, 1996. С. 55–56
Хидиров В.С. Основные категории глагола в крызском языке (в сравнении с соответствующими категориями глагола в лезгинском и хиналугском языках) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964.
Хидиров В.С.. Особенности глагольного словообразования в крызском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. С. 155–167.
Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327 с.
Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1941. 198 с.
Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
Эседуллаева Н.Б. Сравнительные и образные обороты, парные и удвоенные слова в лезгинском языке // Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2001. 18 с.
Эфендиев И.И. Персидская лексика в нахско–дагестанских языках. Махачкала, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ